

Третьего октября 2004 г. я, Козлова Алена Геннадьевна, беру интервью у Нетто Льва Александровича. Москва

В. Лев Александрович, давайте вспомним с самого начала, что вы помните о своей семье, о бабушке, о дедушке, о корнях. Что вы помните об этом, что вы знаете?

О.: Ну в какой-то степени, определенная информация в памяти сохранилась еще с детских пор. Прежде всего, бабушек и дедушек я тока знаю, в основном, со слов уже родителей. Потому что только мои родители здесь, в России оказались или прибыли в Россию из Эстонии. Они оба, значит, эстонцы коренные. Отец, мой прибыл в Россию, еще когда был призван в девятьсот пятом году, на военную службу. Ну, на японской войне он, правда, был туда направлен, но застал уже к концу, поэтому в боевых действиях он не участвовал. После этого, уже когда демобилизовался, остался здесь, в Москве, на заводе Зингера работать. А мама в семнадцатом году приехала с подружками, где-то после февральской революции. Когда в России началось бурное, интересное время тоже вот молодые люди интересовались, значит, всеми этими событиями. А это ж все была Россия, Эстония - это была губерния российская.

В. А как звали папу, маму? Вы не сказали.

О. Ну, Александр Генрихович, и Юлия Вильямовна. ...

В. Вот она приехала в семнадцатом году сюда?

О. Да, она приехала в семнадцатом году со своими с подружками. И как раз это, значит, было после февральской революции, как раз было такое бурное время, митинги, выступления различные были, партии. И она всегда говорила, что было очень интересно. Что они ходили по Москве, в красных платочках естественно, как это в то время было. Вот, на каждой площади или на каждом где-то углу были митинги, выступали. Они, конечно, в этом очень смутно разбирались. Во всех этих политических ситуациях. Но везде, как говорится ...

В. Воодушевление?

О. Да ... когда, кончал кто-то выступать, всегда кричали ура, приветствовали. Хотя порой это было совершенно противоположное [смеется] лозунги, призывы и так далее. Так. Вот, ну на этих митингах она, собственно, познакомилась, еще новые подруги появились в Москве. Это сестры Теодора Нетте. Вот. И вот с ними она как-то подружилась, вместе были. И в дальнейшем это, конечно, тоже, она оказалась, значит, в таком кругу, достаточно, ну как сказать, высоком. Она работала в секретариате Народного Комиссариата Иностранных дел. И вот эти его сестры там работали. Вот. Ну и он, (имеется в виду Теодор Нетте -А.Г.) а он тоже был ведь ...

В. Дипкурьером?

О. Дипкурьером, да. То есть там же работал. Ну и поэтому, значит, тоже и общались, знали друг друга. И у нас в доме, в семейном альбоме, сохранилась фотография, где эти сестры его, и сам Теодор. Ну, в это же время уже мама познакомилась с отцом.

Между нашими фамилиями ничего, фамилии немножко разные. Нетте был латыш, а тут эстонская фамилия. Фамилия наша совсем другая. Ну, немножко я знаю о корнях нашей фамилии. Что фамилия эта все же ... хотя родители были эстонцы, ну фамилия-то не эстонская. А фамилия эта пришла в Эстонию, в Прибалтику из Италии.

В. Почему Вы так думаете?

О. Так как, я так вычислял что это где-то мой прадед. Это еще, было, значит, даже может быть в восемнадцатом столетии. Был выписан из Италии как садовник, немецким бароном. Ну, в Эстонии. Вот он туда прибыл, выполнял. У него там розы ... ну, видимо, там и остался жить. И так фамилия появилась эта, Нетте, в Эстонии. А я только знаю уже по рассказам отца, что у него было двенадцать братьев и одна сестра.

В. У вашего отца?

О. У моего отца было. Так. Вот. Но самых старших братьев он практически не видел и не помнит. Потому что старшие братья как подрастали, где-то уже к возрасту, к двадцатилетнему, уходили в море, как это было принято в Эстонии или значит, занимались на суда. Уходили, значит, в мир и больше уже как-то даже и не возвращались

и ничего. Поэтому, эта фамилия, Нетте, она распространилась достаточно широко [смеется].

В. Новый эстонский род появился?

О. Да. Вот. Но только, здесь, в Москве был только еще младший брат, Сергей был. Ну а сестра осталась в Эстонии, ну, естественно, она уже и потом носила другую фамилию и в дальнейшем уже даже как-то связь прервалась. Ну, отец, вот я говорю, что он значит, здесь, в армии, здесь остался. Он еще когда был в Эстонии, начал работать. Он приобрел специальность краснодеревщика. А работал он в городе ... жил он в городе Валка, это на границе с Латвией. И поэтому он, общался, естественно, с латышами и он хорошо разговаривал и по-латышски. Болтал по-русски и по-латышски. Ну, естественно, какая-то там дружба завязалась, какие-то знакомые. И вот, когда он уже вернулся из армии, демобилизовался, где-то там, в десятом году или где-то там, он опять встретился с этими же вот друзьями, здесь, в Москве и которые потом сыграли большую, значит, роль в его дальнейшей судьбе. Потому что эти ребята потом, после уже, вот после октябрьской революции они оказались даже еще раньше, в латышских частях, которые были здесь, в России. Латышские стрелки так называемые. И поэтому отец тоже оказался, в конце концов, в числе этих латышских стрелков, вот. Ну и он, конечно, тоже принимал достаточно такое активное участие в этих вот революционных ... событиях в Москве. Как латышский стрелок он тоже рассказывал, как они здесь после Петербурга ...

В. Он участвовал в революционных событиях в Москве?

О. Революцию, да ... Он был в Москве когда здесь произошло ... смена власти произошла. Ну, конечно, и до этого он уже независимо от латышей он тоже уже подключился к этой, к революционной деятельности. Вот, и у меня даже есть воспоминания, одного из ... уже русского, который еще с ним вместе был в революционной деятельности в Подольске участвовал. И давал, значит, свои воспоминания о тех вот годах. Именно потому, что никаких документов, ничего это не сохранилось. Но все эти вот воспоминания остались.

В. Они опубликованы, эти воспоминания?

О. Нет, это не опубликованные ... Это тогда, когда нужно было уже отцу на старости лет, когда он вышел на пенсию и начал оформлять пенсию ... республиканскую, нужно было какие-то подтверждения. Вот, и документов никаких не было. И все они между собой говорили, что мы же революцию делали, документы за это не брали. А с них требовали конкретных доказательств, что вы действительно участвовали в тех-то или тех-то событиях, связаны с теми, с теми там людьми.

В. То есть он как свидетель?

О. Да, это как подтверждает факты и все. А так они, значит, друг другу давали такие свидетельские показания, и вот это осуществлялось. А в то время он в этом кругу очень широко вращался, он же рассказывал. Особенно это вот, когда уже в восемнадцатом году, опять эти были в Москве восстания против большевиков. И когда, как говорится, судьба ленинских планов была на грани, возможно, даже срыва или провала. И как латышские стрелки, как самые надежные охранники новой власти и вообще такие преданные были этому режиму, и как они сохранили, и в Москве разгромили этих вот, это когда была Спиридонова там, все эти меньшевики, эсеры. В этом плане отец был, как вот в этом воспоминаниях и пишется, что он был верен всегда линии партии. Никаких уклонов не признавал, нигде ничего. То есть это свойственно вот как раз [смеется] этим вот латышским стрелкам, которые, коль уж они пошли по какой-то линии, значит, за Лениным, то никаких уже отклонений, ничего не признавали. Готовы были идти на смерть, но уже никаких новых в себя ...

В. Идей?

О. Идей не допускали и не признавали.

В. А Вам что-нибудь отец рассказывал о революционных событиях в Питере или в Москве или о событиях восемнадцатого года?

О. Нет. Отец, он был в общем немногословный, он как-то не рассказывал. Что я даже знаю, где он был, куда он в командировки ездил, чем занимался - это все со слов мамы. Она все отдельные какие-то воспоминания, может быть даже отрывочные, говорила и вот

у меня тоже это как-то запечатлелось, а подробно я даже не знаю. Но вот, когда мама работала в Наркоминделе, она, конечно, тоже вспоминала, про это. Она даже больше рассказывала, самые такие, в крупном плане такие моменты. Что, скажем, она Ленина видела только один раз, когда он приезжал к ним в Наркоминдел, выступал. А вот с Троцким она как бы соприкасалась и с выступлениями. Он же был, непосредственно руководил Наркоминделом одно время, поэтому он был ее как бы, ну, можно сказать, даже кумиром ее. Поэтому, когда у нее в двадцать пятом году родился сын, она назвала его этим же именем, которое было у ее кумира – Лев.

В. А у отца звание какое-то было?

О. Нет, нет. Он был еще из царской армии унтер-офицером. Есть фотографии его в форме, а когда он был в Красной армии нет ни фотографий, ни я не помню, чтобы у него было какое-то звание. Он был артиллеристом, это я знаю, что он был в артиллерии, а в дальнейшем, то тут уже звания никакого не было, тут было другое – идейная верность была. Насколько мне мама говорила, что папа был в Москве после семнадцатого года, октября, в составе первого московского Совета. Был избран именно как раз от деревообделочников, тогда такие складывались не клубы, а какие-то направления. А в дальнейшем он перешел на профсоюзную работу, он больше был представителем профсоюза. Это тоже есть некоторые его воспоминания, где он в каком-то профсоюзе был, в Краснопресненском. Ну и я еще сам лично помню, когда я родился в двадцать пятом году, отец с мамой уже тогда жили в переулке на Сретенке, где мы практически прожили всю жизнь. Там в нашей квартире еще были латышские стрелки, еще три семьи были. Это было принято, такое...

В. Коммунальная квартира.

О. Коммунальная квартира, вот. Вот у этого латыша, который моих познакомил, у него было две комнаты, а отец имел одну комнату, но когда я родился в двадцать пятом году, то они поменялись. Вроде они с женой там вдвоем, а тут у тебя уже семья, ребенок, значит, давай поменяемся. И на таких, на товарищеских, дружеских условиях это было сделано.

Да, по-человечески все это было сделано. В этой квартире была такая дружная маленькая колония, можно сказать, эстонская, хотя в свое время в Москве было очень много в эстонцев. У них была своя церковь, там клуб был, общались. Я так помню, что мы даже как-то ездили в гости к одним, другим, но мы если ездили в гости, то мне запомнилось, как мы играли там между собой, дети между собой, а уже как там, что там взрослые разговаривали, мы в этом не участвовали. Эти дети у меня в памяти сохранились. А в квартире, где было еще три семьи этих латышей, мне хорошо запомнилось, как всегда все праздники, которые были, особенно, новый год, это всегда была складчина. То есть вся квартира, вместе, в какой-то там комнате накрывался стол, как это было принято уже среди взрослых, ну а мы там, дети, между собой общались. И это было всегда очень весело, интересно, дружба большая была. Ну и это было вот такая жизнь. Да, ну в двадцать седьмом году у меня родилась сестренка, но она еще совсем в месячном возрасте умерла. Что, почему – я, конечно, тоже не знаю, никогда не интересовался, но как-то потом уже позднее, в разговорах узнал, что если бы сестренка осталась бы жить, то, конечно, нас было бы двое: я и сестра, и не было бы моего брата [смеется]. Так уже видно судьба сложилась, что в тридцатом году родился брат Игорь. Так вот мы два брата так вместе все на переулке на Сретенке и жили. Мне запомнилось начало тридцатых. Запомнилось, что отец очень часто ездил в командировки. Он был на работе все время. В то время было такое движение, как это помню, пятидесятники-десятидесятники, которые ездили, направлялись по периферии. Для укрепления советской власти, так это считалось. И отец всегда к этим командировкам привлекался. Это я хорошо помню, как он возвращался из средней Азии. Он, конечно, ничего не рассказывал как и что, но мне запомнилось просто даже зрительно, уже так у меня осталось, когда я помогал отцу чистить его оружие, наган, который ... Тогда мне было просто интересно, забавно. А уже в более

позднем возрасте я пришел к такому заключению, что раз отец чистил оружие, значит, видимо это оружие он и применял. Мама еще рассказывала, что в одной из таких командировок отец куда ездил, то эту группу возглавляла дочь Ворошилова. Она с какой-то может быть с гордостью говорила что это, значит, было такое, ответственное мероприятие. Ну, естественно, мама в Наркомиделе, работала до того, пока я ... До двадцать четвертого года. Потом там ситуация начала меняться, климат там начал меняться по-другому. И когда я еще был маленький, она, работала, ну где-то в двадцать шестом или двадцать седьмом году, она оттуда ушла. Ушли и многие другие с тем, чтобы, ну, не мозолить глаза, не быть ...

В. Между двух огней?

О. Да, между двух огней. В дальнейшем это имело значение. Ее никто уже не преследовал, не искал, хотя она работала в то время, когда там хозяином был Троцкий. Мне памятли те годы, когда уже тридцать пятом или в тридцать четвертом, когда Кирова убили?

В. В тридцать четвертом году.

О. В тридцать четвертом году, да. Первого декабря. Вот эти события, которые начали разворачиваться после этого убийства.

В. А как вы помните это?

О. Ну, во-первых, началось периодическое. На Первомай, на седьмое ноября, а он тогда уже работал на Трубной. Был такой Наркомат среднего машиностроения. И на эти праздники всегда там ходили на демонстрацию. После демонстрации был такой торжественный вечер, где просто было чаепитие, я не помню, чтобы там было такое распитие алкогольных напитков.

В. А где это было организовано?

О. Это было прямо в зданиях, в рабочих помещениях собирались. Там же в основном работала та гвардия, которая еще с семнадцатого года и дальше была кто где: кто в промышленности, кто в профсоюзе, кто в партии работали, и все они друг друга знали, встречались. Мне запомнилось, что интересно было всегда, ну годы были достаточно сложные, тяжелые в смысле питания и всего, а во время этих встреч они всегда получали какие-то пайки, им там выдавали после этих демонстраций даже и промтовары какие-то давали. И поэтому я как-то много их видел. Это продолжалось практически каждый год, вот такие встречи, где руководство наркомата собирало своих сотрудников, а сотрудники друг друга знали еще с революционных лет еще, поэтому это были не просто так друзья по работе, а это были самые настоящие единомышленники. И вот, постепенно они как-то начали один за другим пропадать. Я слышал, как между собой начали уже отец, его друзья тоже рассуждать: что же происходит, что это такое, куда, мы идем, в чем дело, почему люди, которые безукоризненно честные, преданные и которые ну там тени сомнения нет, что они какие-то там враги или где-то что-то такое, но они начали исчезать и, конечно, это уже вызывало тревогу. В это же время прекратились всякие у нас посещения тех же вот эстонцев, которые были в Москве, в гости больше уже не ходили, понимаете. Я учился на улице Мархлевского, а это, значит, в самом центре, недалеко Лубянка. Вот я помню, весной мы любили, ну детишки, где-то я там помню, четвертый или пятый класс там был, бегать во время больших перемен, мальчики и девочки бегали вокруг по Лубянке, вокруг этого здания. Самое главное, мне запомнилась такая какая-то наша детская психология: когда мы бегали вокруг этого дома НКВД, там около каждой двери тогда еще стоял, прямо на улице, солдат в буденовке с винтовкой со штыком, стоял так, и когда мы, значит, видели что он где-то отворачивается, мы старались заглядывать в полуподвальные окна, потому что мы между собой говорили, что там где-то расстреливают. Это не только я слышал от своих родителей, но и другие дети, с которыми мы абсолютно не знакомы были с семьями, но видимо в то время это очень...

В. Устойчивый слух такой был.

О. Да, было на слуху везде, и все это знали и когда мы потом опять прибежали к себе там в класс, и в другой раз там даже обсуждали, то говорили: «Но расстреливают не русские, расстреливают китайцы, потому что такие русские не могут это, потому что они с ума

сходили, когда расстреливали»,- вот. Даже вот такой вот момент. Детское такое впечатление может быть тех пор, которое имеет под собой основу определенную, это не просто так выдумка или фантазия, а это действительно было, это висело в воздухе в то время. Ну и дальше, конечно, пришел тридцать седьмой год, тридцать восьмой год, один за другим исчезли наши латвийские стрелки, которые были в нашей квартире... Трудно щас уже сказать, в какие годы, но постепенно все исчезли.

В. А не помните как они исчезали: какие-то обыски, ночные визиты, что-то такое осталось в памяти у вас?

О. Нет эти моменты у меня как-то не запечатлелись. Потому что все эти исчезновения, аресты были в вечернее, в ночное время, естественно, дети спали. Дети не знали. Только потом ... опять мама всегда говорила, позднее, много позднее, что как только раздавался звонок, то они с отцом уже, ... ну их дрожь брала. За кем пришли, за кем пришли. Вот так постепенно исчезли эти трисемьи. Одна семья, Кикас такой с дочерью, они были вместе забраны, исчезли. А вот там Граудинг он просто-таки был арестован и пропал бесследно. Жена его осталась, она потом была выслена из этой квартиры, ей где-то каморку дали. Вот она уже там, как нищенка просто-таки жила. А вот под нами, в квартире номер шесть, такой был Морис, он работал в московской ... кремлевской комендатуре, достаточно какой-то большой пост занимал. Его на работу и с работы машина доставляла. У него была не коммунальная квартира, а у него была отдельная квартира. А у него был сын Бруно, на год старше меня, и вот с ним мы очень, дружили вместе, я часто у них был и видел как они уже, конечно, совсем в другом достатке жили, и все у них там было. Но он тоже исчез. Естественно и Бруно с матерью и со своей сестрой тоже оттуда были выселены. Где-то, по-моему, в Селиверстовом переулке им выделили какую-то жилплощадь. И в дальнейшем вся семья распалась. Дочь я не знаю, куда она делася. А Бруно, он двадцать четвертого года рождения, когда началась война, он тоже пошел в ополчение и не вернулся, и ничего о нем не известно. Ну а старушка, конечно, жена, ну ее судьба можно только предполагать, чем это все закончилось. Так же как и ... Граудинг, которая тоже где-то ютилась, ну и превратилась, как сейчас говорят, в бомжа или в что-то таком роде. Часто возникал вопрос уже потом, как отец-то остался жив? То есть его не тронули, и это было не только в нашей квартире, а это по всему дому, это сплошь и рядом было. И вот у меня уже потом в дальнейшем, когда я вернулся через тринадцать лет моих путешествий военных и лагерных, да и война и служба в армии, лагерь. Обсуждали, почему, как могло быть так, что отца не тронули? Ну и, изучая события тех лет, пришел к выводу, что это была просто случайность, видимо. Потому что часто было так, что те, кто приходил арестовывать, они были, под градусом, так мягко выражаясь. Путали фамилии, путали квартиры и все. Видимо, пришли может даже напротив нашей в девятую квартиру. Такой-то здесь живет? Он говорит: «Нет, такой здесь не живет». Ну ладно ... вот пойдём, одевайтесь, пошли, а там разберутся. И забирали, в списке что-нибудь отмечали, что такой-то, скажем там Нетто, все ... значит, изъят из жизни. Вернее не из жизни, ну пока что отправлен, куда нужно. Отмечали в списках, а уже как там человек должен был доказывать, что он, как говорится, не верблюд. И, именно благодаря такому стечению обстоятельств, видимо, отец и остался жив. Он по возрасту в армию уже не призывался и поэтому работал в этом же самом наркомате, потом в министерстве среднего машиностроения ...

В. А какого года рождения отец?

О. Он тысяча восемьсот восемьдесят пятого года рождения. В сороковом году в Москве были организованы спецартшколы (специальные артиллерийские). Нахимовские школы были позднее организованы. В Москве было, по-моему, пять таких спецартшкол сделано, а я учился в третьей спецартшколе. И мне запомнилось, когда отец повел меня записывать в эту спецартшколу, это было около Курского вокзала. Я не помню, какое-то название переулочка, но хорошо помню зрительно, где-то было около Курского вокзала. Когда он встретился с заведующим учебной части, по-моему, был капитан, высокого роста такой, офицер советской армии, а отец, значит, при мне как-то с ним обсуждал, еще сказал: «Мы - коммунисты должны тоже своих детей поставить на тот путь, которым мы пошли». И

поэтому он меня в это вписал, хотя у меня никакого стремления, желания на воинской службе служить абсолютно не было. Но вот нечего делать, отец туда ... направил меня.

В. А ваше желание было какое-то? Вы где хотели учиться? Думали сами?

О. Знаете что? Еще в раннем детстве у меня было желание быть дворником. Потому что в переулке где мы жили, там у нас был такой дядя Петя, дворник, который был хозяином этого двора, дома. И мы, дети с ним всегда работали, помогали, снег чистили зимой, там что-то делали, все очень хорошо, но его безусловно очень уважали. И если он где-то кого-то там гонял или что-то, все беспрекословно подчинялись. Мы просто-таки видели, что и взрослые люди с ним всегда здоровались... Уважали его, снимали там шапку. Чувствовали, что это авторитетный человек. И мне как-то в те поры, [смеется], я тоже хотел быть, как дядя Петя, таким дворником. Наводить порядок. Ну а позднее, когда я уже учился, особенно когда уже в спецшколе учился еще и раньше, меня очень увлекала математика. Я даже дополнительно всегда занимался в этих кружках. У нас такой был в спецшколе преподаватель пожилой уже такой очень, мужчина. Стратилатов его фамилия, это я хорошо помню, у него был кружок, человека ... четыре или пять человек нас было, которые увлекались математикой. Он с нами отдельно занимался, занимались всякими различными логическими задачами. Мы, кругозор математический расширяли, и я даже в другой раз не выполнял домашнее задание, по математике не делал, за это он мне педантично всегда ставил двойку, за домашнее задание. Но он хорошо знал, что я занимаюсь у него в кружке и в дневнике у меня всегда, конечно, были пятерки. Кстати у меня еще до сих пор сохранились по-моему, пять или шесть похвальных грамот как круглого отличника. Я всегда все же мечтал учиться, у меня даже есть грамота ... я в сороковом году учился уже в этом училище, участвовал в московской олимпиаде математической в МГУ. Значит, я призовых мест я там не занял, но поощрительная грамота у меня сохранилась. Это была моя мечта, ну как бы в науку окунуться. Поэтому воинская служба меня не привлекала, и вот меня отец направил на это дело, [смеется] как бы пойти по стопам отца вроде. Началась война, хорошо я помню шестнадцатое октября сорок первого года.

В. Давайте чуть-чуть вернемся. Вот сороковой, сорок первый год начало, чувствовалось, что будет война? Ну, конечно, вы знали про войну в Испании, что Вы думали об этом? Как работала советская пропаганда, что Вы читали, какие кинофильмы смотрели тогда?

О. Нужно прямо сказать, что воспитывались мы на «Если завтра война, если завтра, значит, в поход» и другие там. Все эти фильмы, которые показывали, как мы будем, ... Воевать как мы будем сражаться там с фашистами. Ну это уже те годы, когда были вот эти переговоры. Рибентропп приезжал, и взрослые, когда вслух тогда общались, говорили, это как-то не воспринималось серьезно даже ... было какое-то недопонимание. Как и что это, почему это происходит, это же вроде наши в-враги. Недопонимание было вот. И поэтому даже у нас, у детей, было совсем другое понятие, мы все понимали, что немцы - наши враги и все. И вот, когда началась в сорок первом году война, мы были на даче в Звенигороде, как мы обычно каждое лето там были. И когда мы с ребятами встретились уже в школе, то начало войны мы встретили с ликованием и с радостью, а почему? А потому, что вот теперь-то мы и покажем нашим врагам кто мы есть. Если завтра война значит, мы сразу же ... будем бить врага на его территории. И как бить ... это тоже в этих фильмах было. Бомбить там Берлин и все такое дело. И поэтому мы думали: «Ну, наконец-то мы дождалась». Что эти фильмы станут реальностью нашей жизни, и мы будем ...

В. И вы будете этими героями?

О. Да, но... время показало, что все получилось [смеется] не так, как это мне показывали. Но действительно такой настрой, а это не только у меня, а это вся наша ... скажем, в нашем дворе, в нашем доме было очень много детей, целая колония детская там была и

все так, как говорится, настроены. И притом нужно сказать, что даже на наш настрой несколько не повлияли эти вот годы репрессий. Вот тот же Бруно, ... отец которого пропал. Мы же продолжали вместе общаться все. И никогда не было чувства озлобленности или недовольства или что-то такое ...

В. Озлобленности на власть?

О. Да, вот это я имел в виду. А именно было то, что это наши враги, наша страна, наш Советский Союз.

В. Как вы относились к Бруно? Вы знали, что его отец арестован, что он враг народа. Что вы думали об этом?

О. Я скажу так, что это же продолжалось на протяжении большого количества времени и лет, когда начали люди исчезать, пропадать, все эти процессы когда были Рыкова, Бухарина и всех остальных, Промпартии. Первый процесс был, это ж тоже взрослые обсуждали. Я опять не могу какие-то подробности говорить, но вот общая атмосфера, общее отношение к этому было, что происходит непонятное, неясное, что эти люди не враги, эти люди не предатели, это, не какие-то шпионы, а ведь наоборот это что-то происходит непонятное. Вот, так между собой взрослые говорили ...

В. И ваши родители?

О. И это передавалось нам, детям, поэтому у нас тоже никакого не закладывалось недоверия или даже какой-то вражды против власти, правительства, против того же Сталина. Все это ... воспринималось как какие-то происки врагов.

В. А в школе у вас наверно тоже родители одноклассников были арестованы, в школе как-то об этом говорилось, учителями отмечалось это?

О. Нет. В моем кругу детей этого не было, мы как были друзья, так мы и оставались. И что ж Бруно, отец его пропал, у других латышских стрелков, они были постарше, у них не было детей просто, и просто семья распалась. А вот с Бруно мы были друзья, большие друзья были, и никогда не было тени сомнения, еще больше какого-то уважения было к тому же Бруно. Вот его отец, он тоже латышский стрелок, он революционер, он эту революцию делал, и даже по своим заслугам работал в Кремле. Я никогда не завидовал тому, что его отец приезжал и уезжал на машине, что у них была отдельная квартира, у них все было, обстановка совсем другая, , я часто у него там был, вместе играли, все игрушки у него были совсем другие, к которым я был недоступен, но у меня не было никогда никакого такого чувства, такого какого-то знаете, что это что-то другое, что он из другого общества, он из другого ну...

В. Социального слоя?

О. Пласта жизненного людей. Нет. А главное было, что наши отцы были между собой верными друзьями, и такая верность, преданность, она передавалась и нам. Поэтому у меня лично не было таких людей, с кем получилось на этой почве какое-то разногласие, что-то мы не доверяли друг другу, или даже распалась наша дружба – это не было. Вот это именно было характерно, что это в нас вошло, в плоть и кровь, и это было настолько прочно и четко, что ничто не могло повлиять. Даже вот такие вот репрессии, они не могли детскую, верность, преданность поколебать.

В. Это было навсегда или до поры до времени?

О. А это дальнейшая жизнь уже все прояснила для меня...потом я уже увидел действительную жизнь, как она была, общался с более широким кругом людей, но это уже была армия, это уже были плен и так далее и так далее...

В. А пока в сороковом году вам было пятнадцать лет, да? Вы закончили десятый класс...

О. Мне было пятнадцать лет в сороковом году, да? Нет, в сороковом году я закончил восьмой класс,

В. Восьмой класс и пошли туда в артшколу.

О. И пошел, в сорок первом году я пошел в девятый класс спецшколы, мы носили военную форму полностью.

В. Какой у вас был режим? Вы жили дома?

О. Жил дома. А остальное все время были в школе, в школе нас и кормили, что-то было бесплатно, одежда была там, все полностью даже все, что нужно было. В сорок первом году, летом мы были в лагерях...

В. Где вы были в лагерях?

О. Под Москвой, я даже сейчас уже не помню, где. И мы только видели, как были налеты уже...

В. То есть это уже шла война, а вы были в лагерях?

О. А мы были в лагерях, мы были в Подмоскowie. Бомбили Москву, бросали зажигалки, когда я приехал в Москву уже осенью, это было летом в основном бомбежки Москвы, вот, и уже там рассказывали ребята, и отец рассказывал, как они там дежурили, сбрасывали зажигательные бомбы в песок, в воду, было такое очень интересно, а мы были в лагере. И с первого сентября мы опять начали нормальный учебный год уже в девятом классе спецшколы, ну так мы учились буквально до где-то до шестнадцатого октября сорок первого года.

В. И что случилось шестнадцатого октября? Почему этот день вам так памятен?

О. Потому что школа моментально, быстро свернулась, все было брошено, и все начальство этой школы, руководство, офицерский состав, эвакуировались, школа была эвакуирована куда-то.

В. То есть была всеобщая эвакуация Москвы в этот день?

О. Да, это была общая такая паниковая эвакуация. Конечно, уже и до этого отдельные семьи, которые уже были ориентированы больше, они уже уезжали, а это было такое общее бегство из Москвы. Вот и нас тоже бросили и когда мы пришли в школы, а там уже никого нет, уехали уже. Потом задним числом кто-то узнавал, где эта школа, где-то в Сибири, естественно, все уехали. Ну отец говорит: «Ну, раз уехали, ты остался здесь значит, уже никуда там искать блуждать не нужно, будем здесь, значит, семья, здесь, вот». Мама с Игорем находится в Звенигороде, а мы с отцом были в Москве.

В. Вы помните тот день, как выглядела Москва? Что было на улицах?

О. На улицах неразбериха какая-то была. Были и погромы различные, грабили магазины. Я слышал, что где-то и фабрики там таскали, то есть, где кто работал, тот, что там было, то и таскал.

В. А вы что видели?

О. [вздыхает] Ну что я видел? Отец меня никуда, значит, не пускал, чтобы я был, сидел дома, сам он, тоже не знал, что делать, как быть, эвакуироваться, не эвакуироваться, самое главное, что мама с Игорем были не в Москве...

На даче, поэтому как-то семья была разбита. И наркомат, естественно, тоже эвакуировался, он остался и, как я понял, что у них было, ну какая-то такая договоренность или какая-то может быть, не знаю, об этом он не говорил никогда ничего, что, если немцы ... войдут в Москву, то значит уничтожали документы, я хорошо знаю. Отец много там все это, всякие книги там были все это уничтожалось переписка, газеты ...

В. Это все дома уничтожалось?

О. Да, это все сжигалось. Потому что все же уже боялись, что немец придет ... может прийти в Москву, это считалось такой реальностью, несмотря на то, что оборонительный пояс вокруг Москвы создавался. Наша спецшкола тоже мы были, копали окопы, копали противотанковые рвы, помогали устанавливать эти самые противотанковые ежи, я хорошо помню это где-то в районе Крюково мы были. Это все это было да ну и Москва, естественно, вся была в баррикадах, подступы к Москве, улицы все были забаррикадированы, это я хорошо помню. самые настоящие баррикады, как это принято.

В. А из чего они были сделаны?

О. Были сделаны, ну, в основном это были сделаны, из железа и камень, , эти ежи были и всякая арматура железная ...

В. Прямо на улицах?

О. Прямо на улицах, да, перегорожены были, потом были, эти самые, даже в виде баррикад были поставлены эти, как называется, вот там, где-то трамваи, автобусы. Значит, некоторые были, я хорошо помню, повалены так на бок, кое-как. Ну, то есть собиралось

какое-то такое ... хаотичная преграда, вот, это все это все было. Вот. Да ну и, когда уже немец подходил к Москве, значит, отец, он из Москвы не уходил никуда, был в Москве, а меня с одним там нашим знакомым, направил в Звенигород, с тем, чтобы помочь, чтобы мама с Игорем тоже приехала. Вот. Мы, окольным путем, не через нашу белорусскую дорогу, а через другую, по Рижскому вокзалу ехали в Волоколамск, добрались и практически, вот уже тогда я оказался где-то на прифронтовой полосе, потому что немец в Звенигороде не был, хотя кругом в деревнях уже были немцы, были финны, там были. Ну а сам Звенигород, не был, немцы не вошли, и у меня такие воспоминания остались, что, я не видел фронта. Хотя были обстрелы, фронта не видел, но я видел, как стреляли «Катюши». Как рядом с нашим домом проезжает машина, с этим самым ... «Катюша» ...

В. В Звенигороде прямо?

О. В Звенигороде, да. С городка, с горы, там так, дает залп куда-то, так летят эти самые светящиеся ракеты, вот, и буквально залп, два дает и тут же машина сворачивается и уезжает, вот, через несколько минут по этому месту начинается минометный обстрел, немцы стреляют, так. То есть вот это я был очевидцем, видел, так. Вот, даже вот у нас дома одна из мин попала в, перекрытие, значит, в конек соседнего дома и крыша провалилась, просто на наших глазах это было, ну так как-то было что таких жертв особенных никого что-то не было. И я только увидел первого, как говорится, убитого на этой войне это, когда мы уже вместе с мамой с Игорем, на саночках как-то со своим каким-то там со скарбом, перебирались, значит, к станции и вот в соседней там в деревне, где мы шли, в Игнатьево, на обочине дороги я увидел убитого нашего солдата. У которого было разворочено полголовы. Видимо, попал под минометный обстрел, где-то минометный был, и он был убит. Это было первое мое такое видение жертв этой войны. Вот это тоже там как-то в детской памяти сохранило. Я и по сей день его вижу, лежащим на снегу, распростертым как положено и развороченный череп. Это, конечно, была картина, которую до этого времени я никогда не видел и не предполагал, что, значит, может быть человек вот убит скажем там или разорван миной. Ну, что же, добрались втроем до станции Звенигород, и там с горем пополам, со всякими трудностями тоже еще попали на поезд, который еще как-то курсировал и приехали в Москву. Приехали, но это уже было где-то, наверное, ноябрь месяц или что, и мы уже, когда подходили, вернее, уходили из Звенигорода, пришлось увидеть уже ну не фронт как таковой как там стреляют или что, а вот видеть новые части, которые стали подходить к Москве. Это уже были ... даже приятно было видеть, когда эти были уже наши красноармейцы в белых полушубках, значит, ну там, в валенках, одеты по-зимнему, а не то, что как это все, то раньше было, даже тот вот убитый, он тоже был в ботинках, в шинели, то есть так как-то, знаете, что-то по-летнему одет был, а это уже совсем другое. И вот говорили, что это уже прибывают из Сибири, из Сибири, прибывают. Я уже своими глазами видел, что да, действительно, значит, идет какое-то подкрепление. И уже о том, что немец будет в Москве уже как-то такой настрой, такое общее, такое, как говорится, передача из уст в уста, оно уже как-то отпало и уже не было такого бегства из Москвы. Было, конечно, сложно, тяжело, все это понятно, не было никакого регулярного выдачи продуктов. Мы даже, когда приехали из Звенигорода, мы еще, по-моему, что-то полмешка картошки с собой привезли, понимаете, вот с тем, что знали, что в Москве, и отец сказал, что если что-то можно будет с собой привезти, то прихватите с собой. Так все это первые эти месяцы конца сорок первого года было такое непонятное состояние, но уже было спокойно, никто уже не бежал, никто ничего, а вот все ждали, когда же это будет. И насколько я помню, ну да ведь это уже был конец года, в декабре же уже и началось наше наступление войск. Но вот, конечно, уже когда началось наступление, это уже мы были в Москве, мы это не видели, в Звенигороде я уже не был, а там видел только, когда пришли первые такие солдаты, которые как-то давали определенную почву для того, что вот действительно это не просто разговоры пустые...

В. Надежду, да?

О. А что это уже реально что-то делается и что, ну и в то время, конечно, много было разговоров о том что все, эвакуировались, убежали, но... хорошо это я помню что Сталин

в Москве, что Сталин никуда не ушел, он был в Москве, у него был бункер свой где-то в метро, даже на улице Кирова, а мы ж там-то Сретенка это рядом. И это вот тоже как-то, знаете, в те годы сохранялась какая-то вера, преданность детская, оно все как-то складывалось одно к одному, что вера была в то, что, действительно, все отступали, все больше хватит. Тем более, когда уже началось наступление, это уже какой-то был совсем другой порыв, другой. Ну школа, значит, эвакуировалась, занятий, конечно, в школах тогда в Москве не было, поэтому, я пошел учиться в школу ФЗО, а школа ФЗО она была на этом самом на заводе, «Компрессор» по Шоссе Энтузиастов и сразу же... да на токаря учиться... и сразу же, что учиться, сразу поставили за станок и сразу показали, что надо делать, как обтачивать. И я обтачивал мины, обтачивал там снаряды вот в этом заключалась наша учеба. То есть мы работали практически на оборонном заводе, и считалось, что мы, значит, обучаемся этой ну... начало профессии, надо с чего-то начинать. И вот начали обучаться профессии токаря с того, что обтачивали мины.

В. И какой у вас рабочий день был?

О. Рабочий день, он был совершенно неопределенный, потому что еще ведь тоже были налеты на Москву, продолжались, вот были воздушные тревоги, работали в две смены, естественно, где-то часов десять мы работали, это уже норма была, так. Вот. Пускай дорога туда-сюда, вот, и часто приходилось оставаться на ночь на заводе. Я хорошо помню, что ночевали, значит, уже ... другая смена не приходила, а мы ночевали, потому что, как только тревога, то никакой уже ... движение, транспорт уже все, прекращался. И вынуждены были, на заводе приходилось побывать мне даже по полутора, по двое суток вот. Ну, в зависимости вот от этих ситуаций, вот. Ну, там было питание эти, как их называли, рабочий паек, столовая, так что в этом плане все было как-то ну вот,

В. Организовано?

О. Да, ну ... вроде, можно сказать, нормально было, так. Вот, даже еще было такой момент, что, когда я работал вот в этом самом ФЗО работал, получал рабочий паек там, суп. И что-то там другое такое, если каша какая-то, так, я, естественно, это ел. Ну, если еще к этому давали какой-то там котлету из какой-то крупы или что-то такое, какое-то подобие котлеты, естественно, так, я, значит, не съедал, брал с собой это, брал, привозил с собой для своего младшего братика. Даже вот такие моменты я хорошо помню, что это вот тоже как-то приходилось уже ... хотя мне было там шестнадцать лет, но приходилось вот тоже понимать, насколько сложная обстановка, и быть не просто иждивенцем, а тоже, смотреть на жизнь реальными глазами...

В. А отец в это время где-то работал?

О. Он ... как и был в этом наркомате ...

В. Но наркомат эвакуировался?

О. Эвакуировался, но кто-то там остался, кто-то был. И поэтому вот, когда уже отпала угроза, что немец войдет в Москву, то у них уже было как ... ну как отделение какое-то их наркомата, и поэтому они ... отец работал в отделе снабжения, или по снабжению, короче говоря, он работал. Вот. И, видимо, они выполняли какие-то функции все же, и, когда уже потом начали возвращаться уже так, постепенно начали возвращаться то так и он до самой пенсии, он там работал.

В. То есть в войну, в эти месяцы у вас была еще продовольственная карточка отца, да?

О. Карточка, значит, вот такая подробность еще, вот у меня была, карточка, рабочая карточка, у отца была карточка, мама начала шить белье ... вот армейское. Значит, она тоже получала...

В. Дома шила?

О. Дома, на швейной машинке, у нас была, так. Вот, она шила белье солдатское и тоже стала получать тоже рабочую карточку, практически только у нас Игорек, он тоже в общем маленький был, но он еще получал, ну детская карточка была.

В. Иждивенческая...

О. Да иждивенческая, была, по-моему, карточка...

В. А он что делал?

О. Ну значит, вот в сорок первом, пока тоже еще не учился, а уже в дальнейшем школы открылись уже в сорок втором году, уже все, учился и занимался, конечно, опять своими там спортивными делами, он увлекался, потому что еще до войны он же тоже уже ... он тридцатого года, значит, ему там было уже десять лет, одиннадцать лет было так, он уже тоже всю уже увлекался футболом...

В. Он ходил в секции какие-то, кружки?

О. Нет, ну какой. Сначала это было просто вот во дворе, между собой играли, между собой командами играли, между домами, даже между, команды между соседних улиц между собой играли.

В. То есть это стихийные такие команды?

О. Это все было стихийно...

В. Во дворе у вас тоже были две команды или всегда менялись?

О. Нет, эта, команды они никак не назывались, просто так собирались одни, другие как-то с друг другом, как-то на каких-то там взаимностях они организовывались, и вот, скажем, я тоже другой раз играл, так. Но я играл тогда, когда не хватало, где-то там значит, игрока.

Игрока не хватало так, не было комплекта. А так я как-то смотрел спокойно и мне это уже не увлекало. Вот, а Игорь, если он даже приходил, со школы и вот тут же, значит, он домой не ходил, портфель свой ставил там, где ворота обозначились так, и его брали, значит, сразу и все, потому что у него какой-то был такая ну ... уже тяга к этому футболу. Он был такой юркий, шустрый, и его люди, ребята, которым было по пятнадцать, по шестнадцать, а ему там было десять лет, но его брали ...

В. Он уже был признанным игроком...

О. Да, он уже был признанным, понимаете? Вот. А когда вот вы говорите, в секциях, в секциях-то как таковых не было, но на футбол первый раз, уже на «Динамо», там можно было ходить, его не пускала мама, так. А потом он все же он упросил, что вот мол, если я слевой пойду, так. Ну, если слевой тогда, значит, вроде так хорошо. И вот первый раз ... и даже вообще первые разы, я с ним всегда ходил. На «Динамо», потому что для него это был праздник, вот. А уже потом, уже в военные годы, жизнь уже наладилась. уже школа пошла и все, тогда он уже пошел, в дом пионеров, он тогда был тоже у нас на улице Стопани, это тоже в нашем же районе, там недалеко от метро Кировская. Вот, он там уже начал как бы в секции заниматься, и там дальше уже пошел вот ...

В. А он обсуждал с вами эти игры, переживания какие-то, проигрыши, выигрыши, когда приходил домой?

О. Ну ... безусловно, безусловно. Притом он болел за «Динамо». Он был динамовец, как говорится, до мозга костей и всех игроков знал. Если я тока знал уже Старостиных, эти уже в то время гремели, конечно, как они ездили в Испании, как это они побеждали там, как они здесь побеждали испанцев. Это была гордость там, братья Старостины, это же было просто-таки ... наплыв гордости, бодрости и в то же время какой-то такой вот ... гордости общенациональной будем говорить так. Ну вот, то у него было «Динамо», вот. И, в зависимости от этого, конечно, никакой вражды, не было таких как вот последнее время в наши годы, чтобы где-то там ...

В. Фанаты ?

О. Фанаты такие, такого понятия «фанаты» не было, и чтоб между собой там какие-то, разборки были или какие-то там драки были или что, такого тоже не было, я ж тоже и на стадион ходили, и все. Такого какого-то не было. Ну, болели так, как ну, наверно, нужно болеть, принято болеть, понимаешь, выражать свои эмоции, но не больше. Вот. И между собой там дружили все, играли там в какие-то другие игры, там казаки-разбойники, или что-то, другое там. Как тогда было принято, ну понимаете, но никакого различия не было, мы были, дети. ... И татары, было, у нас в Москве, у нас в доме были татары, там, так. Вот бы, я сказал, латыши эстонцы там были, так. Ну, были там и другие, я уже не говорю, что там кавказские национальности, все, китайцев много было, между прочим, так ...

В. В вашем доме?

О. Да, не в нашем доме, а в соседнем доме, у нас в соседнем доме была китайская прачечная, такая, вот только я не помню, почему это ... там китайцы работали, что она

была, частная или ... просто там работали все китайцы до меня это ... понятие не доходило. Вот, ну поэтому там китайские дети были и все, вот. Ну, когда опять никто никому чего-то упрекал или кого-то обозвал, евреи те же самые были, евреи, что много было ...

У меня, один из лучших друзей моих, Розенблюм такой был, мы учились вместе. Я у него и дома там бывал и все, такая еврейская семья, может быть ... даже ярко выраженная такая, но человек и человек, никакого ущерба, или какого-то превосходства, или что-то такого было ни с чьей стороны, ну не проявлялось, в этом... такая вот эта интернациональность, она тоже была вполне естественна, ну как это назвать?

В. Искренней ...

О. Искренней, понимаете, и такой твердой, которую даже и в дальнейшие годы этого не могли ну, не во мне, и вот я знаю это вот, мои друзья, которые потом встречались здесь, что-то перечеркнуть, изменить интерес был. Я помню, что у нас была семья в нашем дворе, Глухов, семья Глуховых, у них Юра был, значит, двадцать четвертого года, на год старше меня, как и Бруно, а его старший брат по-моему, Коля, в общем так мы шепотом говорили: «Он в тюрьме, его посадили, он вор». Понимаете, значит, в то время это было, как какое-то ЧП. Ну что это такое что-то непонятное, это что-то такое, несвойственное человеку, какое-то другой сорт людей.

В. То есть какая-то печать на этой семье лежала?

О. Какая-то печать на этом человеке уже лежала. Понимаете, но это не значит, что к его брату как-то относились, ничего подобного. Я помню, что, когда он уже где-то срок он какой-то отбыл, пришел, я помню его так немножко, он лет на десять старше нас был, он как-то ... держался обособлено уже, по-другому. В общую компанию он как-то не входил, и особо его не привлекали какие-то там игры. Потому что чувствовалось, что он какой-то другой стал, это человек из другого семейства, и какой-то другой категории человек, понимаете, так было. Ну, это были единицы, еще такие там, я помню, где-то в соседних дворах были такие, ну это было, как чрезвычайное какое-то происшествие, когда вот это было, а вот жизнь была такая ... единая сплоченная, и ничто не могло детскую даже такую вот, увлеченность сплоченность разбить, разъединить и вот сделать какими-то врагами ...

В. А вы с братом в одну школу ходили?

О. Нет, в разных школах были.

В. Почему?

О. А потому что, как я даже не знаю, я ведь очень много школ ... начал я ходить сначала в первый класс - это школа была на углу Садовой и Первой Мещанской, сейчас это Проспект Мира все. Там была школа, вот тогда еще стояла на перекрестке, стояла Сухаревская башня, когда я ходил в первый класс, это был тридцать третий год, по-моему, так, и первый, второй, но я хорошо помню, что на моих глазах эту Сухаревскую башню взрывали, потому что идешь утром в школу, и смотришь, ага, вот уже кусок, уже куска нет. Значит, днем ничего не взрывалось, взрывали только ночью вот. А почему взрывали,? А потому, что эту башню построили и она скреплена не цементом, а какой-то известковый раствор и ... как он называется?

В. Яичный белок.

О. Яичный белок. И поэтому это, значит, кирпич от кирпича отделить нельзя, только взрывать, вот.

В. А вопрос, зачем взрывали, возникал?

О. Взрывали, а потому что мешала движению. Она стояла посередине и, значит, вот тут идет эта Сретенка, потом Первая Мещанская, значит, прямо между ними стоит Сухаревская башня и также и Садовое кольцо то же самое.

В. И она мешает?

О. Да. Она стояла. Значит, ну как бы можно было сделать как сейчас делают круговые разъезды, но тогда не додумались, и она мешала. То же самое ... Почему называется Садовое кольцо? Потому что там сады были. Я очень хорошо помню. У меня запомнилось впечатление, когда ходил в первый класс в школу зимой, так мужики в телогрейках там, в

полушубках двуручными пилами пилят эти деревья, спиливают их и расширяют дорогу, делают дорогу. И так было.

В. Как жаль!

О. Да.

В. А видели, когда какие-то храмы взрывали? Помните ли, может быть, как взрывали Храм Христа...?

О. Нет. Я просто слышал, но, конечно, туда-то не ходил: далеко и вроде и ни к чему, а потом вроде как-то даже, знаете, , не вызывало такого какого-то особого ажиотажа или что-то такое .

В. То есть это было обыденное нормальное дело?

О. Ну вроде раз взрывают, значит нужно, значит нужно, понимаете. Со стороны отца и матери они... ну, конечно, вот вы говорите, что религиозность... Они не были...

В. Верующими.

О. Они не были как таковыми верующими. Они не ходили в церковь, отец тем более, вот. Но я крещенный.

В. А кто вас крестил?

О. Меня крестила это тоже эстонка тетя Поля, кстати, одна из подружек маминых. Я крещенный, брат крещенный

В. То есть с согласия родителей, видимо, это произошло?

О. Да, да, вот все это было, когда у меня еще мама работала, а я был маленький, у меня была няня, она была эстонка, уже пожилая, значит, она по-русски практически не разговаривала, поэтому до, шести, до семи лет я по-русски тоже плохо разговаривал.

В. А сейчас сами язык эстонский помните? Сохранился он у вас?

О. Ну вот то, что вот в детстве я знал эстонский хорошо, это, когда я потом уже, когда я пошел в армию и попал в эстонские части, я буквально в течение месяца, я...

В. Все вспомнили?

О. Вспомнил все, стал нормально разговаривать, понимаете. Вот мы с ней ходили в церковь. Я хорошо помню на Сретенке церковь, которую потом сломали, хорошо помню большие черные двери, там внутри, там все это как было вот. Она была верующая, конечно.

В. Это была католическая церковь?

О. Вот я не знаю, этого я не могу сказать. Я тогда не разбирался – православная, католическая, я знаю, что церковь, так кресты, там вот иконы все, так? Вот, а какая она... я ни к чему .

В. Там были скамеечки или не было скамеечек?

О. По-моему, не было, по-моему, не было все же скамеечек. Нет, скамеечек не было. Это все-таки была, мне кажется, была православная, я понимаю, да. Но вы понимаете, ну, потому что все же уже к тому времени, хоть она была эстонка, так, но она просто-таки уже ходила в церковь как в таковую, чтобы общаться, как говорится, с Богом - не важно, что это, за церковь. Потому что эстонских там не было вот церквей. И поэтому скажем, это чисто религиозное. Вот новый год – у нас всегда была елка. Даже когда не было елок, не продавали, запрещено было. У нас все равно было, каждый год была елка. Значит, у нас дома была детская такая плетеная кресло-качалка. Ее мама ставила ну, как говорится, на попу, и на нее вешали всякие игрушки, свечки тоже там доставали, где-то были или что такое дело. Елочные игрушки? Были елочные игрушки, были. Сами делали, вешали яблоки, орехи красили, там погремушки делали и все, что угодно. Новый год, была такая у нас искусственная елка, была.

В. А какие-то подарки или какое-то другое празднование в течение ночи или утром - это, как было?

О. [вздыхает] Вот такого, чтобы какой-то ритуал, чтобы был, вот этого мне как-то не запомнилось. Ну, естественно, что-то там готовилось, какое-то там угощение, это, естественно, но вот так, чтобы подарки, может быть просто не то время было, чтобы еще какие-то подарки делать, вот, понимаете. Потому что таки довоенное время было еще сложное. Я хорошо помню, мы ходили, у нас на Сретенке был

Торгсин. Знаете, что такое Торгсин, да? Вот. Значит, видно, там что-то у отца, у матери какие-то там обручальные кольца были, какие-то, помню, там часы были, что-то еще, какие-то цепочки у отца, у матери, вот. Мы ходили, у нас на Сретенке был Торгсин. Так чтобы подарки, может быть, просто не то время. У матери была какая-то брошка с золотым таким... окантовкой из какого-то камня, какого-то, такая женская фигура была: это все ушло в Торгсин с тем, чтобы покупать детям масло, ну питание там, такое дело, то есть родители жили ради детей, все было отдано детям.

В. То есть зарплаты отца, собственно, не хватало на нормальную жизнь?

О. Нет, конечно, а, потом даже и негде было купить, это же не все, не все продукты можно было и в магазинах вообще купить, карточки же были, понимаете вот, а в Торгсин, значит, вот постепенно так все это сдавали, там и серебряные ложки, ну в общем все, что являлось драгоценностью, все это ушло туда. Да, между прочим, у отца и матери были обручальные кольца.

В. Значит, они венчались?

О. Значит, они венчались, да, все это было.

В. Но вы точно не знаете?

О. Нет, я уже не знаю, как говорится. Я как-то перед собой не ставил такие вопросы. Обручальные кольца, ну есть, значит, ну все должно быть, так, понимаете, а вот как, что, как это было?

В. А вот серебряные ложки, брошка - это откуда было в семье? Это мамино приданое? Или что это было?

О. Ну, во-первых, приданого тут быть не могло, это ясно, так. Во-первых, я скажу так, что в двадцать восьмом году, еще когда мне было три года, мы с мамой ездили в Эстонию, тогда можно было ездить. Вот тогда я увидел в Тарту своего деда, материнного отца, и мачеху.

В. А они чем они занимались?

О. Значит, они были в то время уже... мать, вообще она была из сельской местности, как отец говорил, а в это время он уже он был уже, это, в Тарту. Что-то там занимался, какими-то такими, что-то там в муниципалитете...или что-то...

В. Чиновником был.

О. Чем-то они там занимались, каким-то порядком, он там ходил, порядок проверял. Я даже не знаю, как сейчас вот, что-то вот в таком деле там принимал участие. Но это только родители матери по, по материнной линии, а по отцовской так ничего и не известно. Вот. И когда мы оттуда вернулись, мама, конечно, кое-что привезла: привезла вещи, привезла какие-то ценности. Часть вещей родители продали и купили треть дома в Звенигороде.

В. Вот эта вот ваша дача, на которой...

О. Да. Вот эта дача, на которой, где мы потом каждое лето проводили. Вот. Именно только потому, что она что-то привезла. Отдельные там какие-то вещи, даже одеяла есть такие, которые еще и по сей день, они так уже переходили.

В. Из поколения в поколение.

О. в поколение и даже еще сейчас они, как реликвия, еще даже у нас есть.

В. На этой же самой даче?

О. Нет в Москве. Дачу эту опять продали после войны, эту треть дачи продали, потому что там еще эстонцы жили в Звенигороде и ну, просили продать, потому что ... да, Игорь уже не хотел на дачу ездить, уже не стали ездить и поэтому они ей не пользовались, меня не было, и поэтому они ее продали. А продали так, уже знаете, уже не продали, а просто-таки, просто даже каким-то знакомым, каким-то символическим образом, это все, то было сделано, так. Поэтому вот, такая тоже картина была. как-то было и все это, знаете, как я все это сам оцениваю? Что это было не слепая вот, вера в чего-то, как-то, а все это было так, по-житейски, просто между людьми. Все общались как-то, ни отчего, религия, национальность, там, положение в обществе или что-то другое, квартиры какие-то - у всех было все по-разному, но между собой все были ...

В. Не имело значение это для общения совершенно?

О. Да, между собой друг друга прекрасно понимали, не было никакой не вражды никакой, никто не упрекали там где-то, как-то, или что. Был такой, действительно, это вот такой какой-то сплав, вот человеческий сплав, я бы как бы его назвал.

В. А почему вы школы меняли ? Чем это было вызвано?

О. Я, значит, два года я учился когда ломали Сухаревскую башню, но это было достаточно далеко от нас, надо было переходить через Садовую, меня вечно водили там, мама водила или там кто-то еще, даже не помню. Няня была там, у брата была няня, значит, она меня водила, может, но это было определенное неудобство. Школа-то, ну это вроде как по нашему району школа была, потом школа была по улице Мархлевского, это было за Сретенским бульваром, с другой стороны, там я учился, вот в эти годы, по-моему, пятый, шестой и седьмой я учился в Уланском переулке – это была третья школа это ближе к метро Кировская, оттуда я уже перешел, это самое, в спецшколу...у Курского вокзала, но это уже специальная школа, а вот Игорь, когда пошел в школу, вот он уже пошел в новую школу. Да, эти школы были, знаете, такие, в старых зданиях. В Уланском уже тоже была школа новая, а вот предыдущие, все они были в старых зданиях, как-то переоборудованы, сделаны, не специализированы...

Да, подобраны просто были так, вот. А вот Игорь пошел учиться уже на Сретенке, это прямо рядом с нами и он там учился уже все годы в одной и той же школе. То есть, видимо, почему я менял школы, потому что ну, обстановка заставляла, чтобы ближе было, удобней было.

В. А не было таких ситуаций, когда вам за Игоря приходилось заступаться, как за младшего или как-то его поддерживать, или он обращался за помощью?

О. Значит, я вам так скажу, вот у нас в семье был, ну, я его называю матриархат. Мама у нас была главным человеком. Она не работала уже после того, как Игорь родился, она уже не работала, но она была такой - очень четкая, строгая, принципиальная, и она нас воспитывала, и меня, и брата, и мы мамино слово выполняли безукоризненно, мама для нас была святая и тогда, и всю жизнь. До самой смерти и даже ... Игорь до самой смерти уже мамы не было, а он всегда уже... ну, уже немножко болел, и он всегда стремился к маме, к маме, к маме, потому что мама была все. И вот поэтому я хорошо помню один такой случай, я был дома как раз, и мама была дома, прибегают какие-то девочки и говорят, что тетя Юля вот, Игорь там подрался, его побили, он там где-то плачет, значит, надо там что-то вмешаться или что-то сделать. Она сказала, значит: «Если его побили, значит, так и надо, пускай, значит, умеет дать сдачи и жаловаться вы ко мне больше никогда не приходите!» И она не ушла, она не пошла его искать, что там, как его побили, почему он плачет, нет, она была дома и все, то есть она вот в этом плане была ... воспитывала в нем какое-то определенное ну тоже может быть и мужество, тоже может быть и стойкость и чтобы ты мог сам за себя постоять, а не ходить, тоже там ... родителям жаловаться там, ну как это бывает, так. Вот. Поэтому я, как старший брат, я тоже никогда не вмешивался. А были случаи, случаи были разные, там и подерутся. Ведь у нас часто были даже еще в то время, помню, у нас рядом был микрорайон целый, мы его называли «американка», ну это почему называется «американка» - там жили в основном иностранные рабочие, которые приехали в Москву, прибыли в Москву и где-то работали на стройках, или я даже не знаю, где, так. И вот с ними мы как-то часто воевали, ну это на базе фильма «Александр Невский».

В. Воевали в каком смысле? Драки какие-то были, выясняли отношения?

О. Да...были, были и драки у нас ... были деревянные мечи, копья, мы делали, это самое, как это? Не самострелы, а пистолеты такие, начинали их спичечной серой, стали из какой-то ...

В. Деревянные пистолеты?

О. Нет, ствол был круглый, из трубки сделан, значит, там пропилено там, где нужно поджигать, набивались, серой, потом пыж ставили, вот, такие пистолеты делали. А мой отец был председателем, домкома или как, он был, поэтому не освобожденным, а это...

В. Общественная нагрузка?

О. Общественная нагрузка была, так вот, и он часто эти вот, значит, отбирал эти пистолеты и прятал их где-то дома, это, я помню, на шкафу или где-то прятал, так вот, а мое задание было найти эти пистолеты и вернуть их опять [смеется] владельцам ...

И вот такие у нас были, это самое ... один раз, я даже хорошо помню, у нас какая-то такая достаточно групповая такая драка завязалась, что даже, вмешалась милиция. Да... и нас таскали в милицию, значит, ну просто так выясняли, в конечном счете, когда там, милиция выясняла, но никаких последствий не было, ничего, но как бы разнимали или разводили ...

В. Это у вас было получается, на почве классово-идеологической борьбы?

О. Ну, тут уже, понимаете, тут ведь почему мы называли «американка», потому что все время вот, западный мир, он все же ну как бы всегда ...

В. Противопоставлен?

О. ... противопоставлен. Это, значит, это было нацелено вся пропаганда и кинофильмы, и значит, и книги, и все, что Америка там что-то, там это, все буржуи все американцы, то это самое ...

В. То есть на идеологической почве?

О. Да, понимаете, да ... на идеологической почве такое было, и вот с ними мы воевали ... Ну воевали опять чисто так, по-детски, естественно, конечно, так да ...

В. Несчастных случаев не было из-за пистолетов?

О. Я чего-то не помню, чтобы что-то такое было. Это просто так были, как вы знаете, щиты мы делали, как у Александра Невского, больше это была какая-то демонстрация вот такого ...

В. Готовности отпора?

О. Да, вот, вот это, вы правильно, вы говорите, демонстрация готовности к отпору, и значит, ну вот ...

В. Чуждой идеологии [смеется]?

О. Да, понимаете, вот что-то такое было, понимаете ... вот. Вот, между прочим, я об этом даже и забыл, и я никогда не вспоминал и говорю, вот вы спросили, у меня сразу перед глазами возникли вот эти картины, понимаете, вот это вот все как-то действительно нас-то здесь, россиян, россияне, я говорю, всех спланивало, понимаете...

В. Причем россиян всех национальностей?

О. Я поэтому и говорю «россиян», не русских, а россиян. Между прочим, значит, когда у нас была в тридцать девятом году перепись населения, так. В Москве, ну все в Союзе, значит, приходили и к нам переписываться, ну там отец, мать, там все записались, и спрашивали детей: «Какой ты национальности?» Я говорю: «Я эстонец». Ну мой отец, мать, эстонец, и я уже, все. Это был тридцать девятый год, значит, Игорю было девять лет, а мне так уже было Четырнадцать...

Спрашивают у Игоря: «А какой вы, молодой человек, национальности?» А он говорит ... а он, так его вижу сейчас: «А я русский». Мы все рты поразинули, отец, мать, значит, ну не знают, что, я-то смотрю на них. Говорю, что это брат мой, не брат или как, такое дело, что это, как это понять его?. А переписчица, она не растерялась, она сказала: «Ну коль гражданин так говорит, мы так и запишем».

В. А потом выяснения отношений не было между вами?

О. Никаких отношений выяснений не было, ни отец, ни мать ничего такого не делали, вот все, и потом уже, когда уже он получал паспорт. Он всю жизнь был русским. Так вот, я так считаю, что брат до девяти лет был эстонцем, отдельные слова эстонские так знал, он не разговаривал по-эстонски, потому что у него уже няня была, уже русская, а вот после десяти лет он всю свою жизнь, он умер ему было шестьдесят девять лет так, значит, сколько? Шестьдесят лет он был русским.

В. И ощущал себя русским?

О. Ощущал себя русским все время. И в паспорте было русский все время.

В. А вы всегда к нему относились действительно как к младшему брату и ответственность какая-то была за него?

О. Нет, ну, конечно, младший брат, все для него, ради него, мне самому приходилось и нянчиться с ним и, как говорится, и, когда совсем маленький был, там извините, и горшочек выносить и тому подобное, а тем более когда были в Звенигороде, вот летом, так на моем горбу, на своем горбу я его таскал там по всем этим соснам там, по буграм, там собирали землянику и все, что угодно, везде лазили это, вместе там рыбу ловили.

В. А у него к вам какое отношение было?

О. Какое отношение было?

В. Да, у него к вам?

О. А вот такое, я вам скажу. Значит, уже вот теперь уже, через много лет, когда у нас вот готовили фильм о шестидесятилетии «Спартака», вот Игорь уже умер, и вот этот Занин Георгий меня спрашивает, ну он все много спрашивал там про Игоря, все, спрашивает: «Лев Александрович, вы в жизни когда-нибудь плакали?» Я так опешил, что ему отвечать, а потом говорю: «Да, два раза я плакал». «Расскажите». «Первый раз я плакал и очень горько плакал, это было в сорок первом году. Нет в сороковом году, это когда я уже из спецшколы пошел. Нет, почти, нет сорок первый год, сорок первый год. И спецшкола, она начинала учиться немного раньше, отец приехал за мной, и мы с отцом, значит, в Москву собираемся, а мама с Игорем остаются в Звенигороде, и они нас провожают вот и вот там дошли там до такого места на полпути, скажем там до вокзала и, значит, уже ну как все обычно поцеловались там все, и они стоят, а мы уходим и вот шагов на двадцать отошли, и начинается страшный рев: реву я, ревет...

О. Кажется, ну никакой причины не было, через две недели там они приедут, и мы рядом все вместе, ну чего... вроде реветь-то, но вот ревом и все. Он, значит, тоже не успокаиваемся, мама вот нас берет за руки, : «Игорек, успокойся, Лева только вот туда, сюда, никуда он не денется, и все такое дело!» Так потому что мы всегда были все вместе и зимой и летом, вместе все мы играли, что-то такое делали там. Правда, когда мы играли в футбол, мы были в разных ...

В. Командах.

О. Командах были

В. Интересно, почему?

О. В разных командах, значит, я больше как-то любил быть в защите, а он нападал, и поэтому меня всегда зло брало, когда он меня обводил.

В. [смеется]

О. Такой маленький, шустрый, да еще улыбается, смеется, смотрит на меня и обводит меня, вот. Ну вот как-то так получалось, что мы были в разных командах, такой маленький, а тут вот никак с тобой не справиться, да еще не дай Бог еще пройдет мимо, да еще гол забьет, понимаете. Ну это вот такое что игровое было так, а во всем остальном все вместе, все для него, а лучший кусочек дома даже там или в еде всегда для Игорька, всегда для Игорька, он маленький, он такой-сякой, так вот все вместе мы с ним и играли, всякие игры там даже когда уже ёлки появились, стали елки делать, тоже, значит, и под елкой играли вместе, значит, вот он очень любил всякие игрушки ломать, и всегда он мне так говорил: «Левушка, дай мне что-нибудь, я сломаю». Берет молоток и ломает, понимаете вот. То есть вот у него не было такого, ... я наоборот, всегда вроде старался, что сделать, построить, а он только, значит, вот дай ему что-нибудь поломать вот. И у нас отношения были, ну самые такие ... восторженные, самые такие приятные такие, ... как вообще должны быть у братьев, понимаете, вот.

В. И эти отношения сохранились на все время или они как-то претерпели изменения?

О. это уже в-в-в-в дальнейшем ...

В. Хорошо, мы вернемся, когда доберемся.

О. Да. Это еще будет, когда я уже в армии буду, когда я уже окажусь в плену, да, уже когда в армии, тогда уже так. Потому что тогда, когда я был в армии, я же попал в Эстонские части ...

В. Мы остановились с вами как раз на том, что вот была война, вы работали и учились и дальше?

О. Ну, значит, хорошо, до этого момента уже так. Вот. Значит, ну я закончил ФЗО, мне дали соответствующие документы, и все. Я перешел на другой завод, на завод Станколит, который в Марьиной роще тоже опять токарем, опять те же, самые военные заказы, тока если там, скажем, мне приходилось обтачивать эти снаряды, то на Станколите это был такой литейный завод, ну я был, работал в механическом цехе. Значит, я там работал, делали всякие формы, опоры, опоки для того, чтобы выливать эти снаряды, мины там опять все. Обтачивал их так, вот. На этом же заводе да, и когда я уже работал на этом заводе, на Станколите, я уже работал там по брони, потому что таки осенью сорок второго года двадцать пятый год уже призвали в армию. Это еще только было семнадцать лет, так. Даже и семнадцати не было, но вот может друзья там как раз все, когда ушли, и те, которые как раз попали в армию, они практически не вернулись, ну это были тяжелые годы, как раз там такие еще все. А я был на брони до марта сорок третьего года. В марте сорок третьего года меня, уже вот призвали в армию, ну, работая на Станколите, я там и в комсомол вступил как раз, это самое Дзержинский райком комсомола, значит, завод там меня принимал, вот. Это там такое событие было, на Рождественском бульваре был райком, вот это я хорошо помню, вот, и в октябре меня призвали, и так как я, значит, эстонец, там даже не спрашивали, ты знаешь язык или не знаешь, - раз записано в паспорте «эстонец», значит, в эстонские части, потому что таки, была эстонская дивизия, которая была сформирована из тех эстонцев, которые в сорок первом году, когда отступление было, они пришли сюда, вот. А потом постепенно, люди уходили, личный состав таял, поэтому надо пополнять, и начали пополнять из эстонцев, которые были ...

В. Из русских эстонцев?

О. Из русских эстонцев, значит, такие и в Москве были. Но в основном это были как раз так в Сибири уже целые эстонские колонии, там были огромнейшие колонии эстонцев, те, которые еще в царское время ушли туда на свободные земли, вот. Я тоже туда попал ... вот, но я очень быстро в запасном полку был буквально там, чего-то около пары недель, и напросился на маршевую роту, у меня там ребята из этого, а я так сказал, что я вот учился, значит, в спецшколе был, я знаю тут, это самое, оружие, действительно, мое оружие я уже знал, и как собрать, разобрать, это самое первоначально такие военные азы я уже все знал [смеется], и поэтому, когда меня ребята сказали, что, ты тут будешь торчать в запасном полку где-то там под этим, под Свердловым, вернее Свердловск, вот. На фронт и все такое, значит, там интересно ... а ребята, которые были раненные там все, и все меня в маршевую роту, и я ... поехал на фронт. А это было как раз под Великими Луками, ... первый белорусский, там эта эстонская дивизия была, сорок третий год и тут такой, момент еще был, значит, когда мы через Москву ехали, я помню на Казанский вокзал эшелон встал, и я решил сбегать домой, а там быстрым шагом или полубегом где-то минут пятнадцать и все, дома. И я вот тоже прибежал домой, там не помню кто-то мне дверь открыл, вхожу в комнату, смотрю мама сидит ... на швейной машинке шьет и плачет ... и вот эта картина для меня потом была решающая в моей судьбе, это я потом скажу. Ну я поздоровался- попрощался, и все и опять помчался, в свой эшелон, пришел, еще, значит, он стоит так что все было нормально, и никто даже из начальства не знал, что я где-то там был в самоволке, и все. Вот ... и, значит, на фронт. Ну на фронте я попал тоже, в пулеметную роту, как ни странно у меня первым номером пулеметчик был такой отчаянный эстонец, такой здоровый парень такой был, а я был более маленький, более щупленький, но таскал я станину пулемета «Максим», а это тридцать два килограмма, значит, когда, ходишь там скажем где-то там, особенно не по дороге, а где-то там в лесу или где-то там по болоту в Белоруссии, то ноги вязнут от тяжести и плечи болят вот. Поэтому и сейчас, когда я начинаю вспоминать или уж начал вспоминать что-то даже про войну вспоминать, у меня тут же реакция - начинают плечи болеть вот, как-то ныть начинают, понимаете. Почему? Потому что, видимо, настолько уже все это вот

вошло в мой организм это вот ... так короткая пора. Но там была, положение очень такое неприглядное... тяжелое было ... фронт там фронтом был, и были обстрелы и минометные, и мы там стреляли, но это был сорок третий год, это была Курская битва, поэтому у нас на нашем участке фронта была просто ... нужно было делать отводные маневры, чтобы немец не отводил свои войска под Курск. Чтобы мы тоже что-то предпринимали, понимаете, вот такие действия были. Там были обстрелы и минометные, и все что угодно, и люди погибали там все. А вот со снабжением было очень и очень туго. Мы, я помню, это была весна, мы даже, когда там даже получали там суп или как-то там называется баланда.

В. Кухня приезжала к вам?

О. Да, да, да что-то там давали. А с тем, чтобы там было погуще или что, мы туда рвали крапиву, что-то еще, какие-то там травы, добавляли, делали такой густой такой, щи такие, и это ели, даже и так было, потому что мы были, значит, ну на каком-то на второстепенном или третьестепенном ...

В. Снабжении?

О. Снабжении, все такое дело, все это было понятно. И когда туда прибыла делегация из эстонского правительства, а правительство-то все это тоже эвакуировалось, в Москве оно все было, вот. И центральный штаб партизанского движения Эстонии такой был создан. Они вербовали, коммунистов и комсомольцев, вот в этот партизанский штаб партизанского движения, ну, естественно, я сразу дал согласие, что добровольное дело. Там такой капитан ... нет, лейтенант Книга был, а он был русский из Эстонии, он родился в Эстонии, поэтому у него и фамилия была Книга, так [смеется]. И он, значит тоже был в эстонских частях. Потому что там были еще и русские, которые из Эстонии и эстонский язык знали, вот. Ну а тем более, пока я там был эстонец, я язык сразу вспомнил, и мне было легко. Вот. А в Иваново была тогда школа партизанского движения Эстонии, которая готовила взрывников подрывного дела ну и вообще там всяких в зависимости от этого, готовила как специалистов. И комплектовала отряды, потому что нас засылали небольшие отряды такие диверсионные, ну и более крупные отряды формировали, [вздыхает] а там я пробыл тоже, я не помню считанные дни там был, и тоже капитан Книга мне говорит: «Слушай, Лев, вот ты вообще-то знаешь эстонский и Москву знаешь, а нам нужно в штаб партизанского движения Эстонии вот как раз такой человек значит, солдат, который будет нести ну как это называется ... ну службу по охране. Вахтенную такую службу нести ... выполнять патрульную - не патрульную, а ... быть связным с тем, с партизанским штабом Эстонии и партизанским штабом союзным». А союзный был там, этот самый, Ворошилов тогда возглавлял этот штаб партизанского движения союза. А у нас, наш штаб, эстонский, возглавлял первый секретарь ЦК компартии Эстонии такой Каратам был, вот. Ну я тоже дал согласие моментально: что ж быть у себя дома, в родной Москве, конечно. И я был переведен сюда. И поэтому я нес службу ... был там дневальным, когда там нужно, там было, выполнял какие-то поручения, носил всякие эти самые пакеты там в штаб партизанского движения. В общем выполнял такую солдатскую службу, видел, как там формировали отряды. Засылали отдельных диверсантов, одного там, двух, там все готовили. Вот, и все это. Часто дома, естественно, был, встречались там уже, а тем более какие-то, если там праздник попадал, вот. А осенью сорок третьего года уже ... опять этот же капитан, то есть вернее лейтенант, он как бы, как бы курировал вот эти вопросы так, говорит: «Лев, ты знаешь что, все же вот эта служба, она немножко неинтересная, так. Вот хочешь хорошее боевое дело тебе?» И я так, ну вроде, ну чего ж. Ради Бога, конечно, такой порыв. Вроде тут люди едут на задания, на ответственные такие и все там, вроде готовится в Эстонии. такая расширенная партизанская борьба как в Белоруссии создаются советские какие-то там районы и все. Значит, ну ... патриотизм такой, понимаете, интересно так, все. «Хорошо, согласен!» «Вот давай, пойдешь учиться в школу на инструктора минно-подрывного дела. Это вот здесь вот, у нас, на Соколе есть такой институт, там

готовят начальников штабов партизанских». «Все, я готов». И вот я пошел в эту ... школу и там вот ... учился на инструктора минно-подрывного дела. Вот там изучали и оружие минное дело. Особенно тоже зима, снег пошел, мы делали всякие пробежки там, значит, это самое, походы, ставили, определенных местах там мины такие, которая просто взрывает, но просто толовая шашка, она ничего не взорвет, ничего, разового типа. Минировали, там железные дороги, нападали на склады, снимали этих самых, как их? Часовых. Ну в общем все, что положено ...

В. Такое обучение было?

О. Да, такие, такие вот учения были, вот. Ну естественно, там и оружие различное учили, вся-всякое, вот. Было тоже интересно, все. Тем более, оттуда же ребята, с кем вместе учились, мы, уже вместе ко мне домой ходили, когда-то, вечером или когда-то можно, все по штату, а так-то отпускали свободно. Никакой там самоволки не было, а просто-таки попросил, что мне вот так, пожалуйста все, то есть такое все очень было. Да в этой школе у нас была группа эстонская, а там были группы и русские, и белорусские были, потому что еще оккупированная территория большая была то есть готовили туда, еще туда людей, значит, вот такая это школа была, универсальная была школа на Соколе. Это уже, значит, да, а тут уже подошло-конец сорок третьего года. Как раз прорыв блокады Ленинграда. Уже, значит, уже не по озеру, а уже можно было ехать на поезде в Ленинград, и поэтому, конечно, встал для него вопрос о том, чтобы нужно усилить партизанскую подрывную деятельность на территории Эстонии, в глубоком тылу, врага, вот. И поэтому эстонский вот этот штаб партизанского движения сформировал, отряды с тем, чтобы забросить в тыл. В основном это вот люди были, которые учились в эстонской школе в Иваново, а нас, кто учился в Москве, на Соколе, нас по отрядам уже разбивали. Значит, мы там двое, скажем, были два инструктора минного подрывного дела, в каждый отряд по два человека давали, так. Вот мы и попросили, чтобы вот с тем, с кем мы так подружился и с кем дома мы были, у меня и фотография его есть и все, чтоб мы были в одном отряде. Мы все оказались в одном отряде. Ну мы в дороге присоединились к своим отрядам эта школа, когда она полностью эвакуировалась и пошла в Ленинград. И вот, значит, мы оказались ... уже в Ленинграде, когда был прорыв и там обстрелов, конечно, уже не было, все это я видел, как в Ленинград, в каком состоянии там тоже ... это самое. Баррикады там везде, эти самые облупленные дома, где там обстрелы были, эти артиллеристские и все. Народу мало ... было. Все очень такое ... такое неприятное впечатление между прочим, как-то осталось от той поры, какая-то разруха, не было какого-то такого чувства, что это жизнь кипит, что эта жизнь бурлит, понимаете, а что-то такое ну вот как-то, вот что-то тлеет потихонечку, люди как-то ходят потихонечку, с опаской, все вот так гуляют, посмотрят, люди сами тоже какие-то такие вот ну ... посмотришь в глаза, они какие-то все это напуганные, какие-то испуганные ... и чувствуется, что они действительно пережили очень многое, понимаете, даже вот. Их лицо и глаза говорили то, что они несут в себе какое-то большое горе, понимаете, вот это мне хорошо запомнилось. Ну и, а настроение, конечно, чисто вот было патриотическим Да, полетели, ну, а на парашюте мы не разу не прыгали еще в жизни, значит. Значит, сказали, что нас с самолета будет там, автоматически все это будет, нам не нужно тренироваться, вот, а чтобы такой настрой был ну не скучный, чтоб мы, значит, не скучали, у нас пайки были хорошие: хлеб, что-то там такое дело, за счет этих пайков, и консервы, и пайки, мы могли всегда, как говорится ... иметь бутылочку у себя рядом. Вот это элементарно, только выйдешь за ворота и тут же, это самое, все это свое получить вот. Вот и поэтому молодые годы и чего там, понимаешь, вот, и мы это дело. Несколько, раза три нас на аэродром возили, чтобы уже сесть и значит, бросить. И два раза мы возвращались, ну по каким-то причинам, значит, что-то там помешало, что-то там нельзя было. Возвращались обратно, ну навеселе там, с песнями и все, как положено, значит, такое ничего не думаешь, чтобы о себе, документы все у нас

позабирали, все отобрали, фотокарточки, то есть никаких признаков нет, а мы одеты все, кто как. Кто и в полушубке, и в шинели, и в гражданской, то есть ну, как и положено, в партизанах надо быть вот так. Вот. И только третий раз мы полетели, на Дугласах мы полетели. Я хорошо помню, когда перелетали линию фронта, то видно было всякое там: взрывы, там стрельба какая-то там, и трассирующие, вот. И мы улетели вглубь территории Эстонии. Команда была нам «приготовиться» к прыжкам, значит, крючок цепляешь за трос, и бросаешься, ну а что там понимать, понимаете, это просто чисто такое, как бы машинальное было. Вот то, что я говорю, что мы, были, как говорится, под сто грамм, это одно тоже как-то влияет, а второе это, значит, в самолете когда летишь, как-то уже хочется из сжатой обстановки из такой как-то вырваться. И вот, когда это открыли люк, дверь, значит, там свежий воздух и все, ну прям, просто рвешься туда. Ну и один за другим, пошли, пошли, пошли, естественно, кто-то там помогает все, ну и чего, я тоже, самое ... прыгнул. Не думаю о каком-то там о раскрытии парашюта, ничего, понимаешь вот [смеется] только услышишь, что ГОП и тебя дернуло. И ты повис ... значит, этот парашют ... этот трос, он ... определенной длины, никогда даже не интересовался, какой длины этот трос, так. Дернул, парашют-то открылся, и я, значит, стал, как парашютист, опускаться, а ночь темная, ничего не видно абсолютно, безлунная какая-то ночь была. Естественно, учили как там, приземление как там стропы подтягивать, как что делать, значит, немножко, хоть управлять хоть как-то парашютом.. Ну я приземлился благополучно. Где-то достаточно в лесистой местности. Было такое болото, на берегу озера. Приземлился, все было нормально, ног я не повредил там, все, вот. А некоторые ребята повредили ноги свои, потому что вот там ... один у нас, значит, как раз комиссар нашей группы. Он обе ноги повредил, упал на лед. Его пришлось потом оставить, там на одном из хуторов. Где-то там на сеновале, оставили ...

В. А сколько вас было в группе?

О. Девятнадцать человек, ну в общем двадцать человек, то есть двадцать человек, такая группа наша. Это было в одном самолете, а нас было четыре, четыре самолета, четыре группы, это один уже отряд должен был быть вот. Наш командир был Батов, а другой отряд был Винникова.

В. Должны были собраться всей группой?

О. Да, мы должны были собраться всем отрядом. Значит, группы мы собрались, нашей этой группой, вот, должны были дальше собраться отрядом, айти наши грузовые парашюты, где должно было быть дополнительное взрывчатка, оружие, продукты, вот. И соединиться с другими группами, но так получилось, что ... мы не нашли своих грузовых парашютов, почему-то, непонятно, или, так сбрасывали, лишь бы сбросить. Для отчетности, что сбросили парашюты и все, а куда сбросили, как сбросили, неизвестно. [вздыхает]. С другими группами мы тоже не смогли никак встретиться, ну, естественно, мы тут же собрались и отошли в сторону в другое место. В нашем составе группы было два эстонца, которые еще в сороковом году, были в истребительных отрядах, это, когда они ловили в этих же лесах ... эстонцев, которые были против советской власти, так, вот, и поэтому это место скорее всего хорошо знали. Они были нашими главными ...

В. Проводниками ...

О. Проводниками, и ...

В. А командира вы несли получается, он сломал обе ноги?

О. Нет, он не сломал, ну он просто не мог ходить, вот. То ли вывихи сильные, то ли что-то еще, но его просто-таки его оставили и все, потому что он, вроде, сам говорит: «Все, меня оставляйте, сами идите, вам нужно, значит, выполнять задание ...»

В. Шли мимо какого-то хутора и там его оставили?

О. Да, да, да.

В. Не заходя к хозяевам, ни к кому.

- О. Не, не, не, просто-таки где-то там, даже не на самом хуторе, а где-то на какой-то сеновал или какое-то вспомогательное помещение, там его положили и все, вот. Вот, а мы, значит, дальше ушли, и так мы не встретились. И вот позднее, когда уже мы ... были где-то, около месяца мы так смогли пробегать по Эстонии, там, понимаете, так. Мы по-моему, одну даже целую неделю где-то залегли. Продукты в основном уже брали, в общем что-то было с собой, но это мало. Брали в хуторах, продукты нам всегда давали. Никогда не возражали, не было никаких ни конфликтов, ничего, так. Так вроде как бы, как говорится, лояльность проявлялась, так, потому что пришли, кто? Пришли освободители.
- В. А вас воспринимали, как освободителей?
- О. Да нет, это так называли, а воспринимали, естественно, недружественно ... тут же общались по телефону и все ... Вот, и, значит, поэтому, мы все время менялись, прятались и уходили в другие места, и перестрелки были, и все, что угодно было. Потому что там были местные тоже самооборона какая-то была, так что это с нашей стороны, по-моему, уже человека два погибли, были такие моменты ...
- В. А у вашей группы, хотя вы не нашли парашютов, у вас нет необходимых материалов, у вас была теперь какая-то цель? Ваша группа, девятнадцать человек, что она должна была сделать теперь, когда у вас нет парашютов, нет оружия, нет взрывчатки ...
- О. Все, все правильно ...
- В. ... не встретились с отрядом, и что?
- О. Значит, что? Вы правильно вопрос ставите, тем более, что, значит, у нас уже не было надежды соединиться со своими людьми, с тем, чтобы как-то вместе. Ведь перед нами цель какая ведь ставилась, что нас забрасывают, не для того что мы там должны были бы, сами начинать какую-то ... деятельность диверсионную, а нас посылали на укрепление уже действующих, этих отрядов, понимаете, с тем чтобы укрупниться и более укрупненными силами более эффективно дезорганизовывать немецкий тыл, так.
- В. И вам надо было найти эти отряды?
- О. Да, да, да, понимаете вот. И вот, когда мы оказались там, то это оказалось сплошной ... как говорится, ну не знаю, выдумкой, или какой-то там бред, или какой-то отчетностью такой лживой. Что не было такого понятия, чтоб там были где-то в Эстонии какие-то ...
- В. Советские районы ...
- О. Советские какие-то, район какой-то или участок или что-то такой там, ничего подобного не было, вы понимаете. Вот.
- В. А отряды-то были партизанские в Эстонии на самом деле, эстонские?
- О. Не было. Значит, уже, как потом выяснилось, все, что туда забрасывалось, все, что переходило на лыжах через Чудское озеро отряд четыреста человек перешел, партизанский, так он был почти весь уничтожен. Его пропустили через озеро. Когда он через озеро шел, его не трогали, как перешел на эстонскую сторону, тоже ушел в лес. Его как-то ну как-то заманили или как-то это получилось на какой-то поляне, где было кругом уже установлено пулеметные гнезда, и начали их там косить и все, понимаете, оттуда тоже только единицы смогли вырваться, убежать, и потом, вот когда я уже оказался в тюрьме, я с такими встречался. И вот там был такой лейтенант, Лесной лейтенант был, ну капитан белорус, он был, из белорусских партизан, послан ... подключен, к эстонский штаб для, инструктажа, для подкрепления, для обмена опытом, вот в таком духе. И вот я помню, мы с ним вместе в одной уже камере были, он все время возмущался и говорил: «Ну что это такое? Как это может быть, что это такое? Это, значит, что-то, какое-то предательство, это специально все делается!» Понимаете ... вот. Потому что я сам тоже был очевидцем того, что это было предательство. Что таким образом забрасывали группы людей ...
- В. На верное уничтожение просто?

О. На уничтожение, чтобы где-то отчитывались перед центральным штабом, в Москве эстонский штаб, что вот посланы какие-то люди, отряды, а уж каков там результат, что с ними, это было, наверное, не главное. Понимаете, как это вообще, кстати как оказывается, так это ... относилось, потому что, когда мы, ну вот, я говорю, что когда у нас был такой последний бой, мы искали своих. Везде, так. И в один из таких дней вдруг мы, значит, видим, идут люди военные, так, значит, мы залегли, а потом командир сам кричит: «О, свои!» Там по-русски разговаривают, и кричат что-то по-русски, знаете, так чисто по-русски, вот. Свои, и мы тут тоже вроде как бы что-то: «Ура!» Наконец, вроде, нашли, соединились, встали и прямо так все бегом, прямо вот ... это самое ...

В. К ним ...

О. К ним, так. А когда подошли уже буквально какое-то там, я не знаю, метров сколько там осталось, ну в пределах пятидесяти, не меньше. Что такое, они в немецкой форме, какие же это свои? И мы даже оторопели, понимаете, что это такое, ну и тут тоже командир, тоже: «Ложись!» Значит, тут такое дело, все ну оттуда уже, когда уже увидели, что мы, значит, залегли, тоже уже огонь открыли, так. И, значит, ну и мы тоже залегли, тоже, значит, ответный огонь, так. Вот, а хотя это был карательный отряд из русских. Из псковской области, тоже молодые ребята, такие же как и мы, нашего же возраста, все так Все. И, значит, вот начался наш последний бой. И вот, значит, мы уже видели, что патроны уже беречь нечего, хоть у нас было там и диски были, автоматы ППШ дисковые были, так. Вот и гранаты-лимонки были, уже беречь нечего, все видно, что уже, значит, мы, с одной стороны это озеро оказалось, а тут, все идет уже наступление, и огонь ... они стреляют тоже, у них тоже боеприпасов достаточно, трассирующие пули, и все, кругом там горит, загорается. Как раз, на моих глазах, для меня это тоже очень памятно и важно, я увидел такой момент из Великой Отечественной Войны, когда говорят, что вот мол, за родину, за Сталина, ну кто-то ... верит этому, а кто-то говорит, что это, такого не было, что это надумано вроде, так все. А я это видел, я это очевидец, я сам должен был так это поступить, просто мой командир лейтенант ... Батов приподнялся тоже, видимо, уже автоматных, боеприпасов не было, осталась одна граната, он, видимо, поднялся, бросил и крикнул: «За родину! За...» И все, его разорвало, его череп был разнесен разрывными пулями, он ... моя вся одежда была избрызгана ... серым. Понятно, вот все, его не стало, а рядом со мной лежал вот этот, второй боец, с кем мы вместе учились на Соколе, вот подружились, тоже инструктором минно-подрывного дела... Так недалеко камни, валуны, он так говорит: «Ну, Лева все». Так что по-эстонски мы с ним, мы, конечно, разговариваем, он говорит: «Все, прощаемся, прощаемся». Все, значит, вроде наша песенка спета, и буквально ну какие-то может быть секунды или не знаю сколько, я так смотрю на него, он так чуть-чуть позади меня, он голову ... упала она у него, и у него все залилось кровью, значит, все, кончилось, значит, я тоже лежу за камнем, ну, значит, этот командир, значит, уже погиб, этот уже тоже все. ... А у меня тоже уже одна лимонка, и я, значит, выдергиваю чеку из этой лимонки, так, вот, и держу в руке, и так, значит, руки так под себя, чтобы приподняться, потому что так командир, понимаете, приподнялся и крикнул. Я так уже приготовился и прикрыл глаза на секунду, и в этот момент я увидел плачущую маму, когда я вот вам говорил, когда я заезжал домой, она шила и плакала, вот передо мной появился ее образ, я ее увидел и все, силы покинули меня, я уже не смог ни опереться, ничего, я просто эту лимонку, поскольку чека-то уже была выброшена, я ее так за камень туда бросил, и остался лежать, вот. Ну опять тут какие-то может быть секунды, какие-то уже подошли люди, там, все: «Встать, руки вверх!» И все, понимаете. Нас там оказалось там двое таких, кто еще остались живы. Прямо там, метрах в пяти от меня лежит каратель, так, и винтовка так вот прямо в меня целится, чтобы стрелять, так вот. А у него, видимо, перебиты ноги или что-то, не знаю я, ну в общем раненный, так. К нему подбегает его же солдат, так ногой ударил по

винтовке: «Ты что делаешь? Ты сейчас тут своих перестреляешь тут же!» А мы все уже перемешались уже да, вот. И, значит, все, ну отбил это, а мог стрелнуть, мог ведь попасть и в меня и мог и своего убить, так, все. Подбегает этот самый, один какой-то эстонец, такой, я хорошо запомнил, такой какой-то в лисьей такой шапке зимней, полушубке, и, значит, тоже по-эстонски кричит: «Где тут ... эти, где этот молокосос освободитель?» Значит, это самое, дайте мне его, а у самого в руках топор. Какие у него намерения, кто его знает, он такой, значит, глаза у него горят, так и какой-то такой свирепый прямо, как зверь какой, так. Ну, дай ему, ну так он подойдет, топором махнет, и дело с концом, понимаете. Вот. Ну тут так получилось, что когда все это закончилось, начали все же разбираться, я вижу что к месту нашего последнего боя подходят немецкие цепи, две цепи, немецкие солдаты идут, вот. То есть все мы оказались в такой ловушке, нас оцепили ...

В. Впереди были каратели ...

О. А карателей бросили, значит, вот тоже на смерть ... Вот, значит, друг друга на смерть, а немцы подошли, и когда этот эстонец уже начал кричать, вот: «Дайте мне этого!», а тут уже немецкий офицер, все по-немецки все, прочь и все, значит, вот. Вроде все это наш трофей вроде уже. И нас передали немцам. Уже не каратели, никакие там эстонцы ничего, и нас немцы взяли и отвезли в город Тарту, вот в тюрьму. Раздали, ну, видимо, они, конечно, уже, тоже отчитались, что они, очередной отряд уничтожили ... вот, и, значит, сдали в тюрьму. И вот в тюрьме, очень показательно было, мой первый допрос был. А меня допрашивали всего один раз. Это я хорошо помню, что привели меня в кабинет, сидит там такой эстонец, ... такой пожилой, ... упитанный, ну и спрашивает у меня, как там фамилия, туда-сюда, и я смотрю, что у него, перед ним какие-то списки, он еще в этих списках, значит, отметил. Видимо, меня и спрашивает, а кто там, кто убитые, кто с вами был, ну я, значит, называю там, кто был, я знаю, что мы там двое я и Лебетпаюм остались, так. Вот, командир убит, все. В списках такой, такой, такой, то есть у них уже были списки нашего отряда, видимо, не только нашей группы, а всего нашего отряда, кроме того уже там я узнал, что один самолет был сбит, когда нас четыре самолета, и вся группа, конечно, погибла в воздухе.

В. То есть самолеты ждали, получается?

О. Да, да, понимаете, вот. А другие два отряда, еще так, значит, так вот вроде тоже сбросили, но они где-то, были ... притом разбросали далеко друг от друга, поэтому мы и не могли найти, на достаточно большом расстоянии. Потом, когда был в тюрьме, вот такой был, еще пришел из этого, из отряда с другого, с третьего самолета, он тоже русский эстонец, из города Тоска там такая есть или как-то. Ну или там что-то где-то под Ленинградом, вот, мы потом с ним вместе как сдружились. Вот, так что вот тоже был в тюрьме, значит, их отряд тоже, так, так как и наш разбили ...

В. То есть одновременно вас сбрасывали?

О. Да, нас сбросили все одновременно, но так что мыне могли встретиться, грузовых парашютов они тоже не нашли. Вообще их сбрасывали или нет, неизвестно, потому что таки, если бы сбрасывали, мы могли б хоть какой-то след найти, понимаете, а тут ничего не было. Кто-то вот в штабе эстонского партизанского движения хорошо работал. Уже потом, когда я вернулся из плена, уже был в армии, я писал в штаб партизанского движения Эстонии, когда уже война кончилась, вот всю эту ситуацию. Я писал, что так и так, так это случилось, прошу передать мне мои документы, которые я там оставил, уже фронт-то уже прошел, в Ленинграде мои документы должны сохраниться. Ничего мне не прислали. Там такой был старшина, который почему-то мне очень был не по душе ... и как-то я на него всегда смотрел с подозрением, вот, ну это тоже все описал, что кто-то в штабе, все это сообщал немцам, поэтому все это было, поэтому погибли и кто кого сбрасывали с самолета, тот, кто на лыжах переходил, в конце концов все кончалось самым плачевным образом, то есть это было, предательство вполне, самое

чистейшее, понимаете, вот, значит, никакого ни ответа, ни привета я не получил. То есть почему-то, значит, этим вопросом никто ... уже, конечно, ну война кончилась все, а кому это уже нужно было, там еще искать как-то или что-то. И не знаю, что, но во всяком случае, вот это для меня было как-то очень, какой-то осадок оставило такой неприятный, и вот, по сей день, я как-то все же думаю, что вот не так должно было бы быть, понимаете, вот ...

В. И сколько вы в тюрьме провели? У вас был один допрос?

О. Да. А допрашивали в основном тех эстонцев, которые, я как вам сказал, которые уже были раньше в Эстонии, которых знали многие, там это через других и все. Я практически даже никого из эстонцев так не знал, не сблизился ни с кем, с кем я сблизился, с тем, который вот вместе на Соколе были, он тоже был в истребительном отряде ...

В. Его звали как?

О. Энн и наверно фамилия Талер. Энн Талер, да. На этих допросах их прилично били, они всегда приходили все в -крови, вот. Тут и, значит, их и пытали, чтобы они что-то сказали, и пытали, и били за прошлую их деятельность, понимаете, вот, им доставалось. Ну а вроде с меня вроде, как этот эстонец сказал, что этот молокосос - освободитель, ну что там с меня ... да и этот тоже, который меня допрашивал, тоже смеялся: «Хо-о-о-о, тоже,- мол,- освободитель». Ну и вот, значит, в тюрьме мы там, пока сформировали как это так какой-то маленький этап, на машине, и нас увезли в лагерь.

В. Куда?

О. В лагерь под Вильянди, там же в Эстонии. Там это оказался, что это такой какой-то, действительно ну как вам сказать пересыльной лагерь или что-то такое, или какой-то формировочный потому что там еще какие-то группы, там были уже не только эстонцы, там были уже и русские потому что таки видимо забрасывали таким же образом уже и чисто русские отряды, чтобы тоже в тылу Эстонии проводить диверсионную работу, но это опять не Белоруссия, поэтому их участь уже была predetermined ...

И когда нас уже из Вильянди на ... по узкоколейке да, везли, в город Двинск, это уже Латвия, вот. Эти ребята, русские, хотели побег устроить, прорезали в вагоне в одном, пол прорезали и, по-моему, человека два или три успели оттуда вывалиться, но тут же мы услышали, тревога была, вот. Поезд, значит, остановили, и не знаю, их судьба не известна. В конце поезда всегда, когда эшелон везут, там тоже часовые стоят, наблюдают, и видимо, если даже они из вагона вышли, оказались между рельс, то их наверно заметили, понимаете, поэтому сразу была тревога и, естественно, конечно, их конец, ясен. Когда привезли в Двинск, нас привезли как бандитов, которых ... да потом, когда уже после этой тревоги, нас в вагонах закрыли, ни пить, не есть не давали там, чего-то там около там полутора суток. И вот мы оказались в этом в лагере, в Двинске, а там уже большой лагерь военнопленных. И этот лагерь военнопленных как раз мне ... так дал мне первые мотивы... очень памятные. Когда нас еще везли, еще по городу вели колонной, к лагерю ... [вздыхает] ... а местное население, значит, кто там, не знаю, или это немцы там гли бы быть так, и там те же атыши или что-то такое, значит, же знают, кого ведут, и видимо, прашивали, кого ведут, там сказали, что это, мол, ведем бандитов там, таких партизан. Так они все кричали: «Сталинские бандиты, сталинские бандиты!»- и, значит, бросали и камни, и плевались, и что-то такое дело, так. Ну вот, я вот хорошо помню, а сами мы так под руки держимся крепко, так только на дорогу смотрим, и так, значит, друг друга поддерживаем, и вот, я помню, потому что у меня такое какое-то чувство, какой-то даже гордости было, понимаете, что так вот, значит, это самое, что мы мол такие, ... представляете ... вот. Так это необычное такое было явление, понимаете, даже я такого не мог и подумать, что такое может быть. А вот когда прибыли уже в лагерь туда, пробыли так, это, значит, не первый день, а увидели около лагеря огромнейшие такие

насыпи, длинные такие, там может быть по сто, даже больше метров. Оказалось что это засыпанные рвы, где покоятся трупы советских солдат, вот, которые в сорок первом, в сорок втором году еще так там мерли без конца ... как это еще говорится, сотнями, тысячами, миллионами; так же было и в Двинске, сколько их там, я не знаю, никто не знает. И тогда как-то вот, это первые были такие мои признаки, что это, мол, ну как же так, почему, столько людей погибло, солдаты погибли, а теперь вот, значит, и мы ж тоже самое там, наших-то всех, побили опять, что это за война. То мы хотели воевать на чужой территории, что мы сейчас им покажем этим немцам, а тут получается все наоборот, нас как мух ... уничтожают, да еще уничтожают вот таким путем, понимаете. Не, не в бою, гибнешь- то ...

В. Бездумно, предательски ...

О. Да, понимаете. А гибнешь по предательству, и те миллионы, которые там лежали, они ж тоже были преданы все ведь. Там же наши может так сотни, ну может быть тысячи, там, на- то уже партизан, то уже меньше, уже не те масштабы, конечно, тоже предательски все гибли, понимаете. Ну что же это такое, как это, то есть тут уже начинаешь в мозгах уже начинает крутиться, не знаю чего. Что ж это такое получается, как это делается, что ж это такое за начальство, которое меня посылает, понимаешь, в самое, на верную гибель, понимаете, я пошел, значит, воевать с врагом, за родину, а оказывается меня предали, меня послали так что ж это такое получается? Это вот были первые

В. Первые сомнения ...

О. Первые сомнения, совершенно правильно говорите, первые сомнения, в справедливости всего, во что я свято верил.

В. А этот лагерь был большой, как он был устроен?

О. Это был большой лагерь. Большие такие землянки там были, такие какие-то, значит, сделаны. Ну и сверху, естественно, ну не землянка, которая совсем в земле, а так ну

...

В. Накатом?

О. Да такой накат, , получается полуподвальное помещение такое, ну, чтоб проще, значит, и чтоб и теплее было. Вырывается, какой-то котлован потом там с боков бревна делают сверху крыша. И, значит, вроде там, значит, можно ... более менее так ...

В. А вы сами эти землянки делали?

О. Нет, мы пришли, уже лагерь был, там уже многие погибли. Ну, конечно там их, куда-то как говорится, кто там военнопленные, там были, их куда-то водили на работы, нас никуда, мы же бандиты.

В. То есть военнопленные и партизаны - это разные категории были?

О. Да, сразу уже нас в отдельные там бараки, мы не со всеми вместе были.

В. Вы в бараке жили или вот в землянке?

О. Нет, в такой же яме, землянка, барак. Просто мы отдельно, не смешивали. Ну приходилось там когда-то конечно, общаться, как-то там что-то спросить, сказать, узнать и все, встретиться, вот. Ну и, конечно, нас там опять долго не держали. Так получилось, что нас опять, в Каунас перевели ...

В. Сколько вы пробыли там, в Двинске, неделю, месяц?

О. Наверно с месяц мы там все же побыли да, с месяц мы там побыли.

В. У вас были какие-то проверки, какие-то переключки?

О. Нет, ну как положено, да, всегда проверяют, и все там ...

В. А никаких внутренних работ в лагере не было?

О. Нет, нет, нет. Нас никуда, понимаете, паек нам давали, конечно, не такой, как тем, кто работал, и все. Питание было, конечно, очень жуткое, откровенно говоря, даже неудобно и говорить, что нам давали, в другой раз так это самое дадут какой-то там похлебку, а от несет понимаете конским, понимаешь, это самое, навозом, понимаете. Значит, это видимо просто от лошадей там какие-то внутренности или что, это в котел и там никто их не чистил и все делали. Но все равно, все

приходилось есть и тут уже ничего не разбирался ничего [вздыхает]. И самое главное еще, что, когда уже вот из этого Двинска в Каунас нас вели опять уже колонной большой, уже не только мы были, как сталинские бандиты, а вот и всех военнопленных вели. ... И мы уж уходили получается как бы на север на северо-запад туда, так ...

В. А это время уже какое у нас получается?

О. Это было уже к осени. Сорок четвертый год, да. Это значит, Эстония там уже начинала освобождаться и немцы отступали, и вот, значит, мы даже видели ... как по шоссе идут, немецкие части. Тоже уходят и нас ведут нас тоже угоняют, тоже дальше, вот. В Каунасе, и у нас там была тоже такая договоренность. Во время остановок, во время отдыха, ну как-то все вместе общались, и у нас там был один такой ... грузин. Кому-то говорил, что он там был майором советской армии, так. Он, значит, начал организовывать, что нужно бежать, немцы отступают, нам нужно бежать, махнуть куда-то в лес или что. Вот давайте, значит так: выберем такой момент, по сигналу по общему бросаемся на свою охрану, обезоружим уж как там получится и все разбегаемся, кто куда. Даже в таком смысле побег, понимаете, не какой-то там, но этого не получилось, а не получилось, потому, потому что не было такого момента. Мы практически все время, наша колонна двигалась, и все время нашу колонну обгоняли немецкие части на машинах, на мотоциклах, по-всякому, поэтому вроде было понятно, что если только мы что-то, какой-то признак побега проявим, ну тут же, значит, воинские части... Не то, что охрана, там какие-то охраняли, конечно, как правило, уже такие люди пожилого возраста, старички тоже там с винтовками, даже не с автоматами, а с винтовками. Была только видимость какая-то как охраны. Но воинские части тут, где тут танки и там машины и пулеметы - все шло тут. Ничего там не будет, ничего, нас моментально, значит, уничтожат, тут и делать нечего, поэтому вот его, как говорится, затея ... инициатива, она...

В. Не осуществилась

О. Не осуществилась, вот. А когда привезли в Каунас, нас уже посадили на широкую колею и бросили в Германию уже туда, дальше, понимаете?

В. Сколько вы ехали, сколько были в пути?

О. Я сейчас что-то смутно это помню, сколько мы ехали, но во всяком случае, ехали более менее так, это самое, нормально, потому что тут уже мы были не то что одни партизаны, а тут уже были так вперемежку, и нас завезли под Франкфурт-на-Майне, это около французской границы, уже, вот. Так что я часто спрашиваю, ну для чего они туда - нет, ну ведь сами отступали, понятно [смеется], но для чего пленных туда, понимаете, тоже гнали, здесь немножко не совсем понятно. Расстреляли бы вот нас, просто, и все, и как почему ну-у-у, ... не знаю. Пока я считаю, что этот вопрос открытый, непонятно, в чем дело, почему так делалось, из каких соображений это делалось, вот. И там уже мы были, в лагере военнопленных, тоже большом очень лагере были, там были и русские военнопленные, там были и французы, видимо, там были и англичане такие уже по секторам были, так. Вот, ну а разница только была в том, да, мы ходили на очистку, я не помню какой-то город был что-то у меня из памяти выскочило, где мы чистили улицы после бомбежек, вот.

В. Разбор завалов.

О. Да, да, да это вот там мы выполняли, значит, вот такое дело и опять в лагерь мы возвращались. Ну питались опять вот так, как я вам сказал похлебка, баланда и все такое дело, лишь бы только, как говорится, жив и мог двигаться, а вот французские пленные, они жили совсем в других условиях: они получали посылки через красный крест, они не нуждались ни в каком питании, и они, по-моему, мы не видели, чтобы они ходили на работу, они на работу не ходили. Пленные не должны работать в принципе, они кормились за свой счет, за счет своего государства, а нас, значит, гоняли на эти работы и давали баланду. И когда мы проходили мимо их

секторов или что, там стояли контейнеры, куда они выливали то питание которое они не ели, а которое им положено было по ...

В. По лагерному распорядку

О. ...лагерному распорядку или по лагерной норме вот, а у нас всегда, когда на работу ходишь или что, всегда с собой котелок там, ложка есть, это уже обязательно, это главное оружие. Так вот, значит, наши ... вояки бросались туда и, значит, черпали из этих общих котлов все, что там было. Ну там же все вместе свалено, но еще в какой-то степени можно говорить, что это еда какая-то. Немецкие конвоиры, которые водили, там кричали там: «Русские свиньи!». В общем все в таком духе, конечно, оскорбительно, ну и как-то старались отогнать так, но не всегда им это удавалось, ну стрелять не стреляли, естественно, просто вот таким вот путем хотели сделать. Я вот ни разу таким методом не пытался себе достать лишний глоток какой-то еды, потому что мне было это как-то в общем неприятно, все это мое сознание этого не воспринимало. Ну это было. И вот тут тоже опять следующий... такие вот моменты, что, мол, вот пожалуйста тебе одни пленные и мы пленные, значит, что, мы не такие же люди, что ли так? Почему, значит, вот нас там убивали, расстреливали, теперь, значит, вот в плену морят голодом, кормят черт знает чем, какими-то помоями, понимаете, все на работу гоняют вот. А вот тебе пожалуйста французы - это что же, от кого это зависит, что это такое?

В. А между собой пленные обсуждали это?

О. Да, безусловно, обсуждали. Да, обсуждали да.

В.. А в то время уже как-то было известно, что Сталин сказал, что у нас пленных нет, есть только изменники?

О. То есть поэтому уже и пошло, что, значит... ну и в лагере военнопленных там были не только партизаны, там были и просто люди, которые попали в плен, ну из фронта попали в плен, понимаете, да? И которые тоже оказались в таких же условиях, ну то есть вот общий такой вот ... настрой, как это на фронте, как это, все это идет. Там же рассказывали, как на фронте стреляют, когда, это самое, в спину, в спину стреляют, когда ты не идешь в наступление и уходишь обратно там, скажите вот, как называется?

В. Заградотряды.

О. Заградотряды, то есть все такое дело, как обращаются с нашим солдатом, понимаете. Вот это, все уже заставляло как-то, а, это, обменивались, говорили, все это уже широко стало известно. И это уже создавало такое какое-то внутреннее уже не преданность, как говорится, строю и там уже Сталину, а уже какая-то злость какая-то появляется, ну что ж такое, что же получается, меня во всю вообще обманывали, считали не за людей? Вот, а, значит, что же получается, что же это вообще за строй и как что. То есть вот это постепенно все нагнеталось, вот такая, вот появлялось такое какое-то сознание реальной действительности...

В. А между военнопленными советскими, которые содержались в отдельной зоне, между ними были землячества? Было отношение враждебности к вам, эстонцу?

О. Нет, тоже не было, не было, не было. В армии это тоже не было и как, как в плену там были, такого никогда не было. Вот который командир, который хотел, значит, побег устроить, был грузин, но ведь ... ну грузин понятно, что он так это сразу видно, он такой высокого роста, такой мощный, такой мужчина все, но ... и когда там договаривались, общались, никто не интересовался, мы все вместе, мы одно единое целое.

В. Мы все советские.

О. Да, мы все вроде так, это самое, из одного.

В. А с другими пленными вы не могли общаться, с теми же французами?

О. Нет, такого вообще не было, только так видно было, значит, мимо, значит, когда ходили. Они всегда, когда мы проходили мимо, они всегда почему-то подходили к проволоке, смотрели, как там, что-то кричали там, махали руками там...

В. А не пытались что-то вам передать, помочь, сигарету, кусочек хлеба, нет?

- О.. Такого ... вот, я даже не знаю, может быть такие случаи, это вот кто подбегал к их проволоке, к этим контейнерам, может быть тогда могли что-то там передать или перебросить что-то, там пачку сигарет или что-то, если это было, ну может быть я вот сам не участвовал в этих вот набегах на контейнеры, близко не соприкасался.
- В. Не можете сказать?
- О. Да, не могу сказать, но я помню хорошо вот их внешнее поведение, там как-то приветствие рукой там все, чувствовалось, что они, значит, ну как бы ...
- В. Солидарны?
- О. Солидарны к нам, они к нам относятся по-товарищески.
- В. Я слышала, в некоторых лагерях были такие, рыночки? Место, где можно было поменять сигарету на кусок хлеба или обмен, какими-то нужными вещами. ...
- О. Нет, нет. В лагере военнопленных вот этого у меня в памяти это не осталось. Потому что там все же это было мизерное, понимаете, вот, я-то не курил, конечно, никогда
- Только вот, когда в городе работали, собирали окурки там, или что-то такое, вот это собирали, так.
- В. А можно было на это что-то поменять, вот вы некурящий, вы собрали там три окурка, вы могли за эти бычки что-то поменять?
- О. Ой, я этим тоже не занимался, как-то вот у меня, не было такого, чтоб вот может это поменять. У человека взять хлеб и дать ему это. Это уже, когда в лагере был, в Норильске, получал посылки, я просил прислать махорки, я никогда не менял ни грамма не поменял на ... хлеб, чтоб кому-то так, я просто отдавал своим близким друзьям эту махорку ... поэтому еще и в то время, когда в плену был, в Германии, нет, у меня такого как-то не было, чтоб вот таким путем. Опять же это как-то ... разъединяло людей, понимаешь, а я все же всегда как-то стремился быть с кем-то вместе, с кем-то, поделиться.
- В. А у вас был старший по бараку? Режим-то какой был?
- О. Конечно там были старшие, но там как-то не было такого, что какой-то бригадир был там. Кто может быть владел немецким языком. Чтоб можно было, немцы когда там командуют, чтоб кто-кто мог их команду дальше передать, разговаривать, чтоб узнать или что-то такое там. Вот таких привлекали. .
- В. В каких условиях вы жили?
- О. Были вот такие такие как землянки или под землянкой.
- В. И сколько человек в землянке было вас?
- О. У-у-у, там было человек так наверное человек так ну по сто, не меньше, если не больше даже.
- В. Такие огромные землянки?
- О. Да, такие длинные, прямо такие длинные сделаны так.
- В. Какие-то норы.
- О. Но, видимо, наверное практично, наверно потому, что там больше людей.
- В. А на нарах по одному спали?
- О. На нарах там спали ... ну вот как мы там были, там же не было ничего такого, никаких там матрасов или что, а просто доски и вся эта одежда.
- В. И все вповалку что ли вот так спали?
- О. Да прям подряд, все подряд.
- В. То есть это был настил такой длинный...
- О. ... общий длинный настил, совершенно правильно, общий длинный настил.
- В. А еду вам привозили куда-то, вот эту баланду, или вы шли на кухню, или раздаточная какая-то приезжала телега?
- О. Когда мы были в Двинске, да, еще когда мы были в пути, так там ходили на кухню, и даже такой момент был, что, когда мы приехали, помните, я вам говорил, что там вот побег хотели устроить, и нам сказали, что это бандиты приехали, и нам не давали ни есть, ни пить, так? Когда мы прибыли уже в лагерь, и нас повели, значит,

на кухню и вот этот запах, это лето было, тепло, жарко, запах этот вот, конский запах раздается, он вызывает какой-то вот ...

В. ... отвращение.

О. Да, какой-то процесс вызывается и, самое главное, пить хочется, я уже хотел не баланду эту получить, а пить, пить и, когда я подошел к этому, раздаточному котлу, у меня какая-то миска была или котелок или что-то было, куда можно было взять, так помню, что я потерял сознание. И вот этот вот Павел, с кем мы вместе были, с кем вдвоем остались, значит, мы как-то с ним так вместе все время и держались, и вот этот Туров вместе был, мы как-то так ну, держались своей компанией, значит, они меня подхватили, взяли там мою эту порцию и ушли там дальше, а воду давали после этой баланды. И вот, когда я эту воду попил, я немножко пришел в себя, то есть я не то, что там потерял сознание, а какое-то, ну я не знаю, какое-то состояние такое ...

В. Потемнело в глазах.

О. Да, что-то и потемнело в глазах, и я как-то потерял ориентацию, которую нужно, так вот я прежде всего, я напился, а уже потом стал есть эту баланду, вот это на кухне было, а вот когда ходили на работу, на работе ничего не привозили, вот идешь утром на работу, там работаешь, сколько там, целый день или что ...

В. Но по утрам что-то давали?

О. Утром да, утром давали там что-то, я уж сейчас не помню, так сказать, но в основном какую-то баланду все время давали так или там какой-то ломтик хлеба там могли дать или что. Когда уже идешь обратно, опять, значит, в лагерь, там опять тебя ждал уже этот паек, но так знали, что там ... что-то, поэтому бежали к французским этим самым контейнерам, чтобы что-то где-то до своего законного пайка, чтобы еще что-то где-то прихватить, понимаете, вот.

В. А с местным населением не общались, когда разбирали завалы там, в городе? Не было возможности?

О. Нет. Охрана там, все такое, оцепление, там все такое дело. Ну как-то нет, я такого не запомнил, никакого общения не было.

В. А что-нибудь про подпольную организацию в лагере слышали?

О. Ну, значит, у нас такого не было, в нашей такой не было, но вот то, что тот грузин хотел сделать, ну это было такое мимолетное, такое все. Это не организация.

Вот в нашем лагере не было. Потом, скажем, когда с этого лагеря нас опять перевели в другой лагерь, где-то под, это уже точно знаю, недалеко от города Эйзенах был еще лагерь, вот там уже нас водили на всякие сельхозработы вот. Там уже было немножко как-то попроще, там можно было где-то там найти в поле и морковку какую-то там прошлогоднюю или еще чего-то там такое было, так? Там было попроще. То есть вот как-то так перебивались да, ну еще, значит, ну что можно сказать, что мы, когда вот наверное, в этом Эйзенахе, когда были, это был сорок четвертый год, конечно, сорок четвертый, по-моему, еще год. Нас потом в лагере собрали, и вот был тот момент, когда начала создаваться русская освободительная армия – РОА – знаете такое, так? Вот собрали в каком-то лагере, я даже не знаю, в каком, и вот из многих лагерей собрали и там по репродуктору передавали как бы призывы вступать в РОА, агитация вступать в РОА. Объясняли что это такое, что это создано правительством во главе с Андреем Андреевичем Власовым, там такие-то цели, разъясняли там все вот, значит, против большевиков, против коммунистов, они будут воевать, и приглашали, значит, там. Ну, я бы не сказал, чтобы из того контингента, который у нас там был собран, там, не видно было, что люди ну как-то рвутся записываться вот туда, хотя жили очень так, это самое...

В. Трудно.

О. Неприглядно да, вот. И, конечно, вот среди нашей среды, среди наших вот этих и бывших партизан и все ни одного человека я не помню, чтобы кто-то согласился пойти вот значит...

В. В эту армию.

- О. В эту армию. У нас этого как-то не было, но насколько вот так известно, что шли люди, потому что как-то надоедало жить вот в таких условиях Поэтому все бросали, и уходили, закрывали на все глаза, и потом ведь как же, в лагере ведь тоже ведь было разное отношение, разное все вот.
- В. Какие разные отношения в лагере были?
- О. Нет, я говорю в каждом лагере было вот в зависимости от работы, какие работы, со стороны немцев я имел ввиду. Ну вот скажем у нас, из нашего лагеря, пока ходили из одного лагеря в другой, там нас перегоняли, но не было такого, чтобы ... в штрафной лагерь, куда-то отправляли там, в камеры или что, вот. Нас наоборот все как-то удивляло почему, значит, нас перегоняют из из лагеря в лагерь ... И потом даже из этого Эйзейнаха нас почему-то погнали на юг Германии, опять ... колонна большая, немцы, и гонят. А был уже второй фронт. А Франкфурт-на-Майне около Франции, значит, нас вроде как бы от второго фронта. То нас гнали от советской армии на запад, немцы нас гнали, когда я сказал, что непонятно, зачем они нас гнали, расстреляли бы и все, нет, гнали на запад, а тут теперь из Франкфурта-на-Майне нас гонят с запада на юг Германии, для чего? И вот когда уже нас гнали на юг ... мы опять тогда втроем сбежали. Ну охрана была, знаете, какая-то такая ну примитивная, как-то старички с винтовками ... идут. Один там сбоку, а колонна там шла там метров сто, двести, впереди кто-то и сзади кто-то, ну чисто формальность какая-то соблюдалась, поэтому когда мы через там какой-то овраг переходили такой мостик, мы втроем: вот этот Туров, который был из Ленинграда так, я, и один был еще литовец, и вот мы, значит, втроем прыгнули, этот как бы мостик, под мостик спрятались, колонна прошла, никто ничего, значит, ну ... за нами никто не последовал. Они ушли, и мы, значит по-моему, недели, наверно, две так ... блуждали, прятались, вот уже на территории Германии там, где-то на этих самых сараях там, где-то там в буртах доставали брюкву, там брюква очень распространена, вот морковку, что-то еще такое другое...
- В. У вас направление было какое-то пути?
- О. Нет, ну мы-то просто-таки, нет мы-то, вроде, понимали, что идет фронт, так, западный ...
- В. Надеялись его дождаться?
- О. ... чтобы нам просто-таки ну, где-то продержаться, понимаешь, чтобы нас не поймали ...
- О. Да, потом ведь, мы встречались и непосредственно и с крестьянами с немецкими, ну они ...
- В. И как к вам относились?
- О. ... относились, да, абсолютно как-то так не знаю, может безразлично, ну нельзя сказать, ну как-то и с сочувствием, нельзя сказать. Они видели, что это пленные, потому что тем более, мы же были все одеты в старую, немецкую форму ... она уже полиняла там, может там десять раз стирана или что, ну немецкая эта армейская форма, у всех пленных нас была вот, а они понимали, что это значит, там все. А этот литовец, он еще, он хорошо говорил ... ну не то, что, значит, хорошо, но понимал по-немецки, так что-то, если где-то нужно было, он мог что-то там попросить, сказать и все такое дело, вот. Но в одном месте мы попались. Попались одним ранним утром вдруг, нас там: «Стой!». Туда-сюда, немецкий ... мы поняли, что это какой-то засада, патруль, а это немецкая жандармерия, которая, значит, там была какая-то. Свои, видать, посты были там, их назначение я не знаю, вот, ну они нас задержали, как что понятно, они там особенно и ничего и не спрашивали, они видели, что пленные сбежали. Офицер дал какую-то команду двум солдатам, и они нас повели там, как бы дальше, мы видели там какой-то овраг начинается повели туда, перевели к оврагу, ... а там сидит ... отдыхает колонна военнопленных, уже не наша, с которой мы сбежали, а еще какая-то другая, нас просто-таки они отдали троих в эту же колонну, этим же солдатам, вот старичкам ...
- В. И вы пошли дальше ...

- О. И все, и мы там остались, так. Вот. Но, этот самый литовец, который понимал, в овраге он понял, что офицер сказал, что там в овраге, значит, отдыхает колонна ... пленных, отведи их туда, если колонна уже ушла оставьте их там в овраге То есть было понятно, и он говорит: «Когда вот, когда мы идем, вы, говорит, с Володей в сторону идете, говорит, так вроде, бодро так все, а у меня говорит ноги подкашиваются, я идти не могу, потому что я слышал, что, если, значит, ... меня могут через пять минут расстрелять вот, оставить в этом овраге, а вы, говорит, идете вроде так, и как чуть не улыбаетесь».
- В. А у вас не было никакого ощущения? Вас в овраг повели – зачем?
- О. Нет, ну там мы уже видели, понимаете, ну и понятно было, если сразу не расстреляли, так ... зачем же нас куда-то ведут еще, сначала мы, конечно, боялись, что это жандармерия, у них такие какие-то ... полумесяцем бляшки, там, фельджандармерия написано, по-немецки, естественно. Мы так понимали, что, значит, ну нас тут ждет пуля, что нам с жандармерии кто-то там разбираться будет, что с нами делать. А потом, когда повели, наоборот нам как-то стало, легче, и психически вроде, а все же нас не убили, а, значит, что еще нас что-то ждет, а может быть и не убьют. Вот, а он, когда услышал, у него, конечно, ноги подкашивались, вот. Вот такой момент тоже был.
- В. И куда вас потом привели с этой колонной?
- О. Этой колонной мы шли по-моему, еще, сутки или двое мы шли, идем там где-то, в каких-то больших деревнях. Там где-то какие-то у них такие пункты непонятные, где можно было питание получить там. То ли какие-то там походные кухни солдатские или что-то. Есть нам там что-то давали, какую-то еду. И потом ведь у немцев тоже есть ... там были такие, знаете, что-то похожие на ... чуть ли не колхозы, такие какие-то большие такие усадьбы, такие объединенные, они там работают. Мы обычно только днем шли, естественно, ночью где-то в каком-то сарае, сеновале или как там, это такого типа ... навесы, там, значит, все спали, понимаете, вповалку. Как-то утром встаем, ... что такое, понимаешь, вроде даже охраны нашей нет никого, вот, и несутся эти самые ... э-э-э, студебеккеры. А в студебеккерах черные сидят ... негры. Американцы пришли, освободили, ну тут, значит: «Ура!» - туда-сюда, там все забегали, вот. И потом, значит, ну уже настоящие американцы, белые, так. А белые как увидели нас, русские, туда-сюда, там, понимаешь, вот. Пошли в обнимку. Туда-сюда, кто-то там уже сигареты, угощение и все, значит, такой восторг. Ну как вроде, чуть ли не встреча на Эльбе, так. Но там фронты встретились, а у нас так просто-таки встретились, солдаты американские и вот ...
- В. Пленные, советские, да?
- О. Да, уже да, они ничего, русские, русские они говорят, не советские, ничего, русские, ты русский, русский, все такое дело, когда там видно какие-то там есть из средней Азии, которые, если черные кто не важно, ну все равно, ты опять русский, понимаешь, вот. И вот два месяца я был у американцев ...
- В. На их территории, а вас как там лечили, кормили, поселили как? Как называлось это место?
- О. Такая сельская местность, она как-то мне не запомнилась. Там какой-то недалеко был какой город, небольшой такой. Как-то такого, как фронт, мы что-то вроде, не чувствовали, что идет какой-то фронт, а просто они какими-то такими отдельными частями, вот. Они, значит, идут, потом вечером возвращаются, в деревне где-то, в домах там жили, бросают свое оружие, питаются. Отдыхают. ... Мы там им помогали оружие чистить, там как-то общались, на пальцах разговаривали, кто как там, что-то по-немецки, ну по-всякому там, понимаете, вот находили, что там могли общаться, вот. И как-то просто наблюдали, какая, у них там жизнь, как что. Мы вот уже последнее время, я говорю, что мы работали на сельскохозяйственных работах, уже с немцами, и как-то мы на это и настроились, и поэтому, когда они уже ушли, вот тут же, те же немцы, стали сразу приглашать на ...

- В. На работу?
- О. На работу ... к себе.
- О. И вот как-то даже, многие там остался. На этих, у них не деревня, а как, как у них называется?
- В. Хутора?
- О.. Как же это у них называется, не деревня ... ну будем говорить так - немецкая деревня...
- Вот давайте, приходите поработать, а мы там будем вас кормить. Вот, а уж потом вы там еще успеете поехать. А некоторые пошли в этот город, там, были уже какие-то комитеты, создавались из военнопленных, из русских, которые работали, ну в Германию которые были вывезены, вот. И там было уже такое более организованное, какие-то комитеты, которые уже переписывали, фиксировали и которые вели между прочим пропаганду, чтобы уезжать на запад ...
- В. Эти комитеты вели пропаганду?
- О. Да, да, да.
- В. То есть это американцы организовывали?
- О. Ну я не знаю, кто их организовывал, американцы организовывали или кто-то из русских там работал или может это было связано с русской освободительной армией – я это не могу сказать, потому что мы входили в этот город, смотрели, слушали, интересовались, но нам больше нравилось работать, вот ...
- В. В сельском хозяйстве
- О. В сельском хозяйстве. Там мы жили и как-то вроде решили, что, значит, что дальше будет, то и будет
- В. То есть вы никуда не ходили регистрироваться?
- О. Нет, мы не регистрировались, ничего.
- В. А жили где?
- О. А жили у этих прямо в домах.
- В. Прямо в домах, где работали?
- О. В домах да, там, где работали. Как же, встречались, обсуждались, обменивались мнениями и все вот.
- В. Приоделись чуть-чуть.
- О. Да, что-то там ... Притом знаете, как интересно получилось, ... приглашали, скажем, вот поехать не только во Францию, там были же ведь уже и освобождались и французские пленные.
- .А.Г.: Они предлагали уехать с ними?
- О. .. О-о-о, едем во Францию, туда там в такой-то город, там все русские, там будет вместе все друзья, там товарищи, все вот. Или вот уже, когда по радио объявили, на митингах где-то: «Пожалуйста, значит, кто хочет ехать в Австралию, в Канаду».
- В. И кто-то ехал?
- О. Большинство ехало, большинство ехало, их регистрировали, и они как-то обращались. И вот даже мы все трое, которые мы были, туда мы не ходоки, у нас свое. Вот в Германии я чуть-чуть не остался вообще и мог бы быть немецким подданным.
- В. Это как же случилось?
- О. Случилось ... А , так вот со мной, как говорится, там получилось. Я согласился работать в одном немецком хозяйстве, где хозяина не было, он был на фронте, погиб, была хозяйка. Уже такая ну, может быть, лет, значит, сорок с чем-то, женщина, так у ней дочь шестнадцать лет, и она прямо в глаза говорила: «Лео (Лео, значит, звали), оставайся вообще здесь жить, работать, вот хозяйство все твое, пожалуйста, давай, у меня и дочка уже шестнадцать лет». Так, ну а мы с дочкой тоже начали так уже так, знаешь, общаться, разговор, конечно уже за это время, пока я в Германии, я уже тоже что-то начал уже простые слова говорить, так уже можно было, тем более, что я еще и в школе немецкий-то и учил, так что с грехом пополам можно было понимать. Нет, значит, меня это не устраивает.
- В. То есть вы хотели вернуться домой во что бы то ни стало?

- О. Да, я здесь уже и не хочу остаться и вот здесь на этом хозяйстве, конечно, все это было достаточно заманчиво. Ну все это чисто по-человечески, а не то что там, у меня тоже такой настрой, что, если уже действительно что-то делать, то делать серьезно, а не просто так, мимолетно. И все же с городом мы общались все время, вместе ходили или там что-то узнавали. Было сказано, что скажем, девятнадцатого мая уже будет очередная отправка в советскую зону. Значит, кто-то уезжает в Канаду и в Австралию или там еще куда, во Францию уходил так, ну а были и такие, дни, когда уходили в советскую зону, и мы, значит, вот и решили, что все – возвращаемся на родину, к своим.
- В. Была пропаганда уезжать на Запад. При этом же говорили: потому что если вы вернетесь в свою страну, вас ждет то-то и то-то.
- О. Нас ждет Сибирь.
- В. Вы как относились к этому?
- О. Я понимал, что я, значит, вроде оказался в плену ...
- В. Не по своей воле?
- О. Да, я изменник родины, так.
- В. То есть вы понимали последствия?
- О. Но я ничего не совершил такого преступления, за которое может быть действительно, быть наказанным, ну я так предполагал.
- В. То есть своей вины при этом вы не ощущали ...
- О. Да ну вины какой-то, ничего я еще не чувствовал. Ну, пускай я там даже может быть там, год, два или не знаю, сколько должен понести там какое-то наказание. Яне знаю, чуть ли условное или я не знаю, как там. В общем действительности я не представлял ...
- В. То есть к какому-то ответу вы были готовы, но о масштабах и не думали.
- О. Да, этого, я не представлял. Я был готов сидеть ну, что ж, то я действительно вот вместо того, чтобы громить врага на его территории, как это я мечтал, когда началась война, вот, а я оказался сам в плену, понимаете, вот такая глупость получилась, вот. Поэтому я на родину, у меня там отец, мать, брат, у меня все. И вот ведь девятнадцатого мы все трое пошли в этот город, чуть ли не со слезами на глазах распрощались с этими с немцами ...
- В. Это у которых работали?
- О. Да, у которых работали, пришли туда, на сборный пункт, там, значит, уже студебеккеры там грузовики американские, они там формируют, там открытые грузовики, там же те, кто возвращались ... некоторые возвращались русские, которые на работах в Германии, с детьми. Уже, понимаешь, там и поженились и уже там у них дети и все, вот, они тоже возвращались так, и мы ... все вместе. Получили подарки, получили там какую-то одежду, получили питание от американцев, какой-то паек там нам дали на дорогу. Так восторженно, так. И, значит, колонна по-моему, машин наверно десять нас, так. Поехали ... через ... свою ...
- В. Зону ...
- О. Свою зону, вот. Когда ехали, а там опять тоже американцы там в основном американцы, конечно, приветствовали, радостные там. Русские, значит, там, едут. Я так понял, что, американцы, которые видели нас, что мы едем на родину, они к нам ... относились тоже соответственно, что вроде, понимаешь, вот молодцы, вроде едут на родину, это вроде нормальное явление, понимаете ...
- В. Конечно, возвращение на родину, и для них это счастье ...
- О. Да, да, конечно, поэтому они нас тоже. У них была на глазах написана тоже какая-то радость приветствия. Они нас приветствовали, кто-то чего-то бросал, сигареты или что там под рукой было. Даже какие-то портсигары там, я помню, кому-то там доставались и все такое дело. Вот, а начали переезжать демаркационную линию. И тут ... я увидел ... что ... возвращаюсь я зря. Потому что первое, что наши

солдатики, которые стояли там где-то на соответствующих постах и все, у них уже не было того восторженного взгляда ...

В. Радости не было?

О. Радости не было, а наоборот, вот они, изменники едут, предатели ... такого типа уже ... слышалось, так. И было понятно ... что возвращаемся зря. Но было уже поздно. Перевезли нас в фильтрационный лагерь, где сразу начали фильтровать. А фильтрация как шла, сначала отделили от нас всех женщин с детьми, ну это те, кто там работали, в Германии ...

В. А это где было?

О. В Германии еще, в Германии, точно... не могу сказать ...

В. Ну ладно, не страшно, так разделили вас ...

О. Вот. Отделили их, так, и сказали, что тоже уже семьи отделили ... так, отделили, потом, значит, начали отделять, стариков от тех, кто годен служить в армии, такого типа. И потом, значит, еще начали отделять по какой-то даже по специальности и как кто в армии был. Скажем, этот Володя Туров, как бы мы вместе и в плену были вместе, и в отряде там, вместе попали в плен. Вернее, не вместе попали, а вместе в тюрьме еще были, и все время в лагере были. А он водитель был, шофер, его сразу отдельно куда-то, значит, в какую-то там автоколонну. Так я его и потерял, он мне еще писал письмо, когда уже я был на Украине. Этот литовец тоже куда-то там, не знаю, попал, я уже оказался совсем один, значит, уже никого ... старых знакомых не было, все это новые ребята были, так. И нас тоже там по-моему, наверно с месяц нас там так держали, мы никуда не ходили. . там, вот Короче говоря, все вот это записывали, где и ...

В. На допросы ходили?

О. Да на допрос, на это все, записывали, как, где, что, как, что там ...

В. Обстоятельства плена?

О. Да, вот эти обстоятельства, как попал в плен, как, где ты там был. Я не знаю, конечно, может в фильтрационном лагере, там разные люди-то были, так. Может быть там кого-то и ... прибирали по всякому, а вот такого типа, как я, на пополнение воинских частей, потому что воинские части, которые там были, в Германии, они ж тоже поредели здорово, так. А возвращаться нам ... должны были пешком из Германии, через Польшу пешком, вот. И поэтому пополняли эти воинские части.

В. И Вы подробно рассказывали как попали в плен.

О. Нет, ну так как Смерш - это как-то все более в крупном, все, это говорилось, вы понимаете. Не говорил, что я там увидел мать, и все такое дело, это понятно, такие тонкости какие-то, потому, что я понимал, что это

В. Их не интересует ...

О. ... Не интересует, вот, а куда-то попал в плен и все. Ну что там окружили меня, сказали поднять руки, я поднял, оказался в плену, вы понимаете, и их все там, такое дело, а как бы оправдываться или плакаться или что-то такое, это вот тоже такого не было, знаете ...

В. А в этих частях, куда вы пришли, было к Вам, бывшему военнопленному, какое отношение?

О. А в частях было самым нормальным образом, самое ... человеческое, отношение нормальное было. Вместе мы шли, вместе совершали броски, а броски были такие, что, да, во-первых, мы шли через Польшу, увидели все эти вот эти самые. Да, сначала через Германию, ну было так, что заходили в какие-то там эти вот брошенные немецкие дома, потому что немцы ж тоже убегали, когда советские войска приходили, поэтому там ну какие-то вещи были, чего-то там можно было, там что-то припасено. Просто-таки мы же шли, и у нас был только вещмешок, и там что-то такое, самое такое необходимое что нужно, нужно было. Между прочим один, ... об этом я уже потом узнал, и я был настолько глуп, что не знал, что можно [смеется] взять, что нужно было взять. Это уже потом, когда мы

пришли на западную Украину, я узнал, что один там, значит, тоже солдат, он где-то, в каком-то в доме или где-то нашел целый пакет машинных иголок швейных, для машины...

О. Вот, и он это все прихватил, и он притащил. ... Это оказалось такой большой ценностью здесь, потому что их нигде не выпускали. Их на вес золота ... ценили, [смеется] понимаете, вот такое ... Просто-таки момент интересный ...

В. Такой хозяйственный оказался ...

О. Да, такой хозяйственный оказался, солдат, оценил обстановку, понимаете, вот. А так ничего, те, кто там было, ну, скажем, даже вот, эти солдаты, ... мы там подружились, с кем-то больше, с кем-то меньше. А командир там, скажем, отделения у нас был тоже, есть такой парень, у меня есть фото, мы с ним с ним вместе сфотографировались, вот. Он тоже в медалях сам молодой парнишка, у него тоже, это самое, рюкзак и все, а куда там постарше, там, старшина там взвода или там роты, потому что с нами еще ну как бы это, небольшая колонна, на лошадях ...

В. Обоз?

О. Обоз, обоз, да. Там что-то можно было везти, да ну там какое-то и питание с собой тоже везли, так, понимаете, видимо, а сухим пайком все раздавали, в этом обозе везли, а тот, кто пешком топал, тот ничего. Утром, как только светает, значит, поднимаемся, еще только солнце всходит, начинаем идти, днем, когда самое жаркое, отдыхаем где-то там в тени, потом снова встаем, поднимают, опять какое-то питание, уже сейчас не помню, как там что-то, ну в общем что-то на зубок брали, так, и дальше идем, уже начинает темнеть, а мы все идем, и мне хорошо запомнился такой момент, что идем как колонна, воинская колонна, там, по четыре человека там идем все, вот. И так идем все в ногу, и настолько идем в ногу, если кто-то вдруг впереди остановился, то друг на друга валишься, потому что вроде идешь как бы полусонный ...

В. На автомате ...

О. [смеется] Автомат навряд. Идешь дальше, хотя там уже впереди уже была команда остановиться, а ты еще чего-то, еще спишь ... только так встрянешь, ну так проснулся вроде, а уже пора остановиться, уже пора на самом деле лечь спать. То есть мы делали, вообще это говорили, что до вот восемьдесят, девяносто километров, в сутки. Ну с раннего утра до позднего вечера, плюс днем там какое-то самое жаркое время переждем, вот и так мы шли через ... Германию, через всю Польшу, и пришли на Западную Украину, в город Ковель. А это дивизия уходила из Германии пешком, рядом гнали ... стада коров, немецких ... ну и там, где была железная дорога, мы видели, что железная дорога работает тоже, в общем насыщено, там солдат я не видел ни одного эшелона, чтобы шли, чтобы ехали солдаты и там, чтобы мы могли друг другу помахать, солдаты пешком шли. ...

В. А почему?

О. А что-то везли, везли все репатрированное ... и частным образом, и государственным образом, потому что все же эти станки, потом я работал, когда уже вернулся после Норильска в Москву, я же работал на московском инструментальном заводе Калибр ...

В. На трофейных станках?

О. Да ... да. Вот, так что их везли, это я опять очевидец, я на них работал, притом станки, значит, такие, которые ... ну ценность представляют, а не просто какое-то старье. А мы шли.

В. И как вам в Ковеле служилось, как вы служили?

О. И вот я там еще практически служил ну если сказать, что в сорок, пятом году я, когда из фильтрационного лагеря попал уже в часть так, там несколько месяцев там был, в американской зоне, еще три года практически я был в армии ...

В. А переписывались с мамой, с братом?

О. Да, да, конечно, уже переписывался все ...

- В. И они наверно долгое время ничего не знали о вас ...
- О. Они просто-таки что, они получили извещение, оказывается, пропал без вести ... вот. И когда вот уже дальше, когда вот меня уже арестовали, ... когда и я сообщил домой. Уже дома стало известно ... официального сообщения не было ни того, ни другого, понимаете, как получается ... Понимаете, как получается?
- В. То есть домой об аресте не было официального известия?
- О. Официального ... об аресте не было. Поэтому, когда так получилось, что отец, узнал, он пошел в свой ... министерство и сказал, что «прошу меня перевести на завод в Москве», там завод шлифовальных изделий, в свое министерство, потому что я не могу служить в Главке. Почему? Потому что так и так, моего сына обвиняют, что он изменник родины, и он, значит, арестован. Ему начали говорить: «Да ты что, у тебя что, это сказали, как, что? Или как что? Да ерунда, есть, говорят, справка, что он пропал без вести и это самое и ... заявляй». «Нет, не могу. Совесть мне не позволяет. Моя партийная, совесть или как или там назвать или партийное чувство не позволяет здесь быть, раз мой сын признан изменником родины!» И его перевели на завод, он где-то работал кладовщиком до самой пенсии. Был опять в партийной организации, конечно, был на собраниях, везде все, но уже
- В. Это сильно его подломило.
- О. Уже, уже он был сломлен, был верен до конца, конечно, вера у него не исчезла.
- В. А он верил в вашу невиновность или он считал, что раз плен, значит, виноват.
- О. Нет, он верил, он верил.
- В. Что вы не виноваты...
- О. И потом, когда меня уже вот освобождали, это, собственно, по его ходатайству меня освободили-то.
- В. То есть он постоянно ходатайствовал о вашем освобождении?
- О. Да, да он писал, доказывал, все вот, но это потом может в конце после Кенгирского восстания можно рассказать.
- В. А Игорь, он что делал во время ...
- О. Игорь уже вот в это время, уже был спортсменом уже признанным.
- В. То есть в армии он не служил?
- О. Его в армию призывали, но он скрывался, его скрывали и как-то ... это самое, не ушел.
- В. Кто его скрывал?
- О. Спартакотцы. Ну, это самое, не ушел. В «Динамо» он не попал, потому что тогда что-то его там как-то неправильно приняли, его отослали и сказали, что малышня там, таких тут много ходит, ну и как-то их заметил какой-то один спартаковец, я сейчас даже не помню, кто, ну и попал в «Спартак». Сначала там был, значит, он там в детской, в юношеской и все и так в «Спартаке» он осел и преданность «Спартаку» его была до последних его дней жизни, вот. И понимаете, поэтому хотели его перетащить в ЦСКА, когда вышел в армию: «Ты не бойся, в армию иди, мы сразу тебя возьмем в ЦСКА!» Но спартакотцы тоже там имели какие-то каналы тоже, там ребята были, которые могли это дело, значит, ну обеспечить, ну сохранить его у себя, вот, понимаете. В документах он везде писал «старший брат пропал без вести» и все вот. А, мама говорит, что он говорит: «Что Левушка наделал? Теперь, говорит, и мне, говорит, это самое, дорога будет закрыта, в футбол-то я буду играть но за границу я уже никуда не поеду».
- В. Это он говорил в связи с вашим арестом?
- О. Да, с арестом ... понимаете вот. Ну вот я, значит, помню, да, да это с арестом, с арестом уже было, так, вот. Ну, а он всегда, каждая заграничная поездка, это нужно все это было писать в анкетах, он ведь так и писал везде и нигде никакой, какой это самое ну ...
- В. Препятствия не было ...
- О. Препятствий абсолютно никогда не ощущал, вот. Ну, конечно, откровенно говоря, он как-то, это самое, когда я вернулся, когда я встретился, было такое -небольшое какой-то ну, какой-то холодок был. Он все же как-то так смотрел, ну не верил так

как, как отец верил, понимаете, вот. И какой-то может у него, все же что-то такое внутренне было, что, что-то не так. Вот это ну это было тоже опять до поры, до времени, пришел такой момент, когда он, ему раскрыли глаза, это я потом скажу.

В. А как произошел Ваш арест, в Ковеле же? Там же, в Ковеле вас арестовали?

О. Нет, значит, не в Ковеле меня арестовали. Я сначала попал в, как назывался, зенитно-пулеметный взвод. Нас было там человек, по-моему, шестнадцать, только до двадцати, только всего ... во взводе. Это большие пулеметы, которые ну, считались как бы не строевой частью, мы как бы вроде были воздушная охрана. Так, такого типа, ну как оно и на фронте было ну так, значит, и остались, что мы, строевой почти не занимались, и мне пришлось за эти три года, объездить очень много городов и сел на Западной Украине, почему? Потому что наша часть была на самообеспечении в смысле продуктов. Мы сами должны были для себя заготавливать осенью овощи, и ну и там ну все. И мы ездили по деревням и ... это приобретали

...

В. В сорок седьмом году, в голод?

О. ... а в голод ...

В. Сорок седьмой же был тяжелый год?

О. Был тяжелый голод, вот.

В. И как? И что вы видели там, в селах на Украине?

О. Страшные вещи я видел, страшные вещи видел. ... Ну, во-первых, когда мы, вот этот голод когда был, так, значит, мы ездили забирать продукты, так. И вот, я хорошо помню, что мы один раз поехали где-то на Западной Украине, где-то там ближе к Полесью, ближе к Белоруссии, ... на машине, конечно, все мы на грузовиках, и с нами вместе едет ... уполномоченный это, уполномоченный по сбору урожая, значит, чего-то такое там, ну какой-то такой гражданской одежде. Он, значит, как от местной власти и мы ему приданы, потому что нужно ехать обязательно с оружием, на машине все такое дело, мы ездили ну где-то там, где-то забирали, получали, а там где-то в пунктах может быть там нам отгружали машину, загружали и везем к себе. Но бывали и такие случаи, что непосредственно приходилось идти прямо в крестьянскую усадьбу, в хату, так. И вот такой случай был. Я был и еще со мной был один осетин, из северной Осетии, Плиев фамилия, хорошо помню, и в лицо его помню, он постарше меня, наверно, лет на десять, наверно, такой мужик такой крепкий, возмужалый, такой ну ... суровый такой, чувствуется. Ну тоже фронт прошел, все, мы вооружены, конечно, с оружием, и вот идем, значит, он говорит, что там где-то в одном месте вот там, говорит, еще около леса там есть еще одна хата, которая еще не сдала предусмотренное ... количество продуктов. Заходим в этот дом ну дом большой, такой достаточно добротный дом, и ну и большая такая комната, женщина там, ну не знаю, сколько ей лет, трудно сказать, потому что она очень так эта и одета, не понятно в чего и, видно, такая измотанная ... за военные годы. Вот, и около нее, по-моему, трое или четверо детишек маленьких таких бегают, вот. И вот она, это самое, он к ней там, «Ты» так и называет ее там по фамилии, как-то, с твоего хозяйство чего-то не додало то-то, то-то, то-то, то-то, то-то, она, значит, тут прямо в крик, вопль, кричит, все вот все, что у меня есть, забирайте, последнее, пускай вот эти дети, пускай помирают с голоду, и показывает на кучу картофеля, ну там, может быть, не знаю, ну мешка там может быть там три, четыре было картошки, прямо в комнате, прямо навалено, так. Вот, ну детишки тут что-то закричали, на нее там бросились бегают, кричат, плачут, понимаете, такое дело, а он, значит, этот самый уполномоченный у нас был: «За-забирайте». Плиев посмотрел так на него ... я думал, он его сейчас прибьет, вот он молча повернулся, сказал: «Лев, пошли, все, хватит». И мы повернулись и вышли, сели на машину и уехали, и оставили его там, понимаете ...

В. Уполномоченного?

О. Да, и больше мы к этим мероприятиям не возвращались, Плиев сказал: «Все, хватит!» Значит, это, я не помню, как-то он говорил немножко такой с акцентом все, ну а

уже ... знаешь, у них умеют говорить, вот. Что это вообще какая-то подлость, это вообще-то не человечно, это вообще-то не знаю, это не человеческий поступок. Женщина там, понимаешь, это самое, с детьми полуголодная, у нее последнюю картошку забирать, и ты мне еще говоришь, чтоб я сделал, вот это. Самого убью на месте, понимаете, вот такой факт я видел. Понимаете, мне запомнился то есть, а он-то действовал от имени власти, значит, это делалось везде и всюду, значит, таким образом вся эта наша вот армия там содержалась на Западной Украине, а потом мы говорим: «Почему нас там убивали?». Были мы и на уборке урожая. Нас бросили на уборку урожая, когда уже люди голодные не могли сами убирать, а мы помогали убирать урожай, это было осенью уже. Там кукуруза большая, там ну и там все косили, там все, что угодно, там я впервые косил, по-моему овес, или что-то еще, пшеница, и все, что угодно косили. ... Из кукурузы очень часто стреляли ... ну ведь, как называть, тоже, что бендеровцы, ну я так понимал, что это не бендеровцы. Бендеровцы это все же уже польские формирования, а это были те, которые, вот у которых вот таким образом забирали продукты, и все, которые ненавидели понимаете вот нас ... солдат. Ну в нас они не стреляли, я не слышал ни одного случая, чтобы кого из наших солдат убили, а убивали тех вот, которые эти представители уполномоченных. Их щелкали, хорошо, здорово, вот.

В. Вы думали об этом? Как вас встречали в Эстонии, да, те эстонцы, которых вы пришли освободить, что это им не нужно, как вот вас встречали на Украине на Западной, это добавляло что-то к вашим сомнениям?

О. Безусловно, все это формировало во мне такое внутренне чувство, что, что же, значит, вот все это наше, вот это советское, значит, вот система, советская власть отношения к человеку, ... ну какое-то плевое. Скажем, даже вот с американцами, у американцев ... вот они, приходят там с какой-то с операции, возвращаются, оружие бросают и все. На завтра могут взять другой автомат не важно, он с оружием, и все, вот, а у нас, если же ты свое оружие номерное, которое за тобой записано потеряешь, это же трибунал, расстрел, или тюрьма или что угодно, значит, что дороже? У американцев дороже человек, человек главное, а все остальное, все эти железки, это все же плевое дело, это ничто. А у нас наоборот получается - человек ничто. Солдат ничто ... крестьянин ничто, рабочий ничто ... то есть все это ничто получается, понимаете, вот. Так что же у нас получается, что во что мы верим, что мы строим, какое мы строим будущее, вот это вот невольное все, постепенно, наворачивалось, накапливалось, и создавало внутри какое-то такое отторжение, вот преданности вот этой системе, хотя я снова вступил в комсомол, в армии, я же просил, чтобы мне прислали мои документы, из Эстонии ничего не пришло, а так как я был активным, нет, ну сначала я еще не был активным комсомольцем, сначала я был просто-таки солдатом, который ... честно выполнял свой долг, ну отличником это ну, как это ...

В. Боевой и политической подготовки ...

О. Вот. Да боевой и политической подготовки был так, вот. Мне домой прислали письма, такие вот они у меня были, что-то я их не могу найти, куда они делись, не понятно, исчезли. Треугольник, который вот я писал сам, это, например, есть, а вот эти, где мне писали благодарности, что ваш сын такой там, отличник боевой и политической подготовки, благодарим вас, родители за такого сына, так, вот это чего-то это письмо, не пойму, куда оно могло деться. И, значит, скажем, ... а что я хотел?

В. Вы вступили в комсомол и дальше?

О. А да, в комсомол, значит. Я написал, я все рассказывал там подробно, как все это, все это в плену, это все в воинских частях, все это знали, так, ведь все знали. Ну говорят, нет, давай значит, вот подавай заявление, принимаем тебя в комсомол, и меня приняли в комсомол, я был комсомольцем, а уже как стал я комсомольцем, я уже стал отличником Сам уже стал уже проводить и участвовать в политзанятиях, там все это выступать, все такое дело, на доске почета. Когда меня

уже, отправили туда, отделили вот от воинской части, когда мы должны были демобилизовываться, он, значит, увидел на доске почета мою фотографию, он ее снял и прислал моим родителям. Писал, что, значит, он-то уехал, а фотографию оставил там, потому что, говорит ее все равно куда-нибудь бросят, я ее лучше тебе пришлю, тебе будет приятно увидеть ту фотографию, которая была на доске почета. п Когда вот были уже в части, никакого опять, ко мне ... какого-то косога взгляда, какого-то упоминания, что я что-то вот какой-то неполноценный, и что, ну абсолютно не было, ни у солдат, ни у сержантского состава, даже у командира полка, я так скажу, а как это получилось. Пока мы были в командировках, ездили везде, так, в это время ... да, там были, были еще эстонцы, которые тоже прошли же такой же путь, не со мной вместе, ну где-то тоже были в плену и все, так. И их они как-то собирали, они все в Эстонию уехали, а я пока был в командировке, не попал под этот, под этап скажем так, я оставался, ну и ребята говорят: «Хорошо, что тебя не было, что вот ты остался, будем все вместе, значит, до конца служить». Был такой момент, что каким-то образом набирали людей в рабочие батальоны, каждая там, скажем, полк или что должен был выделить какое-то количество людей, ну и вот выделяли в общем когда опять таких, которые, были там в плену, которые пополнили эти части, может быть где-то осуждены были или ну в общем, такого какого-то есть какая-то там, э-э-э...

В. Запятнанная биография

О. ... Да, маленькая, да маленькая, если какая-то закавычка, вот. И должны были и меня уже, это самое, зачислили, на отправку в такой в общий батальон. Комсорг нашей роты, Ветров, фамилия, точно помню, звали его, кажется, Виктор, вот, пошел к командиру полка и просил: значит, солдат это такой-то, является отличником, таким-то, третье, десятое, прошу его, значит, вот комсомолец все, прошу его, значит, оставить, потому что он очень нужен на проведение нашей учебно-политической работы. И меня оставили, меня исключили из этих списков, в стройбат, если командир полка дал такой указ, меня тут же исключили, и я остался, и я до конца служил ... рядовым, нормальным ...

В. Ну то есть ни в звании, никуда не повышали, вы так и были рядовым.

О. Нет. Так и остался, потому что то звание, которое я получил, сержанта, когда окончил эти курсы, так, и которые были в этом самом ...

В. В школе?

О. В школе, ведь ничего же ведь не ...

В. Документов не нашли ...

О. Ничего, ничего не вернули, поэтому что я остался, как говорится, гол как сокол, никаких документов, подтверждающих чего-то, как-то, ничего у меня не осталось. Демобилизация была в сорок восьмом году, а там демобилизовали по этим самым по районам, по регионам или как сейчас сказать. Так, и Москва и Московская область должна была где-то там, еще чего-то через месяц или как-то весной должна была демобилизовываться, вот, и на нас вроде, это самое, отделили от ... да, и нас в части нас проводили, всех демобилизовавшихся, так, опять с почестью, как положено, всякими с письмами там это, с пожеланиями и все такое дело, и руководство, начальство, офицерский состав, ну как это положено провожать демобилизовавшихся, вот ...

В. Уже домой можно было ехать?

О. А нас проводили пока не домой, а проводили, в часть этой же дивизии, которая была на лесозаготовках где-то там, ... выполняла хозяйственные работы. То есть мы, демобилизованные, мы уже думаем о доме, нам уже, значит, нет до этих политических тут этих разговоров, всяких там воспитательных, а вот давайте, поезжайте ... обеспечить нужно будет, дрова пилить для своего полка, и все мы, конечно, с удовольствием туда поехали, там жили, по-моему, я там около месяца наверно там был, там мы охотились на кабанов, все было прекрасно, отлично...вот, и оттуда вот я уже поехал сам, поехал вот в эту, СМЕРШ ...

В. Вас вызвали?

О. Ну, меня не вызвали, а мне предложили, что нужно сопровождать связного в штаб армии в город Ровно, с каким-то с пакетом. Ну, значит, один человек, таким никогда не едет, ему нужен еще напарник. Вот, значит, старшина говорит, что, если я тебя рекомендую, ты не возражаешь, говорит, все равно ты еще вот пока туда-сюда съездишь, а уже осталось до московской очереди, там немного времени. Я говорю: «Ну что же, съездию я и в Ровно, был, там, мы там ездили, бывали. Вот, поеду, согласен». И я поехал, и вот, значит, по-моему, сержант, я уж сейчас не помню, какое там звание, старший сержант? И я поехали в Ровно, пакет у него, а я с оружием, нет, оружия не было.

В. А у него было оружие?

О. А у него было. У него было, вот. Я видел, что у него, конечно, какой-то пистолет был, там видно было, автомат или ружье, конечно, не было, это ни к чему, а видимо, оружие было какое-то, может ТТ или что-то там такое могло быть, вот. Вот, приехал туда, и все, то есть я сам приехал, не в штаб армии, а приехал в это, в контрразведку, шестой армии ...

В. А как это, это был предлог? То есть вас нарочно туда как-то так отправили, зная о том, что это предлог, для того, чтобы вас отправить в СМЕРШ?

О. Ну видимо наверно уже было принято где-то в этих в органах, было принято, что меня, который был в плену, был в американской зоне значит, знали ... а таких, подошло такое время, что таких начали ...

В. Чистить?

О. ... Чистить, фильтровать, и проверять, кто ты, что ты есть, вот, так. Если бы я уехал в стройбат, меня бы там никто не фильтровал, понимаете ...

В. Не известно.

О. Ну, я так вообще стал предполагать, понимаете, потому что вот там это стройбат, есть стройбат, вот. А тут все же воинская часть, которая, значит, такая ... дивизия, все по-другому ...

В. Так и как вы, вы приехали туда и что?

О. Давайте сделаем маленький перерыв хорошо?

В. Мы остановились, на Ровно. Вы приехали в Ровно и каким образом вы попали в этот СМЕРШ.

О. Да., ну когда приехали в Ровно, то естественно я полностью доверялся этому сержанту который был с пакетом, вот, я понял что он эту дорогу прекрасно знает где это находится, и у меня это не вызывало никакого, значит, ну ...

В. Подозрения ...

О. ... подозрения или сомнения. Прибыли мы в эту ... здание, вошли через ... мимо охраны, нас свободно пропустили, даже я немножко удивился что, значит, как-то не спрашивают какие-то там документы или пропуск, или что-то вот все же это он как бы вроде связан с штабом армии, я понимал что это не сам штаб армии, но какое то подразделение штаба армии, куда пакет должен быть доставлен. Я остался где-то там скажем в приемной, а мой сержант вошел в кабинет, и очень скоро вышел, и говорит мне что мол Лев вот подожди, я сейчас скоро вернусь, вот. И вышел. ... Вот это меня уже как-то немножко насторожило. Как это, значит, вроде дело сделано, пакет отдан, а теперь еще что-то, значит, нужно, он, значит, еще где-то ходит, а еще должен подождать. Почему, значит, мы не вместе теперь мы же вроде должны возвращаться. Ну и через какое то время ... и меня вызывают в тот же кабинет, ну вызывают, значит, все выполняю ... требование, а там старший там коротко, вроде спрашивает, офицер, естественно, значит, их там несколько человек было, значит: «Вы знаете, где вы находитесь?» Я как-то опять, значит, так, с недоумением говорю: «Как где? В штаб армии я прибыл, значит, там все, приехали с пакетом». А он, значит, так немножко вроде ... с ухмылкой или с какой-то такой даже может с какой-то такой с жестокостью, говорит: «Хм-м, вы находитесь ... в

контрразведке вы находитесь ... а вы арестованы, вы в тюрьме». Приблизительно в такой последовательности заявляет, это меня, конечно, сразу ошарашило, я, я уж не знаю, что я не мог понять, значит, как, что, такое дело сразу, такая резкая, понимаете, это самое изменение в понятии. Я, как говорится, опешил, ну, естественно, они вот видимо, уже такой сценарий они проводят не только со мной, уже все знают, и поэтому тут же началось моя обработка [смеется]. В том смысле, что сняли погоны, обрезали пуговицы, сняли ремень, то есть действительно, так как вроде это положено с человеком, когда, когда его арестовывают, насколько я так понимал, потому что ведь я до этого никогда под арестом не был. Вот. Ну и ... после того, как я вроде немножко уже пришел в себя, на меня, значит, начались уже, уже спрашивать, а как это вообще, это самое, где я был, что я делал, и самый главный упор был на то, потом, конечно, фамилию узнал, майор Федоров, как вы там в армии были, что вы там делали, что вы там рассказывали, и то, и другое я так чувствую, что он говорит о таких вещах, которые действительно были, то есть реальные вещи тут, не то, что что-то там меня заставляют что-то там придумывать или что. Да, я действительно, был значит, в этой, в американской зоне два месяца, а потом, когда, был уже в части, то я, не то, что я сам специально рассказывал, а просто-таки у меня и ребята интересовались, спрашивали, которые непосредственно с американцами не соприкасались, не знали, вот, ну и поэтому тоже, что это за солдаты, как они себя ведут, как они, относятся к воинской службе, вообще о жизни, о чем говорят, и я поэтому с большим таким ну вот даже с внутренним своим интересом передавал все, что я видел, все, что я знал, что кто-то рассказывал, вот. И я нечего, значит, не скрывал, то есть о всем том, что было за эти два месяца. Ну, значит, это все, конечно, фиксировалось, протоколы, я все эти протоколы без какой-то оговорки безусловно подписал, ну и вроде на этом вроде и закончилось первое такое вроде знакомство, вот можно сказать, что ... со следствием.

В. А куда вас отправили потом?

О. Да и сразу меня направили вниз, естественно, оказывается, в этом здании есть подвальные помещения, где находилось там в общем несколько, видимо, камер, там так похоже было, что там и карцер был, это, когда я мимо проходил, вот, ну меня посадили в камеру, как потом я узнал, это камера номер два, там уже было два человека, было, я был третьим. Ну больше там уже в этом маленьком таком карцере или где-то еще пока не карцер, а эта камера больше там трех и не могло поместиться, если когда уже ложишься, то только рядом друг с другом, бок о бок, вот. В двери, как положено, это самое, глазок, где охраняющий наблюдает так ... периодически, а сверху такое маленькое окошко, оно такое мутное сделано, затемнено, но видно, что это прямо на улицу окошко, и видно, как там люди проходят, видно, как мелькают ноги мимо проходящих пешеходов, вот. Ну, естественно, оно плотно закрыто и никакого подозрения с улицы тут и ни возникает, что там внизу находится как тюрьмы ...

В. Вы не вспомнили свои детские годы, как Вы бегали смотреть на Лубянку?

О. Да мимо, мимо дома на крови. Нет, в то время я это как-то, как-то не вспоминал, да такими не сопоставлял одно с другим, потому что мне еще, я еще ну, как говорится, оказался вдруг неожиданно в совсем такой, жизненный крутой переворот, и все еще не мог понять, что же что, что к чему ...

В. Что произошло ...

О. ... Что к чему, да и какой-то анализ, или что-то, как-то сравнение с чем-то еще я до этого еще не Вот, ну а потом значит, допросы начались буквально, в каждый день. Естественно днем в камере, а именно вечером на ночь идешь на допрос. Днем спать этот, наблюдающий через глазок не дает спать, а ночью допросы, и при первом же допросе уже более стало понятно... что же они от меня хотят, вернее это не то что понятно, то есть наоборот еще большее ...

В. Недоумение.

О. Больше как-то ну, непонятностей возникло. И прям посыпались вопросы, прям вопрос, значит, я, говорит, что я вернулся сам, добровольно, из американской зоны, что вот там их действительно агитировали, чтобы на родину не ехали, можно было поехать в любую другую страну, на другой континент, и рисовалась такая красивая жизнь, это просто-таки опять вызывало какую-то усмешку. . Сам вернулся, все же, что же ты идиот, что ли какой-то, что ты сам вернулся, прям такими вот выражениями говорилось вот. Ну все, давай, говори, как оно было. Кто тебя завербовал, когда, какое задание получил, с кем должен был встретиться здесь. Вот, с кем, значит, кто тут резидент, какое задание получил, ну вот в таком духе. То есть там у меня уже совсем вообще-то, что там сказали, что я там арестован, я в тюрьме, это, значит, вроде это меня один раз ошарашили, ну здесь уже вообще я потерял дар речи, как говорится, потому что такое и даже и ну и никогда не думал ... и во сне не могло присниться, что вот такое, такое может быть, такие могут быть обвинения. Притом, значит, когда я сам ну ни малейшего повода для этого, как говорится, не сделал, не поступил, то есть даже внутри у себя, никогда у меня не было такой мысли, я может ... стремился быть всегда ... домой, домой на родину, ну как это вообще, у нормального человека должно быть понятие «Родина». Ну я конечно сразу стал отказываться, что это, я ничего такого, не было, нет. Ну и вот начинаются, конечно, уже более такие жесткие методы, буквально я начал испытывать и каждый такой допрос, какие-то свои методы ... постепенно они все начали по жесткости, более жесткими становиться, ...

В. Это какие методы?

О. Ну во-первых сначала вот мне очень как-то сразу ... во-первых, у майора была такая привычка, он плашмя ладонью бьют по ... между ребер, [вздыхает], это страшно больно, оказывается... и, значит, тоже опять ну, значит, говорит, признавайся, нет, нет, значит, до тех, пока уж невтерпеж вот, значит, ну потом меняет. Сажает в карцер, опять в одном белье в холодный карцер, там, значит, ни сесть, ни прилечь, вот, открывается кормушка, смотрю, майор заглядывает: «Ну как, ты там еще не замерз?»), вот. Ну вроде дрожишь, ну и ... молчишь, но шевелишься ... ну, конечно, до такой степени, чтоб совсем замерзнуть, не, не доходило, естественно, но тем не менее через какое-то время опять дальше. «Ну все, если не хочешь сидеть в карцере, давай рассказывай!» Начали одевать наручники, а наручники такие, которые тоже, о которых раньше понятия не имел, наручники оденут, я, как если я где-то видел ... в кинофильме или вообще так, что наручники надевают, ну и человек вроде ... скован, прикован, и как-то чувствует себя просто скованным. А тут наоборот, если немножко, это, даже шевельнешься, посмотришь, что ж это за наручники, как оно все, а они начинают сжиматься, они начинают щелкаться, то есть как бы самозажимающиеся наручники, доходит до того, что понимаешь, у тебя со всех концов капать, такая боль появляется, все, все, все зажимается, вот и что-то, что-то они может быть, если до конца зажаться, они наверно могут и кость переломать, понимаете, ну, естественно, до такого они не допускают [смеется] ...

В. До крови, да?

О. Да, прямо врезаются, да, понимаешь, все. Вот. Это потом пришлось там же, испытать такой момент, там пытаются там, это дверью защемляют пальцы. Действительно так, начали зажимать, вот эти пальцы дверью. Это, конечно, ну сначала как бы так немного зажимают, но вроде так, ну больно, конечно, но терпишь. Тут опять всякие эти вопросы, здесь будешь говорить, не будешь говорить, подписывай и все. Нет, нет ... ну был такой даже у меня, один такой момент, что они может быть, превысили силу ну нажатия двери что ли, что у меня на правой руке на пальце, на указательном, вот он палец, вот...

В. Лопнула кожа?

О. Да, вот, лопнула, и я потерял сознание, ну от боли или вообще от вот такой вот резкой. Раз я уже потерял сознание, то меня прекратили допрос, потому что он бессмысленный. Я очнулся у себя в камере, потом посмотрел, у меня на пальце,

чем-то палец обмотан и весь в крови. Значит, я понял, что, значит, это, со мной такое приключилось, понимаете, и ну, ребята там, которые еще в камере двое сидели, они говорят, ну ничего это все, такое бывает, так что ты не смущайся, это все вроде там было, заживет, бывает и хуже. Ну что же еще может быть хуже, понимаешь теперь еще, голову будет что ли там, дверь защемлять, это уже глупость. Ну а тут такое вот пришлось испытать, вот, то есть этом мне Федоров оставил, как говорится мне на всю жизнь, понимаете, вот такой ... памятку о себе, о своих приемах вот. Вот. Ну и после уже такого я уже подумал, что здесь еще теперь ожидает черт знает что, тут может просто-таки и здоровье повредить или еще. Я как-то с момента ареста я так понимал, что ну арестовали там, значит, конечно, я это связывал, сразу понятно, что я был в плену и все, что может это и есть то наказание, которое я должен перенести. Но в какой-то степени я все же думаю еще жить и поэтому терять здоровье вроде я как-то, это самое, не намерен, поэтому я сказал, что нет, значит, мол, давайте вот пишите все, что вы говорили, я готов подписать, вот. И когда я уже согласился все это подписывать, меня, значит, вдруг сразу как-то это прекратили эти вотничные пытки, и даже на неделю, может быть дней десять приблизительно, оставили меня в покое, и я спокойно в камере как-то приходил в себя. И когда я даже, по-моему, уже попробовал снять эту повязку, то я удивился, что все там какая-то боль. Палец на половину там, это самое ранка, шов виден, а палец зажил, думаю, надо же, понимаешь, в таких условиях, понимаешь, а все заживает, как на собаке, понимаете вот, без всяких там врачебных вмешательств и все, понимаете. То есть это такое вроде, ну как бы стремление организма жить. Вот, и когда уже вызвали на новый допрос опять, все на допрос, ну опять, конечно, ночной допрос, я уже оказался у другого следователя, капитан Дроздов, молодой, может быть даже несколько, может быть, постарше меня по возрасту и он очень был такой опять своеобразный. Он сразу начал говорить, что мы вроде, мол ... согласны с вами, что вы, значит, нигде вас не завербовывали, все это нам понятно, ясно, вот, но давай так договоримся по-хорошему, что уже отсюда выхода нет, потому что вы не шпион, это, не имеет значения, таких, как вы, много, и если действительно среди ста, он прямо так и назвал, из ста вот таких задержанных, как ты, один оказывается настоящим шпионом, это уже хорошо, это уже наше вроде, наша задача выполнена, а с остальными ... а наплевать. Прямо ... так в глаза было и сказано, поэтому давай договоримся. Вот тебе новое обвинение, и ты пойдешь, значит, в тюрьму, в лагерь, и начинает меня, значит, просто-таки, не спрашивать уже, а зачитывать те обвинения, которые якобы нужно мне признать. Что я, как бы сознательно, сдался в плен, убив своего командира, и этим самым выдал отряд, все это мне рассказал, а будучи в лагере, выдавал немцам тех своих друзей, которые готовились к побегу, был, значит, доносчиком, вот все в таком духе. Но я опять, понимает, это самое, от таких его предложений, от таких его прямо уж непосредственно сформулированных обвинений не могу, значит, признаться [смеется], вот я говорю: «Ну этого же ничего не было, это же, значит, все это не так!»- я говорю. Вот так и так, начинаю говорить, а он говорит: «Нет, нет, это все меня не интересует, вот, иди в камеру, и, значит, подумай, если ты не согласен, то мы привезем сюда твоих родителей, старика отца и мать, пускай они полюбуются на своего изменника родины». Ну все в таком «хорошем» настроении, я, конечно был отправлен опять вниз в свой в там подвал, и, значит, поделился очередной раз, естественно, потому что там каждый делился, о своих ... встречах на следствии, а мне, там один был майор советской армии, Верхатский, которого тоже, значит, именно как шпионом хотели сделать, вот, а другой был из Западной Украины, один Кирилл, его звали Кирилл, а фамилию его забыл, а он просто-таки был... после войны он был, ну в армии на войне, а после армии, когда начались, уже готовились вот это китайские события, так его зачислили в особые отряды, которые переходили китайскую границу, и там проводили различные операции против Гоминдана, вот, там в

основном собирались люди из Средней Азии, которые, потому что в Западном Китае их очень много, они были как раз, значит, ну соответственно по своим, по форме лица, подходили под китайцев, потому что все эти отряды, которые формировались, не китайские, советские, естественно. Он между прочим очень много рассказывал, он был в Западном Китае, вот, но все это тоже как-то было скрытно, и тоже какая-то операция была, значит, вот, со стороны наших вооруженных сил, чтобы там готовилась какая-то оппозиция, которая должна была поддержать коммунистов, ну что, видимо, потом в дальнейшем и произошло, то есть такие мобильные отряды, они сыграли достаточно большую роль, вот. А его обвинили, что он тоже, значит, будучи там, установил связь, Гоминданом, был там и выдавал какие-то сообщения, сведения. Короче говоря, тоже был каким-то шпионом, вот. Так что у нас было, как-то всем, друг с другом обменяться [смеется], скажем так, опытом вот такого ведения следствия, вот. Ну и они, конечно, вот особенно этот майор, видимо он уже может быть раньше уже знал о всех этих, таких случаях, когда арестовывают и уже, все уже, люди на волю не выходят. Он мне говорит, что нет, раз так такие обвинения предъявляют, то тебе тут нечего, как говориться, и сопротивляться, тем более, что вот там еще отца и мать там хотят призвать. Это, говорит, они, конечно, пугают, и они, я не думаю, чтоб они это тебе сделали ... вот, а ты должен признать, потому что действительно, выхода на свободу тебе уже не будет. Тебе нужно будет чтобы тебя осудили, попадешь в тюрьму, в лагерь, а там видно будет, как, что, жизнь меняется, все течет, и поэтому сам вот ты должен еще немножко свое здоровье подкрепить, вот у тебя уже и палец немножко зажил, ну а в тюрьме, там все это будет немножко по-другому. Ну после таких вот пожеланий, напутствий моих товарищей я и сказал, что хорошо, я, значит, готов подписать все, что вам угодно, но только, ради Бога, не трогайте моих стариков. Ну, естественно, капитан был этим вполне удовлетворен и начал оформлять ну, видимо, как и положено, документы уже, как протоколы, я их подписывал, откровенно говоря, уже и не читая, потому что мне уже было безразлично, мне и не хотелось лишний раз читать или вникать в это дело, и это только бы вызывало лишнее переживание и все. После такого моего, значит, ну как бы согласия и признания в этих фальшивых обвинениях меня, конечно, опять оставили в покое, да и, конечно, уже вот этот капитан Дроздов, уже никаких таких ну пыток или каких-то силовых воздействий абсолютно не применял, у него был другой метод, видимо. Потому что это было уже совсем другое, и все это можно было привязать любому, кто, скажем, был в армии, попал в плен, и ничего такого особенного нельзя было узнать. А то, что с меня сняли обвинение в шпионстве, ну это видимо, они убедились, что, ничего нет, потому что, если так осуждать, значит, нужно видимо дело не закрывать. Если признать, что ты шпион, значит, нужно тогда где-то и написать, что я делал, конкретно, с кем и как и что, вот. И поэтому, опять меня оставили в покое, и, практически это все, это вот первый и второй период следствия длился около так около, да около трех месяцев, март, апрель, май, да около трех месяцев все это длилось, вот. И, естественно, после того, как я все это подписал, успокоились и меня почему-то опять первое время опять не трогали, можно было спокойно ночью отдыхать, а днем тогда уже действительно и спать-то и не нужно было. И, конечно, никаких там прогулок, или что-то другого, это, и в помине не было, но ... пришло время, когда вызывают, куда? Ну я так понял, что может быть на допрос, что-то еще нужно, нет, ... все. Капитан Дроздов говорит: «Вот сейчас сегодня состоится суд». Ну суд, так суд, вроде вы уже на это нацелились, намерены, понимаю, готов. Ну и вошел в комнату, где там сидят три офицера, рядом сидит мой капитан Дроздов, зачитывает все эти обвинения, все эти протоколы, которые я подписывал, и уже практически обвинение, а капитан Дроздов, сидит и смотрит прямо мне так, мне даже неприятно, а прямо мне в рот смотрит, вот. Он, видимо, опасался, что я могу что-то сказать, что это я, меня под нажимом это сделали или что, чтоб я не отказался. Да и между прочим он еще

предупредил меня вот перед тем, как вот идти на суд. Он сказал, что, значит, не вздумай отрицать, потому что таки, будет хуже. Ну я так сам понимал и догадывался, что, естественно, тогда, значит, могут меня, понимаешь, там и ребра и ... ломать и все, что угодно, зачем это мне нужно, короче я ... и буду вести себя так, как мне предлагает мой хороший капитан. Ну, когда зачитали обвинение, естественно, спрашивают: «Подтверждаете все, что здесь сказано?» Я говорю: «Да, подтверждаю, полностью признаю все, что здесь сказано». Выводят меня в коридор, буквально на несколько минут, ставят лицом к стенке, ну, как это принято в данных случаях, потому что по коридору там еще там другие, такого же типа заключенные проходили, чтобы не было никакого даже, общения взглядом. Опять снова захожу в кабинет и мне зачитывают ... приговор. Кстати Дроздова уже там не было. Потому что я уже признал, потому его функция уже закончена, он свою миссию выполнил, значит, за измену родине, и вот перечисляются все эти, обвинения, что я все это сделал умышленно, преднамеренно, убил командира, что привело значит, да выдал отряд, там. Отряд погиб, был разбит. Вот и все лагерные дела, и, по такой-то соответственно, статье, естественно там, один Б, по пятьдесят четвертой статье, а пятьдесят четвертая статья это, значит, я был на Украине, это украинская статья, она равносильна или равнозначна пятьдесят восьмой, вот, двадцать пять лет это самое, лагерей, и пять поражение прав. Да еще меня предупредили, что, значит, что, вы имеете право подать на кассационную жалобу, в течение там скольких там дней. Я вроде так, даже я, по-моему, даже ничего не ответил, просто-таки принял, это к сведению. Что такой вариант возможен. И вернулся к себе туда опять, в камеру, опять туда же, где я был, как-то в таком даже, в хорошем настроении, и мне показалось, что это как-то неестественно, как двадцать пять и пять - это тридцать лет, значит, это просто как-то смешно мне даже было, и когда пришел в камеру, то мои там сокамерники двое, спрашивают: «Что, что случилось? Что ты такой, как будто даже какой-то вроде веселый, радостный?» Я говорю, вот так и так. Они говорят, ну что ж, все это понятно, все ясно, чего ты тут радуешься, понимаешь ли, ты лучше учти, что они тебе правильно, это им положено, они должны были тебя предупредить, что ты можешь написать кассационную жалобу и все, но это все бесполезно. Но писать надо, обязательно напиши, потому что, если ты без кассационной жалобы сейчас придешь, тебя в тюрьму в Ровно отправят. Тебя могут сразу же отправить на этап, это опять, это достаточно тяжело и мучительно, тебе надо немножко окрепнуть после этих трех месяцев, значит, нужно написать кассационную жалобу, она, как правило, в течение двух месяцев курсирует туда-обратно, вот, и ... ты немножко как-то придешь в себя. Ну спасибо и за это пожелание и, когда меня действительно уже выдернули уже и отправили в тюрьму, то я так и сделал, как по прибытию в тюрьму, естественно, меня сразу спросили, кассационную жалобу я буду писать? Я говорю, обязательно безусловно. Вот дали соответствующую там, бумагу, ручку, я написал кассационную жалобу, написал, что все эти я, не признаю, это все не так, я правда, не писал, что какие-то надо мной были, методы исключительного воздействия ... Потому что вот эти обвинения я признал действительно без всяких, без всякой пытки, без всякого насилия, вот, а то что было до этого, это вроде уже смысла не имеет, это уж и видно просто пустые слова. Я оказался в камере Ровенской тюрьмы, где было человек наверно так двадцать, тридцать: небольшая камера. Ну, естественно, знакомство состоялось очень быстро, и, как я убедился, таких, как я, там ... еще ну может человека два, там таких было. В основном это были все местные жители, которые были посажены за подозрения в связи с, значит, вот с бендеровцами, да, и которые по своему виду и по своему, значит, разговорам, по всему видно было, что это люди, которые никакого отношения к этим воинским подразделениям украинских националистов не имеют. Там были и старики, были совсем молодые ребята, вот, но тем не менее каждый из них получал регулярно, передачи ... это хлеб, сало и все, что угодно. И, конечно, то, что мы там трое были

еще вот такие солдаты, которые были без роду, без племени там на Украине [смеется], все равно мы всегда получали и хлеб, и сало столько, сколько нужно было, только мы и ели, потому что же они получали, значит, ну такие достаточно чего-то передачи, что хватало и им, естественно, еще и поделиться со своими друзьями-горемыками. Ну и вот да, и там уже можно было, выводили во двор на прогулку, мы были на втором этаже, в камере, вывели на прогулку, и вот где-то в один из первых же дней было ну опять лето, хорошая солнечная погода, а окно в коридоре, когда вниз по лестнице спускаешься открыто, а так к стенке прислонено, и оно как зеркало, в него можно смотреться, вот я спускаюсь и смотрю, и никак не могу понять, кто это, я это или не я, вроде так, делаю движение, вижу, там повторяются мои движения, но смотрю это же вроде не я, потому что на меня смотрит какой-то лысый человек ... я пришел туда нормальным, когда уже мы как говорится, готовились к демобилизации, то уже и волосы не стригли и все было нормально, а тут за три месяца я превратился в старика, значит, я понял, что, значит, это да, действительно и все, одна метка мне на всю жизнь и память о майоре Федорове. Ну поэтому вот это нахождение в тюрьме, было действительно, для меня каким-то отдышкой. Я немножко окреп, естественно, зажил мой палец полностью, и где-то, как и мои товарищи говорили, правда двух месяцев не было, но где-то около этого, опять меня вызывают в канцелярию, и, значит, вот пришла кассационная жалоба, ознакомьтесь, читаю. Ну что ж вроде так приятно, что, значит, с меня снимаются обвинения, что я сдался в плен, убил и там, по моей вине все погибли, все это было сделано, все это отменяется. Осталось только практически одно обвинение – то, что я, будучи уже в лагере военнопленных, выдавал своих друзей, которые готовились к побегу, все ... Все, но приговор остался в силе - тоже самое, двадцать пять лет и пять. Вот. И, значит, да, еще как-то, еще где-то было сказано, что приговор тоже обжалованию не подлежит, вот. Ну что ж, вроде и на душе сразу легче стало. Потому что все же очень тяжело вспоминать, видеть лица своих друзей, особенно командира, действительно, когда его смерть такая вот, для меня она действительно была героической, и что это действительно с меня сняли, я в этом, значит, вроде как бы чист своей совестью и своей душой. Ну и, естественно и соответственно подписался с тем, что я ознакомлен такой с кассационной жалобой, и опять в камеру, ну ... и все, теперь впереди этап. И, в самые ближайшие же дни я уже тоже был направлен, вызван на этап. Поэтому на этап нас человек так десять наверно, все пошло, и не только из нашей камеры, а из других камер, потому что нас посадили прямо в кузов открытого грузовика. И повезли, практически, а это было на окраине города, тюрьма, а повезли нас, значит, где-то в центр города, где был вокзал. Эта поездка тоже была для меня в общем такой ну ... трогательной, и очень памятной, да и по сей день все эти три месяца сидеть там внутри, в погребке, в каземате, потом в тюрьме, в прогулочном дворике только быть, и не видеть окружающий мир, окружающую природу, а тут ... все же, Ровно это все же южный город, вот. И, солнечный день, меня так потрясло, что как все же, это самое, все кругом красиво, неужели действительно в жизни все так красиво, а ведь я жил и как-то этого ничего не замечал, как-то не обращал на это внимание ... вот. Это было ну, какой-то внутренний восторг, был. Удовлетворение, что вот я, вот вижу все такое кругом и я вот среди этого нахожусь, вот. Ну, естественно, привезли на вокзал, ожидал нас стольпинский вагон, впервые я узнал что такое стольпинский вагон, что он из себя представляет. Из Ровно путь ... предстоял в Киев, в киевскую пересыльную тюрьму, потому что, ясно было, что это, значит, тогда мне уже было сказано, что место моего заключения - Крайний Север. То есть туда еще майор, это самое, Федоров мне еще не раз упоминал, что мы тебя пошлем туда, где на карте ничего нет. Вот так оно и получилось, значит, туда меня на Дальний Север и направили. То есть я понял, что это уже определяется не какими-то тюремными там

правилами, а следствие, видимо, как-то дает какую-то командировку в соответствующее место ...

В. Рекомендацию ...

О. Да, рекомендацию дает соответствующую, вот. Но в Киеве тоже уже были ... большая тюрьма, камера человек на двести, и там тоже был такой один инцидент, о котором бы хотелось бы так сказать вот. Там тоже каждый приносит баланду, конечно, нас уже в этой камере даже такое количество людей, видимо, она была переполнена. На прогулку даже не выводили, а сидели все время в камере, вот, а когда приносили еду, то в очке приносили там какую-то баланду и, значит, сами раздавали, и там миски уже были и сами хозяйничали, но раздатчиком был, как я, вскоре сразу убедился, один из какого-то ну какой-то. Видимо, из общества воришек ...

В. Из блатных, уголовник ...

О. Да, вот кто-то из них, их там несколько человек, они, я так понимаю, на первых нарах. Нары в Киеве были уже тройные, даже нары были, то есть столько много народу было и всем, если всем спуститься вниз, на пол, это уже просто было просто даже практически невозможно. Поэтому больше как-то сидели или лежали на нарах и только по надобности опускались вниз и сходили, значит, там на пол. Вот. И, значит, раздача была такова что, они для себя выбирали там самое погуще, получше, то есть раздавали еще и пайку сахару и пайку хлеба, то под частую эту пайку тоже, значит, половинили или что-то делали, ну и все молчали, ну я тоже, конечно. Так смотрел, пока это впервые было, что привыкал к этим новым законам тюремным. А рядом со мной лежал один украинец, Микола. И чувствовалось, что это был уже такой жизненный ... он жизни прошел достаточно много. Вот он может быть был уже где-то в воинских подразделениях той же украинской повстанческой армии. Там, чувствовалось у него такое, такое по его характеру, по его высказываниям, по его действиям такая, значит, ну какая-то определенность и решительность. Он мне говорит, вот ... хватит говорит, дурака валять, вот. Вот сейчас я встану, а это, принесли пищу, подойду к этому к раздатчику, дам ему, как следует, а если его друзья вмешаются, ты тоже встань с нар. Ну хорошо. Встал, подошел, как будто бы за получением своей порции и как с размаху ударит его, притом не кулаком, а плашмя ладонью по, э-э-э, щеке, и, видимо, удар был такой сильный, рука тяжелая, видимо, была у этого Миколы, что у этого бедняги кровь выступила на щеке. Он, конечно, опешил и, значит, ну растерялся, а с нар на первом ... на нарах были эти самые вот друзья, еще трое тоже выскочили и, значит, тоже вроде что они были спереди, как же так? Что это случилось, вот? Ну, значит, я поступил так, как мне сказал Микола. Когда они вскочили, я тоже тут же вскочил, а я в солдатской форме, там еще были ребята в солдатской форме, так ну и этого было достаточно. Больше никаких действий с нашей стороны не было, просто-таки они все вчетвером бросили этот черпак раздаточный, бросились к двери, стучат, кричат. Моментально дверь открылась, и они исчезли из нашей камеры, больше мы их не видели. То есть это было понятно, что они уже видели что, значит, встал один солдат, а если они что-то предпримут, по отношению к Миколе то встанут и другие, и тогда уже будет плохо. Поэтому они, видимо, ученые уже, они решили идти самым надежным путем, они убежали от нас. То есть этот случай для меня как-то послужил таким примером того, что нужно здесь уже, в тюрьме будучи, все надо быть не одному, а надо быть вместе с другими, должно быть единство, сплоченность, и тогда можно чувствовать себя более или менее ну человеком, даже так. Потому что, если этого не было бы, если бы, скажем, эти воришки не сбежали бы, я не поддержал бы его, то наверняка наше место было бы не на третьих нарах, а под нарами было бы. То есть нас загнали бы туда и ... то есть как это обычно в тюрьме, как потом я уже узнал, там, где люди беспрекословно, без всякого, значит, сопротивления дают себя унижать вот. Ну и поэтому еще в киевской тюрьме конечно, естественно, познакомились, кто, как. И мне такую дали рекомендацию

ну кто-то уже из более бывалых: здесь уже можно достать в тюрьме ... и тоже там и передачи передают там, можно, значит, бумагу взять и написать письмо, сложи это письмо треугольничком, напиши домой письмо, адрес, а когда будешь по этапу ехать, выбросишь в окно, ну где-то там на станции. Люди найдут и письмо это пойдет. Так это практично. Вот я так и сделал, нашли мы там у кого-то, кто-то мне дал листочек бумаги кто там из местных а один мой сосед, даже там картинку нарисовал на этом листочке вот и, значит, я это письмо заготовил и был готов к этапу.

В.И действительно дома это письмо получили и только из него узнали, что Вы арестованы.

О. Ну так и случилось, вот. Опять этап, путь-то мой далеко, в Заполярье, поэтому, естественно, Киев, следующая Москва. Вот только мы сели в Киеве в столыпинский вагон, садились мы где-то в стороне, не на платформе, естественно, а потом, когда уже поезд, сформированный вместе с нашим вагоном, а наш вагон столыпинский, он всегда в начале поезда, как говорится, всегда находился, я прямо на платформу выкинул это свое письмо. И ... поехал в Москву. Вот приехал в Москву, да, ну я видел, что там люди ходят, видно было, значит, поэтому я был уверен что, значит, может действительно тот совет, который мне дали, ну ... состоится. Москва. Я прибыл, конечно, опять на Казанский вокзал, смотрели, как люди выходят, все это естественно, жизнь идет своим чередом, люди ходят мимо, ну может быть и знают что-то, ну а нас не видно, а мы в щелочку их видим. Потом поезд ушел на запасные пути, и только там опять подъехала соответствующая машина закрытая, где написано «Фрукты», и нас повезли в краснопресненскую пересыльную тюрьму. Это уже многоэтажное фундаментальное кирпичное, бетонное здание, где камеры небольшие, человек там на десять, на пятнадцать, не больше, и прогулочный дворик, камеры построены четырехугольником, прогулочный дворик внутри этого дома, потому что со стороны никаких признаков тюремного, содержания там не видно было, но самое главное то, что уже в этой тюрьме я вдруг неожиданно, ну вызывают к окошку и говорят, значит, вызывают по фамилии и говорят, вам передача. Я с одной стороны был как-то немножко удивлен, а потом, значит, ну понял, когда там и записка была, у меня была передача небольшая, пришла мама и, значит, принесла мне передачу ...

В. Она получила письмо это, да?

О. Ну, значит, я понял, что треугольник пришел на место, так как там, была печать стоит киевская, из Киева, а из Киева поезда приходят на Красную Пресню, на Киевский вокзал же приходят, значит, видимо, они логично рассудили, значит, где-то в этом районе и, значит, ну может быть или узнали, что там есть на Красной Пресне киевская пересылка, ну она прислала что нужно передать передачу, вполне естественно, видимо, она пришла к этой пересыльной тюрьме, назвала фамилию, проверили, да, действительно такой есть. И наша связь установилась, я наверно недели три был в Москве в этой в пересыльной тюрьме и мама мне, регулярно приносила небольшие передачи. Так что это было конечно, очень приятно, трогательно, ну, естественно, никакого ответного письма я передать не мог, это естественно, как, скажем, с больницы там получил передачу и написал ответное письмо, здесь этого не было. Здесь только дождался следующего этапа. Опять подъехали эти, крытые машины, по-моему на этот раз было на них «Хлеб» написано, и поехали по Москве по родной. Увидел знакомые места, по Садовому кольцу проехали, мимо Первой Мещанской, Сретенки, переехали то место, где когда-то была эта Сухаревская башня, потом, мимо, как она? Больница Склифосовского, а больница Склифосовского это, значит, с другой стороны Садового кольца, вот метрах около сто, двести находится мой дом. Даев переулок, где моя родина, где я родился, и где я, собственно, вырос, вот. Потом, Красные ворота, поворот налево и Казанский вокзал, и все это мои действительно родные, дорогие места, где я вырос, вот, где я провел все свое детство. На Казанском

вокзале, конечно уже нас ждал большой товарный состав, вот. Естественно, не на платформе, а на запасных путях. Весь сформировали уже, опять по товарным вагонам и дальше на восток. Было, конечно, какое-то такое чувство как говорится, поездка, она и была с большими остановками, это все не то, что едет там поезд регулярно, где-то пропускает, останавливается, вот все эти проверки в вагонах там, выход там, значит, и питание, там все это обычным путем, но самое главное, мне как-то такое мысль возникла, что да, действительно, велика страна моя родная, много в ней лесов полей и рек. И вот сейчас после всего этого я еду и в щелочку вагона смотришь, думаешь, да. Все это хорошо, но это, когда ты можешь быть вольным человеком, а когда ты, смотришь в щелочку вагона и тебе это все недоступно, то это, конечно, очень не-не радостное впечатление создается. И еще оттого, что ты знаешь, что тебя ждет еще даже не эти края, а какое-то Заполярье, где-то далеко на севере, где, как говорится, восемь месяцев, это самое, зима, а там сколько там ... три, два месяца лета всего. Мы приехали в Свердловск. В Свердловске опять та же история, снег уже, где мы первые заморозки появились вот, холодно, а мы как были так и одеты слегка, но все равно приходится терпеть, ничего не поделаешь, никакой там зимней экипировки, никто ничего не дает, что как было, а я, вы понимаете, в своей солдатской одежде, в шинели, вот, и опять камера, опять огромнейшая камера и опять, был такой инцидент, что какой-то там больше можно было бы стоять, чем лежать, так и все сидели, полусидя спали практически, потому что было, настолько тесно и все это было, забито людьми, но тем не менее в камере оказались опять такие типы, которые, любят экспроприировать чужие котомки, вот проверять. Вдруг в этой же нашей камере тоже такой же раздался крик ... и один молодой парень, стремглав несется к двери и кричит: «Спасите, фашисты меня убивают!» Вот, значит, он, видимо, хотел у кого-то там что-то, проверить, что у него в котомке, но как следует получил и побежал, и там же, конечно, моментально был выпущен из камеры и ушел, то есть даже мне было как-то вот интересно, для чего вот иногда таких сажают сюда в камеру, когда знают, что здесь в основном все пятьдесят восьмая, и, значит, это преднамеренно было сделано, ну вот такой конфликт был. И в этой же камере я вот познакомился уже по опыту Киева, что, значит, нужно смотреть рядом, своих искать друзей, чтоб было чувство локтя, чтоб было взаимопонимание, такие друзья, конечно, сразу нашлись, это прежде всего, солдаты, офицеры, и вот одним из таких офицеров был Федор Тимофеевич Смирнов-Коротовский, двойная фамилия у него, потому что его родная фамилия Коротовский, он сам сибиряк. А Смирнов у него фамилия, это когда он вернулся уже, из плена опять снова на родину, тогда он -взял себе фамилию Смирнов, и ну и жил практически нелегально, потому что таки он был связан ну с немецкой контрразведкой, и [вздыхает], как я в дальнейшем уже узнал, и он все время рассказывал, он прекрасно знал, у него было много друзей из русской освободительной армии, то есть из армии Власова. Ну это были люди, которые ... другие ребята, которые, все россияне, которым понятие Россия, было дороже всего, и которые не признавали понятия Советский Союз, а они, будучи ... вот в немецкой армии, как бы сотрудничая с немцами, они имели перед собой цель восстановления России, ту цель, которую преследовал практически, как я уже в дальнейшем потом узнал и от других, и от Смирнова, была главная цель и того же Власова, который организовал армию, и который имел большие перспективы, но которому в конце концов не поверил Гитлер, и лишил его возможности выполнять свою стратегическую задачу, которая была намечена, в результате вот, значит как известно, получился полный крах, и они потом все были выданы американцами, сюда.

В. А Смирнов, он был во Власовской армии?

О. Он был, это у Канариса ...

В. А как он там оказался?

О. А потому что служил, он был офицером ...

В. Немецким офицером был?

О. Ну практически немецким офицером, да. ... Вот и он, там же были школы, которые готовили, разведчиков, которых засылали сюда, которых забрасывали различным путем, так. Вот, таких, это самое людей, которые должны были проводить здесь, в тылу, значит, на территории Советского Союза, организационно-подрывную деятельность, вот они готовили и засылали ...

В. То есть он попал в плен и там пошел вот в эту школу?

О. Да, да, да, да, да, да вот так вот. Вот.

В. И был заброшен в Советский Союз снова?

О. ... Вот это я этот момент не совсем точно помню, что он тоже вернулся сюда, он и еще там другие ребята, которые были и они нелегально жили, он жил в Прибалтике, вот. Но это было до поры, до времени, потому что его опознали узнали, и, естественно, он был арестован, тоже получил двадцать пять лет, так же как и я за то, что я выдавал своих, военнопленных, которые хотели бежать, срок нам был дан одинаковый, вот. И поэтому мы с ним как-то это самое, очень так сблизилась и друг друга искали, тем более, что, значит, нужно было искать друзей. Из Свердловска мы прибыли в Красноярскую пересылку, пересыльная тюрьма это конечный железнодорожный пункт. Оттуда только нужно было ехать ... то есть на барже плыть вниз по Енисею, но мы уже опоздали, уже была зима, Енисей был уже закрыт, и нужно было ждать следующей, навигации, поэтому мы зимовали в этой красноярской пересылке, вот. Там тоже такая пересыльная тюрьма барачного типа, деревянные бараки, там никаких каменных зданий не было. Ну, естественно, со всеми там это самое блок питания, и как это обычно и все другие, понимаешь ты, и почта, где посылки там получают, ну и там уже были и пятьдесят восьмая была в отдельных бараках, но в отдельных бараках были и ... просто по уголовным статьям, поэтому, там частенько были различные ну такие ... стычки, и достаточно ... даже со смертельным исходом. Потому что эти уголовники, они нападали на пятьдесят восьмую тогда, когда, наши ребята ходили получать посылки. Нужно было идти через зону, через может там их барак, и вот в этих случаях они пытались, нападать и забирать, но, как правило, это все ходили наши ребята не по одному, и я там в том числе. Поэтому в другой раз чего-то удавалось там, как говорится, отобрать вот, но в ответ они получили очень хороший урок. У нас уже практически такая есть, как это ... сплоченность, организованность внутренняя, которая ну вполне может не давать себя в обиду, с тем, чтобы эти, уголовники командовали. Поэтому был даже такой случай, когда они из своего же барака выпрыгивали в окна и убегали, туда, в запретку ... или на вахту, с тем чтобы остаться живым. Было такое, значит, побоище, ну не побоище ну вот то есть решили им показать, что мы не такие безразличные к их поведению. После очередного такого нападения на людей, которые шли с посылками, они тогда вроде достаточно хорошо забрали посылки, после этого было как раз было принято решение, значит, ну ... как-то их проучить. И вот и поучили и вот практически они из своего барака все убежали, в дальнейшем в этот барак они уже не вернулись ...

В. То есть вы пришли к ним в барак и там начали драку ...

О. Да, да, да, их там начали мутузить, вот и, видя такое дело они сразу начинают бежать, как правило, как говорится, что среди овец ты волк, а среди волков ты сам овца, вот тут по этому принципу и получилось. Значит, когда они увидели, что, им грозит несладкая жизнь, так? Они тоже моментально, значит, спасовали и ну, решили, найти более правильный путь, это, убежать и, казаться где-то в другом месте, может быть в другом лагере или то есть ...

В. Они что, могли сами решать, где им жить, куда им ходить?

О. Нет, нет, ну не то, что жить, ну просто-таки их уже тогда и администрация лагеря уже, значит, не посылает также, как вот из камер, кто убегал их обратно не приводили.

В. Почему им идут навстречу сразу? Хотите тут – пожалуйста тут, хотите в этом – пожалуйста в этом!

- О. Тут, я так понимаю, значит, когда вот этот кричал: «фашисты убивают,- он кричал,- фашисты убивают советского человека». Значит, выходит эти урки - советские люди, охранники - тоже советские люди и они наверное друг друга больше понимают, чем понимают вот пятьдесят восьмую статью, что пятьдесят восьмая статья - это уже вообще предатели и изменники, у которых нет ни родины, ничего и которые подлежат истреблению в принципе, а вот они какой-то ну одной масти и поэтому их уже как-то вторично не посылали вот в такие в экстремальные условия.
- В. Ну существовал термин «социально чуждые» и «социально близкие».
- О. Да совершенно верно.
- В. То есть уголовники были социально близки.
- О. Совершенно близкие, совершенно правильно, вот может быть так это самое правильное, чтобы сказать так вот. Ну вот мы это видели, мы это ощущали и поэтому мы, когда они от нас ушли, а там лагерь огромный, лагерь между прочим, за Красноярской присылкой, там были и действительно зоны, и уже в нашей зоне этого барака больше не стало. А для чего администрация вместе с пятьдесят восьмыми всегда старалась это самое поставить еще и этих вот и ...
- В. Уголовников.
- О. Уголовников, так? Видимо, совершенно ясно, что они этим самым как-то хотят воздействовать на пятьдесят восьмую статью, тоже держать их в страхе, в повиновении, в подчинении. Вот ну и было время, что это действительно так господствовали и ГУЛАГ на этом держался, на таком, на страхе, на беспрекословном подчинении, повиновении, и когда у людей не возникало даже и мысли что-то сопротивляться этому. Сейчас уже пришел новый контингент в тюрьмы, лагеря людей, которые прошли войну, которые смотрели смерти в глаза не один раз вот, прошли горнило Великой Отечественной, и с ними уже нужно было как-то по-другому вести себя, но администрация пока еще не смогла перестроиться, и поэтому вот такие конфликты все же возникали. Ну в дальнейшем, естественно, это было учтено, вот когда мы уже приехали в Норильск, так мы уже, столкнулись с тем, что да, действительно, уже что пятьдесят восьмая статья уже в лагерях полностью отделена от уголовников, потому что все же пятьдесят восьмая статья – это люди, которые работали всю жизнь, работают и будут работать, вот, а с уголовниками это, значит, далеко не уедешь, стройка, комсомольская, как она называлась, норильская, тоже комсомольская стройка, она должна строиться, должна давать какой-то результат, должна давать стране цветной металл, другие там драгоценные металлы, поэтому вот образованы новые лагеря – ГОРЛАГ. Такие лагеря были образованы и в других точках страны и каждый имеет свое какое-то название там: ГОРЛАГ, РЕЧЛАГ, ДАЛЬЛАГ, и так далее, да вот.
- В. А вы после красноярской пересылки попали сразу в Норильск?
- О. Да, после красноярской, значит, ну очередная была эта самая, как называется ...
- В. Этап.
- О. Этап, но так получилось, что мы почему-то опять последним этапом попали в Норильск, потому что мы практически все лето были на красноярской пересылке. Опять с чем это связано, ну даже мы-то вроде и не пытались, были довольны, что нас, что здесь на материке находимся. Потому что таки это нахождение на материке, тоже было для меня своеобразным, ибо находясь на материке, я познакомился ... ну, во-первых, нужно сказать, что зимой мы очень много общались. Я, Смирнов Федор общался, с этапом, который прибыл предыдущим летом из Норильска, это как мы их называли «божии одуванчики», это уже люди – инвалиды, которых ...
- В. Люди, которых отправили на материк по состоянию здоровья?
- О. Да, активированные, но, так называемые, но главное же, это была элита революции, это все те, которые были вместе с Лениным, еще до семнадцатого года, потом вместе все эти годы были ... и которые, практически в тридцать седьмом или там даже еще раньше, с тридцать пятого года, когда вообще считается, что было заложено это

вот, норильский комбинат, а в этом году, значит, будет уже семьдесят лет норильскому комбинату, и вот ... вот такие люди были, актированы, потому что большинство из них осталось там навечно, в Норильске. Ну судьба у них была такая, что они вернулись и даже доплыли по Енисею вниз, потому что, как рассказывают, что не один раз баржи с заключенными, которые возвращались из Норильска на материк, они на порогах почему-то ... гибли и тонули. Ну вот партия достигла Красноярска, и была вот, вот в этой пересыльной тюрьме, дальше их, конечно, ожидали различные, не домашняя обстановка, а различные уже тюрьмы на материке, где они должны были доживать свой век. Федор очень со многими общался ... много, видимо, почерпнул тоже из разговоров с ними ...

В. Для опыта жизни в Норильске?

О. И для опыта жизни в Норильске и, главное, значит, он как бы все же убедился, что это люди, которые находясь вот в таком положении, как инвалиды, у кого самые различные виды инвалидности, ну они все остались теми, кем они были, они были, они делали революцию и они считали себя до конца преданными революции, они не верили, что их власть сознательно, значит, вот, репрессировала. Они большие сроки отбыли, а все считалось, что это ... какие-то опять все же, ну, как-то империалистическая разведка, все это, значит, их оклеветала, все это сделала, и поэтому что-то недоразумение, а они верны ... вождю ...

В. Идеям революции верны ...

О. Да, вот ...

В. А вождем они считали Сталина или Ленина в данном случае?

О. В данном случае они считали Сталина ... вот, а что он, верный вождь, то у них Ленин, понятно, но сейчас уже Сталин. Сталин верный последователь Ленина и поэтому его ввели в заблуждение, значит, и он, значит, не до конца разобрался. Поэтому, значит, все это так происходит, вот, а что это все это специально... значит, ну империалистическая разведка, она, значит, квалифицированная, умная, и все это может организовать, и такие процессы это сделать. Вот, а летом, уже вот сорок девятого года, когда мы были там, значит, все, с Федором мы вместе общались, я уже познакомился с рядом его друзей. Как-то много разговоров ну у нас там было по всем о жизни, о стране, о всех этих ситуациях, об отношениях, в понятиях советская власть, вот. Он был четко убежден, что советской власти вообще как таковой не существует, а что Советский ... Союз - это все надуманное такое образование, которое, действительно, не имеет ну какого-то законного основания быть. Потому что союза никакого не было, в союз загоняли силой оружия, а советской власти не было, а социализма тоже никакого не было, ни окончательного, ни как-то еще там был? Социализм окончательный и ...

В. Развита?

О. Да, вот, а что все это, ничего не было, это просто-таки все какая-то ширма, вот, и все это было только, система коммунистическая, которая стратегической целью которой было построение всемирной коммунистической республики, притом на основе диктатуры, а раз уж диктатура, значит, нет никакой ни свободы, нет никакого равноправия, то опять народ делится на какие-то категории, на группы. И вот, после таких вот всех этих бесед, разъяснений обсуждений, Федор как-то дал мне, дал понять, что существует подпольная организация, которая ставит своей целью, ну как бы возрождение России и построение демократического государства. Именно не опять, не монархии, не царя-батюшки нам нужно, а нам нужно цивилизованное, демократическое государство. И ну ... в отношении вот, скажем, программы устава, это все пока что было словесно оговорено, и, что вот такая организация существует и на воле есть, уже есть ячейка такая создана и в лагере, поэтому мне было предложено вступить в эту политическую организацию. Ну я был уже к этому готов, а потому что ставил перед собой такой вопрос: коль действительно такое, ну вот положение, как он объяснял, говорил, и я сам вот ощутил и видел отношение к человеку насилие, принуждение, террор, тоже вопрос,

стоит вопрос, как у Чернышевского, что делать? В такой обстановке значит, естественно нужно объединяться. Надо быть вместе, только тогда можно, та же тюремная лагерная жизнь подсказывает, что нужно только таким путем, человек может, как говорится, быть, человеком, он должен быть вместе, и поэтому я естественно согласился вступить в эту организацию подпольную, которую именовали ее «Демократическая партия России».

В. А как вас принимали туда?

О. Ну принимали опять, значит такого устава, не было просто, где было сказано как это происходит прием. Значит, нужно давать клятву, эта клятва пишется на бумаге, она зачитывается, и ее, значит, в этой клятве есть слова, что я даю, ну как сказать, клятву, что я буду бороться с этим ... с тоталитарным режимом и этому посвящаю всю свою жизнь. После этого бумажка сжигается, да и не сжигается, еще надрезается там ну каким-то бритвой или ножом, значит, рука, кровью это скрепляется и сжигается, то есть как бы свою клятву такое понятие скрепляю кровью, даю такое вот клятвенное обещание встать на такой путь. Ну после этого ... я уже еще больше познакомился с другими людьми, более близкими ...

В. То есть они были членами вот этой партии в лагере?

О. Да.

В. Да? И вы знали, что они члены этой партии?

О. Да. Вот, значит, первые партийные поручения, которые у меня были, это я подключился к размножению тех писем, которые вот ребята писали на волю об обстановке в стране, разъяснения, что это, значит, за власть, как что, какие там перспективы, а тут надвигалась это самое ... вот китайские события, сорок девятый год, так. Вот эти вопросы отражались, показывали, значит, как коммунистическая система распространяется, захватывает все больше, значит, пространства в мире. А моя обязанность была переписывать, я еще был, как говорится, сколько мне там было, совсем мало еще лет, вот, и поэтому я переписывал, а уже отправлять эти письма или там передавать, этим занимались другие. Я так понимал, что это определенная связь была, значит, кому-то передавали, через кого-то, и эти письма отправлялись по разным адресам по всей стране.

В. Бумагу легко было достать, для переписывания письма?

О. Да, его легко было писать, да, а потому что таки ведь и в посылках получали письма, то есть бумагу и конверты, так ...

В. А где вы это переписывали? Вы же не могли в бараке сидеть и переписывать? ... Или могли?

О. Нет, ну почему, ну почему, потому их же, скажем так, в бараке никто ведь собственно ведь и не знал, я пишу домой письмо, в принципе так ...

В. То есть вы в бараке и переписывали?

О. Да, да, да. Ну конечно, во всяком случае, когда писали там где-то, кто-то, мой друг там, так смотрел, если кто-то там входил, скажем, там надзиратель, то тут же, значит, вроде это так немножко сворачивалось. И на всякий случай всегда было такое заготовлено как бы болванка или начало, письма вроде домой, а что если в случае чего-то, скажем, кто-то даже поинтересуется, что ...

В. Подкладывали эту бумажку ...

О. Да, да, то есть вот, я пишу домой, пожалуйста, можете проверить, ничего такого я не делаю ...

В. А был у вас какой-нибудь тайник, например вот вы переписали эти письма, и они должны у вас в ночь остаться, чтобы утром передать ...

О. Нет, значит, так было, я их только что, значит, мое дело было переписать ...

В. Как только вы переписывали ...

О. Я отдавал их Смирнову, а уже такой был, значит, порядок, а что вот я уже знал там других ребят там Гусев, Мамонтов там были, Коваленко. Вот. Я понимал, что это все, значит, вроде, все люди, относятся к этой партии, но конкретные действия с

ними я не производил. Я получал задание от Смирнова, я ему свой готовый материал тоже передавал, то есть это в целях конспирации такая ну жесткая цепочка, чтобы не было вероятности и сомнения, что я держу связь с одним, я с ним должен держать, если буду держать себя с пятью это уже не конспирация, поэтому вот такой был там порядок. И вот в таком духе, значит, мы провели это лето, на работу нас никуда не водили. Поэтому были возможности вот-вот общаться, обмениваться мнениями, как-то говорить, прислушиваться, но мне, конечно, больше всего, а я в общем как еще молодой, меня интересовало быть слушателем или присутствовать при таких беседах, когда старшие там чего-то разбирались в этих вот вопросах, власть, советская власть там, в социализме, там все эти вот моменты жизни. Последним этапом погрузили нас в баржу и мы поплыли вниз по Енисею, нас потянули, поплыли вниз по Енисею, буквально через два дня Федор мне говорит, что, значит: «Лев, принято решение, готовить побег, будем прорезать баржу, ты тоже включен в это количество число исполнителей». Я говорю: «Ну, что ж, ну все, сказано, значит, сделано». Значит прорезали стальными пластинами, которые доставали из ботинок из американских, армейских, они там в ботинках в подошве ставили такие пластины стальные, которые очень дают такую прочность, надежность этим ботинкам, понимаете, такую эластичность, они такие, гнутся, стальные, вот, и этими пластинами, в общем, они очень крепкие, и очень ими легко дерево, значит, процарапать, прорезать. И вот началось это вот прорезание прохода в борту баржи, как же утром и вечером проверки были, в одну сторону баржи всех сгоняют, проверяют, потом в другую сторону сгоняют весь контингент, опять проверяют. Все было нормально, значит, маскировали, закрывали баржу там, там же ведь, это самое, брусья, сама баржа, а есть еще внутренняя обшивка, так вот эту внутреннюю обшивку где-то снимали, прорезали в барже, и эту обшивку после этого опять закладывали, ну, а уже известно было, в какое время там проводятся эти досмотры, поэтому это было элементарно сделать.

В. Но ведь была масса свидетелей?

О. А около этого места, где резали, там были ...значит, как я понимаю, все ребята, которые это, да, и сами тоже участвовали, или были, значит, в курсе дела, которые уже были тоже надежные, там не опасались ничего. Конечно, если, когда я приходил там и резал, я уже не думал о том, что кто-то меня там видит, не видит, это все было как-то там даже ...

В. Устроено ...

О. Устроено, да. Потом даже, когда в барже там где-то лежали там у каждого у кого свое место было, как где-то кто-то мог там простыню или что-то какой-то материал даже вроде ширму там повесить около себя. Ну это считалось вроде ну вполне допустимым таким вот ... устройством себе какого-то такого уединения такого, понимаете. Так что, если, когда это место закрывалось какой-то там шторкой, значит, это тоже ни у кого не вызывало какого-то подозрения. Ну, да и вот уже я помню хорошо, уже там резали, я видел, что одна балка с одной стороны, а брусья такие, что там одну прорезать теперь нужно еще с другой стороны прорезать и уже проход, где человек может уже пролезать, вот, и с одной стороны уже виднелся свет. То есть там осталось только просто так еще как бы проткнуть чуть-чуть и все - прорезь готова, значит, начали резать уже вторую часть, второй рез начали делать, и вот на втором резе произошел, конечно, провал. В один прекрасный момент в одну из таких проверок видимо кто-то из охранников может быть не хорошо закрыли эту внутреннюю обшивку, или что, где-то им показалось подозрительным, открыли и увидел, что рез. Тревога. Попытка к побегу и тут, естественно, начали всех проверять, смотреть по рукам у кого, значит, там мозоли на руках, у кого там красные, а потому что, когда резали этими пластинами, то обязательно нужно было обматывать хорошо тряпками эти пластины. Вот, ну у меня руки такие будем говорить так, рабоче-крестьянские и в тряпке обмотано, значит, вроде так никаких следов у меня и не оставалось, а часть людей,

человек, по-моему, так наверно около пятнадцати, а может человек двадцать как-то отделили отдельно, их в сторону с подозрением, что это они участвовали. Я хорошо знаю, что в это число попали двое наших ребят, которые действительно резали. Это Неута Михаил из Белоруссии и один латыш Янсенс Арнольд такой здоровый латыш, такой высокий, богатырь, короче говоря, так вообще на Прибалтике есть такие, высокий он вот. Их отдельно и все, значит, не знаю, что почему они, значит, неаккуратно там резали или что, но во всяком случае они засветились, после этого естественно, уже прекратилась, никакой уже ... все это закончилась попытка.

В. А куда этих отделенных, их куда-то удалили?

О. Ну там ведь не один трюм, трюм большой есть, общий, а видимо есть какие-то отдельные там ну каюты или что, их может быть даже где-то уже увели. Все мы их больше не видели, и когда мы прибыли в Дудинку, в Дудинский порт, сначала нас погрузили, их вперед выгрузили, куда-то там на машинах увезли, мы уже, когда мы выходили, то мы уже шли, это самое, как это? К станции нас повели колонной с тем, чтобы на узкоколейку, значит, ехать в Норильск, а они, больше их не видели, можно их историю вот немножко закончить, что в дальнейшем, Неута Михаил, куда он делся абсолютно никакого сведения, никто не слышал, а вот то, что этот латыш, Янсенс Арнольд а он был направлен на штрафной лагерь Коларгон, это ж не то, что лагерь, это тюрьма, лагерь такой Коларгон, самая такая страшная тюрьма, откуда практически никто не возвращался ...

В. А это где, тоже в Норильске?

О. Это тоже на окраине Норильска, Коларгон, вот, там, значит, бригадами были все эти вот ... сученные воры, которые пошли работать на администрацию. И их задача была ну как бы постепенно уничтожить этих тех, честных воров, воров в законе, которые, значит, не хотели уходить из своей малины, вот и служить администрации, значит, их тоже постепенно ... уничтожали различными путями. Конечно, просто-таки политических, они работали, работали на каменном карьере. А работа их заключалась в том, что они просто-таки из места на место перетаскивали каменные глыбы, абсолютно бесцельная, безрезультатная работа, только для изнурения человека, не больше, не меньше. Пока этот Арнольд был еще богатырем, значит, к нему бригады, конечно, не подступались, а потому что он мог дать сдачи и поэтому они не торопились, они знали что, значит, их возьмет и поэтому они не торопились расправляться с людьми, которые им не подчинялись, но когда он уже обессилен стал, стал доходягой, откровенно говоря, как это обычно бывает, вот. И, зимой это было, когда нужно было, на этих вот работах, на камнях костер разводили, около костра периодически давали возможность погреться, и когда его значит, хотели отогнать, что, значит, хватит греться, давай иди работать, он, значит, чего-то опять, значит, начал сопротивляться, не подчиняться, тогда бригады, железным прутом так удачно размахнулся, а он, значит, наверно специалист в этом деле, что разнес ему череп ... и все, и больше его не стало, так и закончилась его жизнь ...

В. Это кто вам рассказал такое?

О. Потом это рассказали опять в нашем уже вот, в пятом так отделении, были вот эти самые ребята, которые были тоже на Коларгоне, из воровского контингента, и которые дали согласие, как бы перейти к администрации. Таких назначали бригадами, нарядчиками и так далее, вот, но все же от них мы узнали, а потому что они передавали эти сведения, кто из воров там в законе там погиб, , кто вот из политических, то есть эти сведения к нам доходили таким путем. Да они ведь сообщали, кто это там сделал, а что это за бригады, даже их фамилии назывались, так, вот, и потом воры в законе, конечно, нашими политическим этим вопросом как-то не занимались. Эти бригады, если они где-то попадались уже в рабочей зоне, потому что их там тоже не держали вечно, на Коларгоне, они переходили в другие зоны, и вот если в других зонах их находили, узнавали, то с

ними расправлялись таким же образом, это было элементарно, и таких случаев сколько угодно было. Понимаете, то есть вот, как говорится, шила в мешке не утаишь, так и это было...

В. Все было известно.

О. То есть ребята, хотя они и были нарядчиками, какое-то чувство еще какого-то, ну ... уважение какое-то к человеку, э-э-э...

В. То есть у них свои понятия о справедливости были?

О. Да, понятие справедливости, еще чего-то осталось и хоть они, значит, вроде дали согласие, они уже перешли в разряд, этих, как говорится, сученных, все же если так, анализировать, он тоже не одним пластом. Если себе представляете, там тоже самые различные люди, кстати на этом я в дальнейшем тоже еще столкнулся и встретился с нарядчиками, которые ну вот даже и мне сделали хорошее дело, вы понимаете ...

В. Помогли ...

О. Помогли. Да, помогли, мне кое-в-чем, вот, ну жить надо, потому что они тоже ж, понимаете, понимали, что если они уже окончательно переходят, понимаете, какие-то пределы и становится вот такими ну, уже не людьми, а каким-то зверем уже становится, то, значит, его конец уже будет предопределен. Потому что пока он, хотя и сученный, но он стал нарядчиком там, или бригадиром, или что-то там каких-то, или где-то в службе работает, его не будут даже те уголовники преследовать и, как говорится, смертный приговор ему выносить не будут вот за это. А вот если он уже начнет терять человеческое лицо, начнет издеваться над людьми, над любимыми, над политическими или над своими, там все, вот тут уже выносился приговор, и такие люди, как говорится, несли эту кару. Ну я не знаю, мое мнение, что это действительно так, это должно быть это вполне справедливо с, как говорится, с позиции справедливости ...

В. Это более справедливая позиция, а конечно...

О. Вот. Понимаете, вот, так, что вот таким путем. А мы, значит, это самое, на узкоколейке прибыли в Норильск. В Норильске направили нас на четвертое лаготделение, это еще, было еще, ну еще снега не было, было еще такое, ну где-то начало сентября, наверно так?

В. Сорок девятый год?

О. Да, сорок девятый год, да, вот, очень важный год, вот. Сорок девятый год. Вот, и, значит, нас тоже гнали наше четвертое лаготделение колонной, опять весь-весь наш этап, ну и, конечно... ну уже знали, что это Норильск, что вот это, практически отсюда выходят вот такие все больше, божий одуванчик возвращаются только. Очень сурово. И мы в этому убедились прямо при первой же вот, ну первой переброске при подходе к самому к лагерю. Это еще в лагере практически не было, когда нас вели по тундре, и когда услышали такой, тоже первый раз услышал такой возглас как бы начальника, начальника колонны, который возглавлял колонну охраны, что вот мол, предупреждаю, значит, что шаг влево, шаг вправо, а он еще так, это самое, для какой-то ну, шутя или что-то такое, шаг, прыжок вверх считается побег. Охрана стреляет без предупреждения. Ну ради Бога, значит, вы охрана, вам виднее, вы хозяева, вот. И вот, когда мы шли по тундре, а у четвертого лаготделения так от города находится километрах в двух, тогда-то было, сейчас-то это уже все город, вот, был такой так случай произошел, который и лично меня тоже касался. Впереди меня, когда мы шли, мы все под руки так держимся чтобы идти плотнее, так, и даже обязаны были под руки друг друга брать, чтобы, плотнее чтобы колонна шла, чтобы она не рассыпалась, вот. Вот, впереди меня с левой стороны, ну кто-то, я не знаю, конечно, кто, он как-то споткнулся, где-то за чего-то зацепился и невольно как-то оторвался от того, которого держал, и он как-то вывалился в левую сторону из колонны. Тут же моментально просто-таки, ну, я не знаю, как это, ну моментально просто-таки, раздались выстрелы... понимаете, охраны. Раздались выстрелы, и тут же были

отпущены собаки, которые тоже сбоку были на цепи, вот, притом я даже, когда шел, я все время как-то все опасался, неловко вот, мне как-то первый раз так было такое, что собаку держат, а собака, знаете, рвется прямо на колонну, на заключенных, она готова прямо схватить тебя так, и это буквально ну несколько метров. Поводырь, который держит собаку, он ну еле ее сдерживает, понимаете, вот. И поэтому, когда я шел, мне как-то все это, больше уже там не эти, автоматчики, меня беспокоили, а думал, как бы вот эта собака, понимаешь, не набросилась, а потому что собака есть собака, понимаешь, тут уже вроде ничего не поделаешь, вот. И когда он вывалился, то собаки были тоже отпущены, так они просто набросились, начали этого уже упавшего человека, которого уже расстреляли, терзать. Естественно, сразу команда: «САДИСЬ», все такое дело. Опять какая-то, значит, инцидент, ну все опять сели, там прям, кто в лужу, кто куда как что. Значит, ну выяснили, что это, значит, попытка к побегу. Все, значит, собак забрали все. Сколько там ну, может быть минут двадцать, может полчаса там сидели, пока они там это самое разбирали, что-то составляли, какие-то акты или не знаю что, но это уже не наше дело, ну в общем какой-то момент они выдерживали почему-то, чтобы, значит, видимо, даже создать видимость, что идет какое-то расследование, изучение, в чем дело, как, что, что это такое было. И мы пошли дальше, а этот ... так там и остался. Кто это я не знал, и потом, когда мы прибыли на место, я так, просто интересовался, кто-то может быть хоть знает. Нет, никто по фамилии, ничего не мог назвать, ничего, вот, так это бесследно и осталось, вот, то есть, вот я и потом подумал, что вот, а я шел тоже с краю с этого с левого, вот если бы я тоже с-с-с ...

В. Споткнулся?

О. Да смотрел на собак, боялся, я бы тоже может быть не заметил там то ли пенек или какой-то кусок там, какой-то вот там, низкорослое растение, я бы тоже споткнулся, завалился бы и мог бы быть на месте этого человека. Вот это вот прямо было первое такое ну, что ну ... показательный такой момент, вот куда мы прибыли, и что вообще нас ожидает, какой режим, какое к нам отношение, и какая нам цена, понимаете, вот. Ну и в лагере, уже естественно никто, все это уже обычным путем, попытка к побегу и все, нас предупредили что шаг влево - попытка к побегу, раз ты сделал шаг к побегу, вольно или невольно, это уже никого не интересует, вот. То есть на этом, видимо, и держалась вся эта система охраны, и воспитание этих охранников, это очень тоже важный момент - воспитание охранников, потом я с этим не раз тоже сталкивался, а что просто солдат специально держали в определенном режиме, в строгости. С тем, чтобы у них не было ни малейшего такого доброго отношения к заключенным, если у кого-то вдруг такое появлялось, а потому что таки сюда все же, видимо, подбирался такой контингент, который ну вот достаточно ну ... как-то в этом плане подкован.

В. То есть это была постоянная обработка этих молодых солдат ...

О. Конечно, конечно.

В. Им внушали, что они имеют дело со страшными преступниками?

О. Да, да, у них в казармах, различные лозунги: «Солдат, кого ты охраняешь?» . Третье, десятое там, такие, такие преступники, которые, значит, то-то и то-то, что-то делали, там всякое чего-то, не знаю, чего там написано, это изменники родины, и все это, которые, готовы вас, если что-то случится, убить, уничтожить, и которые, значит, вот ну в общем в таком типе, понимаете. Я правда один раз только видел, когда солдата с вышки сняли, сняли погоны, взяли у него автомат и повели куда-то туда к себе, значит, в свое расположение, своей части, значит, а что, почему?

В. Почему?

О. Значит, это ясно, почему, значит, или он с вышки с кем-то разговаривал, или какую-то записку сам бросил или что-то в общем, какой-то был контакт, видимо, с зоной, и кто-то с другой вышки ...

В. Увидел ...

О. Это увидел или какой-то разводящий увидел, так. Позвонил, и тут же пришли, его забрали, все. Понимаете, вот таким образом, солдаты уже, еще даже кто-то был порядочный человек, то если ты где-то, значит, допустил, слабость, и это вот уважение к человеку проявил, к заключенному, и это заметят все. Ты сам будешь уже ... я не знаю, или заключенным, или тебя в другую часть, это уже кто-кто их знает. Это я один раз я сам такое видел на четвертом лаготделении, такой момент, так. Вот, а таких случаев вообще, ну разговоры только были, что это бывало не раз, и это было как бы даже обычным явлением.

В. Вы жили там, в бараках тоже? Большое там отделение, сколько вас там было?

О. Ну, вы знаете, где мы были, в четвертом лаготделении, это были кирпичные здания, двухэтажные кирпичные здания, из красного кирпича. Подразделенные, конечно, на там такие на секции, там все там двухэтажные нары, тоже были, опять такие общие, вот. И, значит, у каждого как-то было тоже там ну уже как-то привыкли ночевать, свое место, вот. Ну общие нары были такие все, ну где-то были отдельные и такие двойные нары, где-то с разделением на там на четыре человека или что, ну, потому что, видимо, тоже где-то там была всякие там, обслуга скажем. Когда первый раз я был такие бараки, где были общие нары, вот, потому что мы тогда ходили на общие работы. Еще первая работа была, мы строили, как он называется? Техникум норильский, и, например, вот я еще таскал непосредственно на себе, на таких козлах, которые крепятся ремнями, сюда на плечи туда наложат тебе четыре или пять кирпичей, и нужно было подниматься, значит, там мы по-моему поднимались, тогда на четвертый или третий этаж, а что-то такое таскали эти кирпичи туда-сюда, вот, я там работал, это первая моя работа была. А потом перевезли, перебросили нас вот уже когда началась уже холод, зима на окончание, не окончание, ну на строительство медноплавильного завода, трубы были уже построены, все было сделано, конвертеры были построены, и к двадцать первому декабря сорок девятого года, нужно было послать в Москву подарок: первую плавку норильской меди. Вот, и вот мы туда ходили работать, правда мы опять были на общих работах, работали, коллекторы там делали, строили в основном, на улице тогда работы были, вот. Большие морозы были, до пятидесяти градусов были как раз в ту зиму морозы, даже в другие годы я не помню, чтобы был такой мороз, как было в сорок девятом году, вот. И были тоже очень много людей замерзло, погибло, а потому что был такой порядок, что, значит, что вот уже из лагеря, когда приводят смену, там на вахте просто считали пятерками, такое-то количество людей, столько-то голов они привели. А в производственную зону впускают, и там уже бригадиры уже расходятся по своим рабочим местам, работают, вот. Когда у них смена кончается, а две смены работали, значит, работа там где-то там по десять часов, скажем так, дорога, значит, получается где-то четырнадцать, а то и больше часов, а потому что все эти вот проверки при выходе, при входе, это занимает колоссальное время. Это еще лучше где-то быть на работе, чем вот стоять и мерзнуть около вахты, вот. И было так, что, значит, если на выходе что-то не хватает, хотя бы одной головы, все стоп, ничего никуда не идем, идут искать ...

В. Ищут?

О. Не, не заключенные ищут, а ищет опять уже охрана, идет ищет, и не нарядчики, охрана ищет сама, вот. Они уже знают, где искать. Они не идут там это самое в цех там, где тепло, или что, они знают, что значит, а что где-то кто-то увильнул от работы, в коллекторе или там еще где-то и замерз, вот. А мы ждем, уже сами знаем, что кто-то где-то понимаешь ушел, а потому что отделяться от бригады просто нельзя, иначе действительно, ну хоть как-то нужно шевелиться и как-то ну ... поддерживать жизнь свою, так.

А.Г. : Всегда находили?

О. Да. Как правило, всегда было так, а что слышишь выстрел ... значит, мы не знали сколько человек не хватило, ну когда выстрел, а ага, значит, кто-то там уже

нашелся, был выстрел, значит, то ли он замерз, не может двигаться совсем, то ли он еще движется, но кому он нужен, его просто-таки пристреливали и все, значит. Хорошо и сидим дальше, вот, значит, наверно уже не один наверно отстал, а еще есть, ну до тех пор, было такое, что, по-моему было два, три даже когда-то было выстрела. Встать, и пошел опять, и пошли мы опять к себе на четвертое лаготделение, а эти, которые там остались, значит, они будут, соответственно, списаны, замерзли и все, а что ж тут, пятьдесят градусов мороза, это легко списать ...

В. А существовали какие-нибудь нормы, например мороз больше там скольких-то там градусов, ветер больше скольких-то там метров в секунду, тогда на работу не выгоняли зимой?

О. Нет ...

В. Не было ограничений по погоде?

О. И ветер и мороз.

О. Да, значит, вот, мороз я прочувствовал, что на мороз нет никаких, а что это вот когда к двадцать первому декабря надо было сдавать, ничего подобного, все. Мороз не мороз, значит, надо идти, надо работать, надо такой подарок сделать, вот, так. А вот вы говорите, что, это самое, ветер или что, это я уже, когда потом был, позднее, на пятое лаготделение перешел, а там как раз было уже пятьдесят, наверно, первый год, вот, да, наверно пятьдесят первый год. Зима с пятидесятого на пятьдесят первый, когда вот уже ходили на работу, и была такая пурга, это называется черная пурга, такой ветер сильный, и мороз еще конечно, поэтому обязательно закрывали лицо, такой фанерной такой дощечкой, это закрывали, делали сами, так, потому что там перчаткой закрываться или что, это не совсем удобно, а это удобно, и самое главное, что такой ветер, если мы идем ...

В. По ветру

О. ... ветру, вроде так тебя несет прямо, если идешь против ветра, то нужно, ложиться ну буквально вот так вот, ну не знаю, ну градусов на тридцать наверно от тебя ветром поднимает, если ты идешь прямо тебя сбивает, и ...

В. Но все равно, все равно работали и при таком ветре тоже?

О. Все равно идем, да, все же идем на работу, вот. А внутри лагеря, когда были внутри лагеря, были протянуты, когда нужно было идти из барака к блоку питания, значит, ну там приносили питание, но все равно там были протянуты такие веревки, канаты, по которым можно вот так, за которые держаться и не сбиться с пути, потому что иначе можно и на запретку полезть, а там, если там полезть на запретку, тебя могут там убить, вот, понимаете. Поэтому вот такой все же момент там был, что можно было держаться каната с тем, чтобы не заблудиться, но это отдельные периоды, это, черная пурга, там ну максимум может быть она неделю, более там пять дней, не больше, вот. А так-то это, это все же редко было. Так же редко, как и редко было северное сияние, особенно цветные, простые, белые сияния, это они каждую зиму, все время идет, так. Как морозная погода, значит, так северное сияние, а вот цветное северное сияние, это вообще что-то такое, чудо природы ...

В. А вы видели?

О. Я видел, ну наверно раза три или четыре, не больше, понимаете. [кашляет]

В. Как у вас режим был переписки, вы писали письма, получали?

О. Два письма в год. Два письма в год можно было написать.

В. А получить сколько вы могли?

О. То же самое ...

В. Тоже два письма в год?

О. Два письма в год получать и, понимаете, это самое ... Нет, подождите немножко, нет, получать вроде было больше... это вроде как бы не чему, я знаю, что мы могли писать два письма в год, а вот получать может быть больше, все же, так, да точно. И посылки мы могли тоже получать, вот. Я же, мне посылки присылали, так, что

да, действительно это, это вы как-то правильно подметили, а что это, порядок был, что мы имели право официально по почте писать два письма в год, вот, а вот получать больше. И посылки, а потому что я получал посылки, ну раз в квартал я получал посылку. Я обычно просил, чтобы мне посылали махорку. И сало, ну и сахар. Вот так. Все мне тогда первый раз писали и спрашивали: «Ты что, курить, что ли стал?» Я объяснил, что нет, это не курить, это для моих друзей, а потому что-таки, табак здесь порой дороже, чем хлеб, вот.

В. А можно было как-нибудь нелегально передать письмо вне ... очереди?

О. Конечно.

В. А как это можно было сделать?

О. Ну, знаете, что это, значит, если ты, когда на общих работах, там это сложно, передать, вот. А вот потом, когда я уже работал в механической мастерской, во-первых, так, все это значит, что, ну коль вы вопрос задали, вот там уже ведь тоже и вольнонаемные работали, они правда как-то работали, знаете как, они числились и токари и слесари, ну и там самые различные работники, электрики там, так. Но они не работали, за них выполняли работу заключенные, но за то, что на них закрывали наряды, они потом приносили хлеб, приносили ну курево, приносили и бутылочку, приносили так. Вот. Через них можно было и письмо передать вот.

В. Вы пользовались таким случаем, да, передать письмо?

О. Нет, я не пользовался, а потому что таки у меня была возможность по-другому это делать, вот.

В. А как?

О. Потому что таки, вот эти письма, которые я вам сказал, что в Красноярске, помните вот там?

В. Да, да, да.

О. Я переписывал и все. Значит, когда мы уже были в Норильске, и когда там уже освоились, то из Норильска такие же письма тоже много писалось вот.

В. То есть вы эти листовки переписывали и продолжали в Норильске?

О. Да, да, да. Это опять было еще в больших масштабах, вот, ну опять кто там писал, как-то меня это не касалось, я всегда мог, сколько мне нужно, написать кому ... я писал и домой, писал и знакомым, писал, так. Вот. Я мог это передавать и мне не нужно было, как говорится, ну ...

В. Искать другие пути?

О. Да, вот, потому что таки, с вольняшкой тоже еще, так говорили, опасно передавать, вот таким путем. На доверие, а что он просто-таки это сжечь, бросить, или, значит, как-то такое, а вдруг даже и передать куда-то еще, понимаете, вот. Поэтому-то, что он хлеб приносил, все это, это он уже вроде расплачивался за выполненную для него работу, то это он ну скажет, а вот то, что дашь ему письмо, он может это еще вдруг кому дать. Поэтому тут нужно было надежный канал, и поэтому я им не пользовался, вот надежные каналы были.

В. Ваша организация продолжала работать?

О. Да, да, да, это все продолжалось ...

В. И она как-то увеличивалась наверно, вы не знаете, у вас были какие-то собрания?

О. Собраний никаких не было, абсолютно.

В. Контакт был точно так же, с одним человеком, с этим Федором?

О. Да, да, да, да. То есть все это было по цепочке, ну и так как я был как-то с Федором, как-то привязан к нему, он еще вообще мне даже запретил самому, ну с кем-то так знакомится, с кем-то на эту тему разговаривать. Потому что таки он, видимо, решил, чтобы я был при нем как был. Я ведь знал только его, я вот через него, значит, передавал. В дальнейшем, когда уже программа у нас появилась, я только через него эту программу, переписывал и ему-ему же отдавал, вот. И все знакомства, все, как говорится, какие-то поручения партийные были, ну самые может различные, такие совсем не связанные с политикой, но внутрилагерные

поручения, все равно это все было через него, то есть это был как бы ну закон конспирации ...

В. Например какие поручения?

О. Поручения чего? Ну вот, скажем, нужно было передать передачу в ШИЗО. ШИЗО - это штрафной изолятор, там, где сидели наши ребята, махорку, хлеба, ну и все, там кусок сала, там где-то с посылки ...

В. То есть передачу незаконную, тайную?

О. Да незаконную передачу передать, так, вот, значит, вот такой сидел часто в ШИЗО, такой заключенный как Климович, вам эта знакома фамилия? Вот, так вот я два раза, ему это передавал такие передачи. Значит, Федор мне говорил, что значит, сегодня в такое-то время там дежурит ... такой-то там, значит, надзиратель, к нему надо прийти и сказать, что для Климовича передача, все, больше меня ничего не требовалось. Я это подходил, находил такого-то надзирателя там, или как его? Дежурного. Передавал ему, говорил и все, он передавал Климовичу, то есть надзиратели тоже были, ну как бы вот, связь с надзирателями тоже была, понимаете, вот в этом, этом плане. Она была тоже невидимая, незаконная, ничего, но она была. А потому что тот же Климович, знаешь, он сам говорил, и в своей книге он пишет, что он получал, передачи там, даже начинки там упоминает, начинки я прекрасно знаю. Ну, а как это получалось, как это делалось, он уже не знает, а потому что он больше всего времени до восстания сидел, вот, и в тюрьме, и в штрафном изоляторе, в одном, в другом, там его гоняли, потому что он был бунтарь. Он открыто выступал, против вот, унижения, против всяких вот этих произвола, дискутировал, это самое, с офицерами, с начальником лагеря, там еще где-то там, с другими офицерами все, вот. Поэтому его даже ведь там судили за стихи, так и все. Поэтому он шел как-то как бы в открытую, он выступал, он и себя-то называл бунтарем. Не каким-то там, скажем, политическим там каким-то, да, вот, а он был бунтарь. А это нужно было, видимо, это тоже, кто-то должен такую функцию был выполнять, чтобы как-то вот ну... атмосферу, определенную, держать сохранять, вот. Но если таких бунтарей много, это получается какой-то нерегулируемый бунт, который можно подавить [смеется] элементарным образом, и себя уничтожить. Когда такие отдельные люди появлялись, их вот держали, на все праздники сажали, вот, их не держали в общей среде, за ними было наблюдение, я так полагаю, что за ними наблюдали, и вот все эти ... как их? Осведомители, которых было очень много ...

В. А вы их как-то знали, кто осведомитель? Кто следили, знали?

О. Да нет, нет, нет, нет, нет, нет. Это тоже, видимо, правильно, я даже как-то, мы тут с Формозовым на эту тему разговаривали, я говорю, что правда я вот не знаю, но вот просто-таки интересно, говорю, вот какая система была у этого доносительства, скажем, что каждый сам замыкался на, скажем, там уполномоченного в лагере, и была какая-то тоже может цепочка. Вот, скажем, там какой-то один доноситель, а он еще держал связь еще там с двумя, с тремя, вот как это было, я говорю, не имею представления, но мне вот просто даже интересно это, говорю, вот, как ведь историк изучаешь ... это вот лагерная жизнь, а вот с этим вопросом сталкивался, он говорит, знаешь, я об этом никогда не думал, так что тоже не имею понятия. Потому что, по-моему, по лагерной жизни я не знаю, есть ли какие-то воспоминания, вот этих оперуполномоченных кого-то или как что. Я сомневаюсь, чтобы что-то было, ну как-то показать вот, или все это раскрыть, вот. Вот, а это своя какая-то определенная система, так, что вот, вот так ...

В. А вас сажали в карцер? В лагере?

О. Нет, нет, нет. Я держался очень так, это самое, скрытно, я не лез никуда, если, что-то нужно было, значит, я выполнял все эти указания, все делал. Я не боялся, а чтобы, что-то там был какой-то провал или что, потому что я верил тем, с кем я общаюсь, а я же вам говорю, что Федор Смирнов он мне запрещал. Я видел, когда уже были мы в пятом лаг отделении, когда туда меня перевели многих людей, фамилии,

которые вот тут даже Климович, вспоминает там. Грицак, я их видел, я их знал, но с ними непосредственно не общался, я просто видел, что они встречались со Смирновым. Вот, а моя обязанность даже входило, что, когда уже даже вот во время восстания, когда ... собирался, это самое, забастовочный комитет, и собирались, это самое, с участием членов русского подпольного центра, украинского, литовского, это все было. Вот, то мой обязанность была сопровождать Смирнова, на эти встречи и смотреть нет ли какого хвоста, нет ли, что-то кто-то следит за ними, так. Поэтому зрительно я это видел, вот. Потом Смирнов мне, конечно, многое рассказывал, какие там решения приняты, как, что, все это рассказывалось, какие там вопросы решались. А самому мне был наложен запрет, чтобы я не ... значит, как говорится, не лез ...

В. Инициативы не проявлял ...

О. Да, инициативы не проявлял, чтобы я не попал как-то ну может быть впросак, чтобы это было надежно, вот. И чтобы я и вот даже во время восстания, чтобы я не подключался к каким-то таким вот массовым, понимаешь ну, а агитационным работам, к массовым участием с людьми, вот, чтобы не светился. Потому что, скажем, чтобы не общался с членами забастовочного комитета. Раз ты с ними общаешься, значит тоже уже становишься активным участником этого восстания

...

В. А получается, что он-то входил в члены забастовочного комитета?

О. Нет, нет. Он тоже не входил. В забастовочный комитет входил другой человек, член партии ...

В. Единомыслие, то есть ваша партия она поддерживала идею забастовки и сочувствовала и работала на забастовку тоже? То есть кто-то входил из вашей партии, представлял вашу партию в забастовочном комитете?

О. Ну вот, ну скажем четвертое лаготделение это был Недоросков Володя ...

В. На четвертом лаготделении тоже было ... а ... подождите, вы были на четвертом когда?

О. Это уже было в пятьдесят втором году....

В. Перешли в пятьдесят втором году ...

О. Да, и опять в четвертый, опять в четвертый перешел...

В. Опять в четвертый. А восстание вас застало где? На четвертом?

О. Да, в пятьдесят третьем году уже, да. Вот.

В. И как это, как созрела эта идея, как это вот начало готовиться.

О. Нет, нет, ну во-первых, значит, вот, дело еще в том, что когда я еще даже на пятом уже пришел, так вот. Я тоже как-то познакомился с тем же с Тихоном Петровым, познакомился с Мелентьевым, там еще Колесников, там. Там же с Дикоревым познакомился, вот. Я с ними познакомился, я с ними общался, ну мы не говорили, не проявляли то, что мы члены партии, понятно, да. Вот, значит, вместе мы, что-то там делали, вместе там встречались, обсуждали, даже ... какие-то вот жизненные ситуации, вот это, политические вопросы разбирали, ну мы, как будто просто как знакомые, но не как члены этой партии, а потому что члена партии я знал только Смирнова. Но мне было ясно и понятно, и им вероятно и мне, что мы собственно

...

В. Принадлежите к одной партии

О. Принадлежим да. У нас все одно, так. Ну не положено было вот так вот делать, вот это. Кроме того скажем еще на четвертом лаг, на пятом лаготделении тогда Смирнов создал еще одну партию, значит, он создал, партию, которая называется, их называли так по-разному ... «Ленинцы», «Верные ленинцы», как-то еще там? В общем, такого со словом «ленинец» так, вот это как раз были те заключенные, которые уже были постарше по возрасту, они занимали достаточно такие традиционные посты там где-то, в бухгалтериях там, в конторах, инженерных работниках, чисто инженерных так, вот. Были и начальники колонн, по-моему, это кто-то был еще, мастера, старшие мастера, которые уже отбыли с тридцать седьмого, ну каких-то дальних лет, уже много лет отбыли так. И они были «Верные

ленинцы», так. Так вот, значит, как бы их тоже он объединял, вот они эти «Верные ленинцы» собирались уже какой-то группой, где-то там попить чаю, поговорить, там если там человек пять, десять собирались, вот. Собирались открыто ничего не боялись, говорили, обсуждали, и не боялись, а что на них где-то донесут, ну донес там, что там, какой-то осведомитель, что они там обсуждают вопрос какой-то почему они сидят, кто виноват, кто, что ... ну что? Он донес, что они считают, все верят в Сталина. Все, значит, считают, что это империалистическая, выходки, все, что действительно были такие провокаторы, которые создавали эти ложные...

В. Доносы, процессы?

О. Ложные доносы, процессы, в которых люди страдали, а теперь сидят в лагере, понимаете, вот. Ну, ... это самое, такую организацию ничего, никакой кары никто не нес. Ну это, было для Смирнова очень важно и необходимым, а потому что таки его тоже все же ... за ним была определенная слежка, а потому что в деле у него было записано его прошлое, и поэтому за ним следили, его даже на каждые праздники, первое мая и седьмое ноября тоже изолировали, сажали в ШИЗО и все ну на пять, на неделю, сажали, потом снова выпускали, таков был вроде порядок, вот. Поэтому это для него ... если где-то даже к нему могли если вдруг предъявить какую-то претензию, ну он говорит, как же, конечно, вот пожалуйста, есть такая организация, мы встречаемся, мы обсуждаем, мы изучаем работы Ленина, а работы Ленина он меня заставлял изучать, вот.

В. То есть там была возможность эти работы получить?

О. В библиотеке, пожалуйста, все работы Ленина, Маркса, Энгельса. Это можно было брать, читать, изучать, обсуждать, и все это дело, и это все ну ... раз это было, значит, это ... считалось как перевоспитание, вот врагов народа ...

В. А чем, как он объяснял вам, что вы должны изучать работы Ленина?

О. А потому что Смирнов Ленина очень ценил, как он говорил, великого организатора, который, у которого надо учиться, как нужно вести подпольную работу, как нужно организовывать партию, как надо, какими методами, как, что. Поэтому, говорит, чтобы своего врага знать, его надо изучать, вот. Вот таков был принцип, почему вот тоже наши ребята тоже этим участвовали вот в этих вот беседах, сами брали книги, изучали. Ведь я очень много ленинских произведений, сочинений, много прочитал, я, знаете, что ... почти прочитал этого самого ... Энгельса. Вот Маркс мне почему-то ну никак, я брал «Капитал», читал, но я, что-то не мог осилить это дело, мне это было очень ... ну как-то не по нутру, непонятно, и в общем может быть с этими вопросами экономики, я, значит, ну как-то ... мне они были не свойственны и не затрагивали меня, понимаете, вот, поэтому я только так смотрел и ... глубоко не вникал. Вот Энгельс и Ленин - это пришлось проработывать достаточно основательно и, значит, ну ... действительно, понять.

В. Глубоко это осознать ...

О. Да, глубоко, да, понимаете, вот. Так что это все тоже было и еще кроме того Смирнов еще держал связь ... еще с одной, это вот уже не партия, это просто была какая-то ну группа ... или контингент людей ... это уголовники, честные воры, которые прошли тоже определенный путь, которые оказались в нашем лагере, а у них была пятьдесят восьмая статья.

В. За побеги наверно ...

О. За побеги. После побега давали пятьдесят восьмую статью, и они были с нами вместе, и среди них было очень много таких людей, с которыми была у нас связь непосредственно, прямая связь была. Которые, как я вам говорил, выполняли определенные, когда нужно было кару кому-то вынести, осуществить, вот. Это они выполняли. Чисто пятьдесят восьмая этим делом никогда не занималась, как говорится, вот. Кровь никому не пускала, а вот эти люди, они, как бы мстили своим врагам, которые их где-то там преследовали, уничтожали, вот. И кроме того у этих уголовников были целый ряд людей, которые в прошлом были, родители, скажем которые тоже были репрессированы, это еще со времен еще ну вот еще до

двадцатых, тридцатых годов еще когда были восстания. Скажем вот Начинкин, насколько я знаю, а что Начинкин мне рассказывал, и Федор рассказывал, что он из семьи, значит, богатого, зажиточного крестьянина, я так хочу сказать ... которого не раскулачили, а когда во время восстания, это самого, как оно? Тамбовского восстания, а антоновщина там была, так.

В. Так.

О. Э-э-э, отец и старший братья были убиты, кто даже, по-моему, даже расстрелян был, ну ...

В. Котовский подавлял.

О. Да, да. Вот, а потом, когда это все было подавлено, то стариков, женщин и детей, значит, всех подчистую брали в таких деревнях, где это было и в Сибирь, а он десятилетний или одиннадцатилетний мальчишка сбежал, и пошел ... беспризорник, воришка. Потом, значит, это самое, где-то потом мститель, он рассказывал, как он мстил, уничтожал милиционеров, этих уполномоченных и все, но где-то он попался, он попался за ограбление там какого-то магазина. Попал в лагерь, а в лагере потом бежал, получил пятьдесят восьмью, оказался у нас и вот по такой цепочке он шел, понимаете, поэтому он тоже как бы ну вот уже [смеется] проверенный и преданный человек, так. Вот, а у него были свои, молодые ребята, которые попадали, и вот они с кем-то уже вместе держались, а потому что это тоже еще была такая... прослойка как бы вот это, в этой партии, которая вот ну... вместе в одном союзе были. Они единственно друг друга понимали, как-то поддерживали, и все единственно, что только по биографии Начинкина, у нас получилось расхождение с Клеймовичем. Он пишет, а что он был, какой-то там чуть ли не из семьи какого-то партийного крупного работника, и все. Вот, а мой Начинкин, насколько я его знаю, и вот из других он был...

В. Крестьянином.

О. ... зажиточным крестьянином. И который это вот восстание, которого его загубило. У него было, у него была своя кличка. У него был очень шрам заметный, на лбу был такой большой шрам, по-моему, над правым виском большой шрам ... ну вот смотришь и сразу видно, так. И я еще Начинкину, то есть Клеймовичу, писал, потом уже правда, так. Что, слушай, вот у нас чего-то вот, расхождение, книгу-то он потом уже написал, это еще до девяносто второго года, а вот когда мы с ним немножко так это, то разошлись так немножко охладились, да, вот. Я ему еще написал, слушай, меня интересует, а ты напиши сообщение Начинкин какой, какая у него была кличка, какой у него была, как не шрам, я писал, а как ...

В. Особые приметы

О. Да, да, какая у него примета была, ясно видная, примета какая была, так, потому что таки я почему-то думаю это один и тот же Начинкин или это разные люди, под каким предлогом, так. Он мне не ответил. Так что поэтому это у меня осталось непонятное ...

В. Невыясненное ...

О. Да, не, невыясненным, как это, что, вот. Потом я еще писал что-то там еще про других там ребят, писал, чтоб выяснить, почему-то он уклонился вот от этих вопросов, понимаете, мне это было как-то непонятно, вот.

В. А у вас было какое-то партийное имя, псевдоним какой-то?

О. Было ...

В. Было.

О. Да, [смеется] это я еще никому не говорил, никто у меня не спрашивал.

В. А у всех было партийное имя?

О. Нет, не у всех, у Федора было. Когда он меня принимал, он мне дал он мне дал кличку и сказал свою... и больше ... не нужно.

В. А это можно сейчас сказать?

О. Что?

В. А это можно сейчас сказать?

- О. Можно, наверно можно. Моя кличка, он мне дал кличку «НАЛИМ».
- В. Почему?
- О. Не знаю, почему, ну во-первых, не знаю, я так сам думал, почему «налим», ну ... думаю так, ну налим - это вообще-то как-то рыба, которую трудно поймать, которая, всегда где-то прячется, которая, значит, на виду не показывается, вот. А его кличка была «чайка», вот так как-то вот может быть так, по противоположному такое было, он вроде так это летает, все ...
- В. Он на виду, он на виду, а вы в тени.
- О. Да, а я в тени, понимаете, и вот он меня держал в тени, в дальнейшем, ну ...
- В. Ну как вы думаете, он вас берёт ?
- О. Берёт, ну, во-первых, потому...не то, что берег, а потому, что я был непосредственно с ним связан, я видел всех других людей, все. И поэтому, он так и мне не разрешал светиться, а потому что таки, это было опять исходя из конспирации. А вдруг я попадусь где-то, вдруг меня будут пытаться, меня будут значит, вынуждать что-то сказать, и я могу где-то просто проговориться, даже в бессознательном состоянии или как-то что, а что угодно может быть, так. А это вроде недопустимым является, так, в принципе. Поэтому он, значит, меня в этом плане берег не как какую-то личность, которую он как ну как родного там брата, или что-то такое, а в принципе он вообще по жизни он мне был как старшим братом. Если не дороже ...
- В. Ну наверно, этот мотив тоже присутствовал, а что он берег вас и как, как брата и как товарища по партии.
- О. Ну я это как-то чувствовал, настолько как-то мы душевно как-то сблизилась, в понимании, во всех вопросах, то мы в общем с полуслова друг друга понимали все это было, и ну еще может какая-то ...
- В. Вам всего-то было двадцать четыре, двадцать пять.
- О. Совершенно правильно, я еще был ...
- В. Всего, вы еще были очень молоды ...
- О. Вот, а он, а он с восемнадцатого года, он на семь лет старше меня, так. А семь лет в то время, это уже многое было, он уже прошел большую школу понимаете, все это, вот. Так, что это, все это было. ... Вот, так что это было все.
- В. То есть это была у вас такая духовная ваша опора.
- О. Да безусловно, духовная опора. Если говорить ведь, скажем, для книги для четвертой, то есть для пятой, по восстанию, значит, ну я как-то написал, интересно даже когда, редактор Касабова посмотрела, значит, она здесь никакого вопроса не поставила, значит. В пятом лаг отделении, еще, после четвертого, я пришел, и я сразу опять попал в ремонтно-механическую мастерскую... вот, и, там уже как-то поделились, как, что. И там сразу как-то, значит, ну сразу определили: «Слушай, Нетто, это, значит, а что это ты, Нетто, какое-то отношение имеешь к футболисту Нетто?» В то время он уже, в сорок седьмом ...
- В. Звучал.
- О. Да, уже звучал. Я говорю, ну как – ну брат. Вот. И, конечно, то, что я брат Игоря Нетто, это мне многое ...
- В. помогало ...
- О. Помогало и многое, значит, ну мне было, так с ним, таким образом я познакомился с Андреем Старостиным, вам это имя знакомо, да?
- В. Конечно. Братья Старостины, футболисты.
- О. Да, их четыре брата.
- В. Четыре брата и все футболисты.
- О. Все футболисты и все сидели в разных ...
- В. ...лагерях.
- О. Вот, вот. В Норильске был Андрей Старостин, вот. Все они прошли уже поездки по Европе. Англия, Испания, Франция, все они видели, знали, смотрели. Вот я не знаю остальных братьев, я с ними так не общался, с Николаем я уж так знал, был, здесь, но глубоко общался только, с Андрей Петровичем и Андрей Петрович для

меня это, мой ну один из главных наставников, учителей моих, вот. Моих идеологов, который не признавал, что есть Советская власть, вот, а что советской власти нет ...

В. Он был членом вашей партии? Или вы не знаете?

О. Так как я его видел вместе с Федором...

В. Вы считаете, что ...

О. ...я считаю, что он был. И, кроме того еще подтверждение того, что он был, еще имел ... Коль я уже начал говорить, то я наверно вам это и скажу. В пятом лаготделении... ну вот было ... например на работу, когда мы проводили, там эти письма, и всякие там вопросы и подготовка там и к побегу делалась и всякие вот эти вот, передачи в ШИЗО людям. Еще другие вещи, а для побега, убежать, значит, нужно было иметь одежду соответствующую ... значит, эта одежда соответствующая была у отдельных заключенных в камерах хранения, значит, а как туда попасть, это тоже нужно было, попасть туда. Так вот тоже, значит, все это я участвовал в этом деле, мне давали слепок ключей, а я отдавал своему другу, эстонцу, Арно, который работал в мастерской. Вот, он делал ключ, я этот ключ брал ...

В. Передавал...

О. Отдавал, и они там же ведь ... после этого там Клеймович получал эти, [смеется] как говорится, не от меня уже, а от какого-то там от других там получал, значит, вот эти ...

В. Передачу...

О. Передачу, да, вот. Но все это было, делалось, но кроме того еще мы встречались, и часто у нас были, переходы, перебрасывали из лагеря в лагерь, вот, и по-моему и уже были такие, где-то в лагере уже из пятого, по-моему в на первый на Каэркан. Каларгон и Каэркан. Каларгон, это разные: Каларгон - это штрафной, а Каэркан - это просто-таки обычный, один из шести лагерей нашего Горлага. Людей туда перебрасывали ... по каким-то признакам, по каким-то целям, то ли из цели как рабочей силы, ну может быть были и какие-то другие соображения. Поэтому люди все время переходили, может быть из-за того, чтобы люди как то ну ...

В. Не обростали знакомствами

О. Не обростали знакомствами, совершенно правильно. Вот, и поэтому у Федора тоже было уже такое подозрение, как-то у него, видимо, была связь и где-то с кем-то из администрации, а что его могут перебросить на этап в другое отделение, а в пятом отделении уже установилась связь. Достаточно прочная волей. Письма передавались просто пачками, а Федор мне сказал, а что уже за колючей проволокой есть свой радиопередатчик, который, если нужно, подключится и будет передавать то, что нужно для нас, вот, так. Вот, и поэтому связь, она должна была быть, и он боялся, что его могут перебросить или в кКфэркан, это за Норильском. Или туда в горы на медвежку, а тут уже связь сразу как-то теряется. И он мне сказал: «Я, значит, хочу тебя ... тебе передать связной пароль, если я уйду, то по связному паролю свяжешься и эту связь будешь дальше...»

В. Держать.

О. ...держат и использовать для необходимых целей». Он мне назвал пароль. «Пурга черная» ...а ответ должен быть «стихия родная». Вот это, значит, был пароль и ответ, вот. Я говорю: «А если вот это, если ко мне придут, скажут, я тогда отвечу, а если мне нужно выйти на кого-то я ж не буду так, первому попавшему говорить...»

В. Пурга черная.

О. Да, «пурга черная», ... он говорит: «А ты его знаешь». Я так сразу подумал, кто же это может быть вот, понимаешь, говорю, Андрей. Он мне ничего не ответил, только мотнул головой. Мне все стало ясно, что это Андрей Петрович, который действительно с волей имеет богатейшую связь, потому он до Горлага, он же ведь вообще был в Норильске расконвоированным, он же тренировал это «Норильское

Динамо». Ездил на соревнования в Красноярск. И только когда его там заложили, куда-то пожаловались в Москву, что вот, он такой, такой-то враг народа, который по пятьдесят восьмой статье...

В. Тренирует.

О. Тренирует, ездит в Красноярск, тренирует, вот, а его команда взяла там вроде какое-то первенство, так. То есть из-за зависти, тут моментально его ...

В. В лагерь...

О. Убрали, заперли, и он оказался в Горлаге, вот. Но связь-то, людей-то он знал, он, значит... связь эту сохранилась, вот. И ему верили. И он в людей верил, и у него была достаточно широкая связь, вот. Поэтому я как-то так и подумал сразу, а что это может быть Андрей, и он только мотнул головой, и говорит «Все ясно?». Ну этой связью я не воспользовался, а потому что таки Смирнов ушел на этап. Ну ушел на четвертое лаг отделение, а четвертое лаг отделение и пятое работали вместе. На Горстрое. Андрей Петрович работал в конторе, на Горстрое, то есть практически вот та ...

В. Остались все связи.

О. ... основная часть осталась, вот. Вот, и, конечно, я ее не использовал. Забегая на много лет вперед, да и потом вскоре я ушел на этап, и тоже на четвертое, тоже опять был уже не на общих работах на четвертом, а был опять в ремонтно-механической мастерской, а Федор работал в нашей же мастерской в инструменталке, то есть я прям говорю, какое-то такое вот стечение обстоятельств получилось, вот. Вот. Поэтому это все вроде сохранилось, а уже много лет спустя, когда я уже был в Москве, когда, Андрей Петрович был в Москве, после того, как мы встретились на свадьбе у Игоря в шестидесятом году, а в шестидесятом году Андрей Петрович был начальником команды, сборной Советского Союза, а Игорь был капитаном, они в Париже впервые завоевали кубок Европы. Вот, и вот уже, собственно, мы там встретились в дальнейшем мы еще раз, сколько раз встречались с ним, но у меня даже было такое какое-то желание использовать этот пароль, понимаете. Но я его так и не использовал, почему, а потому, что пароль нужно было использовать не просто для ради интереса, а для дела, потому что у нас, когда мы уже вышли на волю, у нас было много попыток. Всякие действия предпринимались все же постараться найти действующую партийную организацию ... на воле. Как еще тогда в сорок пятом году мне говорил Смирнов, ну так она и не была, не было, связь почему-то, значит, так и не появилась, так все это на лагерном уровне и осталось, вот. Если бы это нашел ...

В. Старостин...

О. Старостин, он обязан был бы это мне сказать и связаться сначала по паролю, что мы ... единомышленники. Вот, и передать практическое действие, вот. Если бы у меня что-то было бы известно, то я должен был обязательно это сказать. Потому что таки при встрече, при одной встрече, уже даже после этого, свадьбы Игоря уже где-то там, где-то в шестьдесят каком-то, вот не помню, каком году он меня спросил, Смирнова ты, значит, знаешь или нет, а где он. Ну я ему тогда сказал, что Смирнов уже умер, а Смирнов умер в шестьдесят восьмом году. Вот. Ну больше он даже уже не углублялся, ничего, вот. Ну он, видимо, тоже как-то видимо знал, что я со Смирновым общаюсь, все это было понятно, но вот такого вот конкретного действия, конкретная работа, значит, вот не предпринималась ...

В. А как вы думаете, действительно ли была на воле эта организация или ее не было? Или Смирнов это сказал, чтобы поддержать как-то, придать солидность, уверенность, скажем.

О. Значит, я вот вам так скажу, ну, во-первых, я еще тоже тогда ... один момент такой, который касается Старостина сказать, что вот Старостин, значит, уже снова пришел в «Спартак», после ... когда вернулся в Москву. Вот, значит, как бы вроде восстановился, значит, там. Реабилитировался, вот, и он, значит, опять стал в «Спартаке», стал общаться с Игорем и после того, ну он видимо много ... Игорь

рассказывал, как-то общался, и я заметил даже те высказывания Старостина, его точка зрения, даже вот в записных книжках какие-то записи я увидел, что у нас почему-то с Игорем совпадают, вот. Вот, даже вот такое высказывание, Толстого, «Делай, что нужно, и делай, что должно и пусть будет, что будет». Я это записал у себя в Норильске, а здесь, когда уже Игорь умер, в его записной книжке я это тоже нашел, понимаете, вот. Ну и там отношение к советской власти,] я как-то понял, что это видимо, конечно, ну влияние, Андрея, он не вербовал ничего, а просто-таки даже вот в общении, в понятии жизни, в оценке жизненных ситуаций, оценки может быть даже вот тех ситуаций, в которых находится страна, народ, сами спортсмены. Игорь тоже был очень не согласен с тем режимом, с тем отношением к спортсменам, которое было у нас, и которое он видел за рубежом ... то есть это тоже было, значит, не в пользу, значит, ну вот демократических понятий, а любви к человеку, а именно опять тоже принуждение и ...

В. Использование.

О. Использование, понимаете, вот. И вот здесь, видимо, тоже, конечно беседы на эту тему, не на партийную, конечно, а просто вот такого жизненного, оценки жизни со Старостиним во многом сказались, и он стал ко мне несколько более, э-э-э...

В. ...теплее

О. ...откровенным, да. Вот.

В. То есть, когда вы говорили, что потом Игорю открыли глаза, вы имели в виду эту ситуацию?

О. Вот, вот это я имел, а что его общение со Старостиним в первую очередь, а потому что таки, Старостин действительно был, я так считаю, что вот демократом до мозга костей. И для меня он, великий демократ, который в таких условиях вот действительно умел видеть, оценить жизнь. И умел сохранить ... вот этот принцип: «Не торопись, всему бывает свое время. Все должно созреть».

В. А вы с Игорем потом часто встречались, когда вернулись из лагеря?

О. Нет, ну вы знаете, мы часто ... так это ну встречались, а потому что ... в основном, когда еще мама была жива, мы ну встречались, там частенько у мамы, там все эти вот ну праздники, там юбилеи, там дни рождения, все были так. Часто после игры встречались, вот. И мне особенно запомнился один эпизод, когда мы были втроем: Игорь, мама и я. Так тоже после игры, а он всегда Игорь после игры обязательно приходил к маме, она его кормила, он у ней там часа два, три отдыхал, вот. На своем любимом диване, так, вот. Ну и другое, так какие-то разговоры затевались, так, обсуждали. И вот как-то, что-то рассказывал про вот этих спортсменов, что вот, значит, такое вот все у нас режим, ну и вроде так дал понять, что это все же не нормальное явление, а что это мы как куда-то не так делаем. А мама была очень привержена, я вам говорил, что была привержена, к Троцкому, его она признавала, как одного из лидеров, и она ушла из Наркоминдела, вот как будто бы она говорила, что Троцкий перед тем как уже отойти от дел, когда его начали преследовать, практически его ведь выгоняли уже, убивать его не убивали, не сажали, а просто-таки, ну просто-таки хотели от него, чтобы он ушел за границу. Вот и перед тем перед своим убытием, ну в каком-то кругу, где она, значит, то ли сама слышала, то ли говорила, что он сказал, а что говорит: «Да, Россию загонят в бараний рог». То есть тем путем которым идет Сталин, он загонит партию, Россию в бараний рог, вот. Вот, и вот в этом разговоре она тоже как-то сказала, да говорит, Россию загнали в бараний рог, как говорил ... Лев Давыдович. На это Игорь ответил: «А как ты думаешь, а ты думаешь, что ... если бы вместо Сталина был Троцкий, то было бы лучше?» Матушка замолчала, ничего ему не ответила, значит, а что она ... как это она оценила, как она восприняла его разъяснения я не знаю. Но вот его это вот, фраза: «А как ты думаешь, было бы лучше, если бы вместо Сталина был бы Троцкий?», значит, видимо он считал, что лучше бы не было, а что все же это вот, система эта ... есть система, и люди ну как бы вынуждено становятся исполнителями этой системы.

В. Кто бы эту систему не проводил ...

О. Да.

РАЗРЫВ ЗАПИСИ

О. Как говорится, по ходу восстания как это делалось, что там было, кто и кто есть кто, какие-то некоторые моменты, какие-то там даже поручения выполнял по заданию Смирнова. И просьбы и поручения, вот, но это тоже собственно как-то ... показывает невидимую, невидимый пласт вот этой, этой жизни.

В. Хорошо, но мы тогда о восстании поговорим в следующий раз, а сейчас тогда вот расскажите немного об Игоре. Вот вы пришли из лагеря, как вы с ним встретились?

О. Когда я вернулся в Москву, естественно отец был еще жив, ну он уже так плохо себя чувствовал, у него с легкими было неважно, вот. Но все равно мы еще с ним как-то общались. Ну и я увидел, что отец все тот же самый, какой он был и до ... скажем вот до ... тринадцать лет не был дома, до этого, то есть он был преданный своей партии. А потому что для него самым ценным, для него в жизни? ... Это партийный билет, вот. Его если куда-то уходил в баню, то дома его так прятал, чтобы никто не видел. Мама всегда смеялась, ну кто тут возьмет? Порядок должен быть, порядок, вот, тогда я спокойно могу пойти, я знаю, что я его спрятал, [смеется] вот настолько он был, вот. И, значит, когда я приехал, когда я с ним, ходили по Москве, вот по этим же опять, Маяковка, где-то там это, где баня у нас была такая традиционная ну, где мы ходили с братом и с отцом на Домиковку. Мама все ходила в астраханские бани, а мы в Домиковские. Так на Домиковке там это новое здание это вот и гостиница Ленинградская там была, вот в этом районе. Вот, ходили там, гуляли, так один раз он мне говорит: «Лева, понимаешь, вот мы сейчас с тобой идем, вот, а здесь такой полный, красивый, хороший, асфальт. А ведь здесь же, при царе здесь были булыжники, если едешь, на извозчике едешь, тебе там все внутренности перетрясет, вот. Вот, что сделала советская власть!», понимаете. Меня всего передергивало: «Боже ты мой, неужели ты настолько глуп, ты, что думаешь, что ну, значит, ... за границей или там, где капиталисты, что там все по булыжникам катаются и ходят, так. Ты еще не знаешь вообще, как там живут, вот, а ты это ценишь, а что вот теперь советская власть пришла, и все стало хорошо, что жизнь пошла по новому. Вот. То есть он настолько тупо верил, вот, в то, что сделала советская власть. То, что она бросила Россию ... в пропасть. То, что она ...»

В. Он этого не видел?

О. Он не видел, он нет. Вот, он только видел то, что, значит, как-то стало лучше. И все, а то, что, значит, с Россией, а что это трагедия Российская двадцатого века, произошла, что его друзей этих самых вот, э-э-э...

В. Латышских стрелков.

О. Латышских стрелков, и вообще эту ленинскую гвардию, она вся была уничтожена, он это видел, знал, сам боялся, дрожал, когда звонок раздавался... это он воспринимал, значит, я даже не знаю, как это называть. Вот.

В. А он не обижался? Вот от таких вот ваших слов или вы щадили его?

О. Нет, я его щадил, и я ему этого уже не говорил, я просто думал так. Я с ним соглашался, и просто говорил, что папа, ну ты неужели думаешь, что в мире тоже все еще пока по булыжникам ездят, и все так плохо? Это же, везде так, везде все так. То есть я ему старался и уже действительно щадил, а потому что я видел уже, что это бессмысленно, понимаете. Я просто-таки убедился на этом, насколько все эти божие одуванчики, все эти вот ленинцы, которые и в лагере, скажем, я вот видел, насколько они все, как-то вот слепо верили, а не хотели вникать, действительно в сущность жизни, не смотрели в корень всего, понимаете. Так же как и многие другие, уже позднее уже, после Сталина, то же самое не смотрели в корень, а хотели просто-таки быть верны своей идее с тем, что вот нужно все же

мировую революцию создавать, строить республику и под эгидой диктатуры пролетариата.

В. А отец обрадовался, когда вы вернулись?

О. Он особой радости не проявлял, особой радости не проявлял, это он же писал, это самое, письмо, что сын не может быть изменником родины. Вот. И он писал это в Верховный Совет и с меня сняли пятнадцать лет. По его, значит, вот видимо этим заявлениям, осталось десять лет, а десять лет тогда попадало под амнистию, понимаете, и меня освободили и даже разрешили вернуться, видите, в Москву, значит, видимо, такая форма была освобождения ...

В. Вас по амнистии в каком году освободили?

О. В пятьдесят шестом.

В. В пятьдесят шестом.

О. Да, в январе пятьдесят шестого года. Понимаете, вот, потому что ведь то, что многие ребята, которые там освобождались, ребята все оставались в Норильске, на поселение, так, а вот меня вот я так ведь ... как говорится, для меня было непонятным, почему, значит, мне сразу там дали выезд, проезд на Москву там дали, и все там. Вот, и билет там до Москвы там дали, все это такое дело. А оказывается вот это отец, значит, писал, ну он действительно писал, кто он, от себя и почему он не верит, поэтому, видимо, была какая-то такая реакция, кроме того, когда была реабилитация, когда я уже, уже приехал, правда он уже умер к тому времени, а потому что я три раза писал, просил реабилитацию, вот. Три раза мне военная прокуратура отказывала, что вы признали свою вину, поэтому, значит, вот никакого пересмотра быть не может. И когда я только написал в журнал «Коммунист» о том, что вот вы пишете сейчас много о справедливости, писали в те годы, так, а я справедливости ну не вижу абсолютно по отношению к себе, и вот одна такая инспектор этого журнала «Коммунист», Быстрова ... мы с ней встречались, я все ей рассказал, она как-то, значит... ну тоже может быть вошла в мое, значит, такое в смысл моей жизни, отца, и все. Вот, конечно, она ничего не знала про лагерные дела. По существу я сидел, освободился и все, так [смеется]. Ни о какой там партии, ничего, конечно, ей понятно, это все это было, в то время ...

В. Вы не говорили.

О. Абсолютно никому, абсолютно никому.

В. А в итоге вас в каком году реабилитировали?

О. В пятьдесят восьмом.

В. В пятьдесят восьмом. После ее статьи вот в этом журнале.

О. Да, вот. И она добилась того, что мне может быть как какому-то в общем небольшому количеству людей из миллионов людей наших, которые сидели, быть на приеме у Руденко, у генерального прокурора СССР, я был у него на приеме ... минут пятнадцать я с ним был. Он у меня ничего не спрашивал о ... какой статье как, что это такое дело, ну и ему там уже сказали, кто, как, что. Он говорит, просто мне, кое-что там про отца спрашивал. И сказал, что Юрий Саньч, был, значит, не волнуйтесь, все тут, справедливость восторжествует, я поручил, уже сказал, моему помощнику, рядом сидит, разобраться с вашим делом, так что, желаю вам всего самого лучшего и все. А помощник, когда я с ним встретился, он мне сказал, что мы затребовали ваше дело из Прикарпатского военного округа, потому что таки здесь в Москве вашего дела нет.

Конец записи